

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Tashkent Islamic University
Belarusian State University
Secondary school № 54, Moscow

ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Materials of the V international scientific conference
on March 25–26, 2015

Prague
2015

Actual problems of the theory and practice of philological researches : materials of the V international scientific conference on March 25–26, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 157 p. – ISBN 978-80-7526-011-6

ORGANISING COMMITTEE:

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Mariya V. Gay, candidate of pedagogical sciences, assistant professor, teacher of Secondary school № 54, Moscow.

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Elena N. Serdobintseva, doctor of philological sciences, professor of Penza State University.

Zahijan M. Islamov, doctor of philological sciences, professor, vice-rector of the Tashkent Islamic University.

Olga Yu. Shimanskaya, candidate of philological sciences, assistant professor of the foreign languages department of Belarusian State University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of the theory and practice of philological researches. Some articles deal with questions of teaching methods of the disciplines of philological cycle. A number of articles are covered with problems of general and particular linguistics. Some articles are devoted to translation studies. Authors are also interested in functioning of language under conditions of multilingualism.

UDC 81+82

ISBN 978-80-7526-011-6

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2015.
© Group of authors, 2015.

CONTENTS

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Ананьина М. А.

К вопросу о функционировании аллюзивных имен в художественном
тексте.....7

Dzyubenko A. I., Pertseva C. R.

Concept «time» representation in the female fictional discourse.....9

Подставка П. А.

Фразеологические единицы с компонентом «цвет»:
лингвокультурологический аспект 11

Тойганбекова М. Е.

Специальная лексика в медицинском образовании: основные свойства
и тенденции развития 14

II. ISSUES OF TEACHING METHODS OF THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

Аничкина Н. В.

Совершенствование читательской культуры старшеклассников
на уроке литературы..... 18

Баканова М. В., Сафонова О. Ю.

Использование wiki-проектов в обучении иностранному языку
в вузе21

Shtrikker A. V., Lapina I. V.

The role of innovative education and modern informational technologies in
foreign languages teaching..... 23

Чеботарева Е. Г.

Участие преподавателя русского языка в подготовке студентов к публич-
ному выступлению на научно-практической конференции..... 27

Юдина Т. А.

Проект по русскому языку как средство организации самостоятельной ра-
боты иностранных студентов 30

III. ISSUES OF GENERAL AND PARTICULAR LINGUISTICS

Абрамова Н. В., Ессина И. Ю.

Лингвистические гендерные различия на коммуникативном уровне33

Дворная З. М.

Специфика обращения с оценочным значением (на материале художественных текстов)37

Клёстер А. М.

Иерархические отношения терминов в дискурсе инженерной психологии (на материале немецкого языка)39

Ляховая Л. Ф.

Императивно-сдвоенные конструкции с отрицанием в русском языке42

Нургалина Х. Б.

Стилистическая выразительность фразеологизмов, восходящих к фольклору46

Потапешкина М. В., Гетманская Г. И., Родионова Л. Ф.

К вопросу о грамматическом статусе первообразных наречий в русском языке48

IV. TRANSLATION STUDIES

Галлямова М. С., Мазунин Д. О.

Интерпретация стихотворения Б. Пастернака «Гамлет» переводчиком А. Кнеллером и ее соответствие русской поэтической традиции51

Ганина О. С.

Передача на русский язык лексических единиц, обозначающих предметы одежды, в романе М. Митчелл «Унесенные ветром»56

Селезнева И. П., Михель П. А.

Использование методики «культурного трансфера» при переводческом компаративном анализе поэтического текста (на примере поэтических циклов И. Голля «Malaiische Liebeslieder» / «Chansons malaises»)60

V. STRUCTURAL, APPLIED AND MATHEMATICAL LINGUISTICS

Логачева М. И.

К проблеме разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов в английском языке66

VI. FUNCTIONING OF LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

Сухоруков А. Н.

Терминотворческая деятельность Академии языка Ирана 70

Тежибай Е. Б.

Коммуникативный барьер в условиях межнационального общения
в курсантской среде 76

VII. URGENT QUESTIONS OF RHETORIC, SPEECH CULTURE, COMMUNICATION THEORY

Жасымбек Н. М.

Феномен оскорбления в юридической лингвистике 79

Журабаева Ю. Ю.

Корректность судебного оратора 81

Кожабек З. Е.

Конфликтное функционирование медиатекстов 84

Маштакова Л. Ю.

Гуманитарная культура и ее влияние на культуру общения..... 88

Трудкова И. Н.

Учебно-исследовательская деятельность как средство воспитания
языковой личности..... 90

Ускова А. И., Кореев И. В.

Арго и современный русский язык: сосуществование
или противостояние? 93

VIII. LANGUAGE, CULTURE, MENTALITY

Малова Н. В.

Языковая репрезентация национальной картины мира на примере
метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики
в английском языке..... 97

Приходько В. К.

Эмотивные коннотации с положительной и отрицательной оценкой в
названиях растений (на материале русских говоров Приамурья) 102

Радищева В. О.

Концептосфера немецкой лингвокультуры 105

Сергеева Т. О., Христианова Н. В.	
Функции прецедентных феноменов в газетном дискурсе	110
Середина Е. С., Кацитадзе И. М.	
Характеристика женских персонажей в современной немецкой прозе	114

IX. STUDY OF LITERATURE

Godovannaya E., Salomatina Y.	
The Role of Literary Traditions in Fowles' Mythological Novel	118
Dzyubenko A. I., Velikorodnyaya V. S.	
On the linguistic ways of concept "envy" representation in the fictional discourse by S. Kinsella and S. Brown.....	121
Karabayev S. Y.	
Азимшоҳ Хиёл Бухорий ҳаёти ва ижодиға бир назар	126
Матиенко О. П.	
Художественный мир З. Прилепина и Э. Хемингуэя. О стилистических особенностях романа «Санья» З. Прилепина и произведений Э. Хемингуэя.....	127

X. COMMUNICATION MANAGEMENT

Prokushev Y. E.	
The design of storages of expert estimates in the databases of the decision support systems in human resource management	133
Всероссийский конкурс учебно-методических разработок педагогов общеобразовательной школы «Пединновации»	137
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2015 году	140
Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2015	146
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	147
Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»	150
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	155
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	156

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

М. А. Ананьина

*Кандидат филологических наук, доцент,
Уральский государственный
университет путей сообщения,
г. Екатеринбург, Россия*

Summary. The article deals with peculiarities of functioning of allusive names in a literary text. The material under study is the novel «Vanity Fair» by W. M. Thackeray. The functions of allusions are systematized according to their role in the structure of the text, in the creation of the images of characters and situations, in the type of stylistic devices they form.

Keywords: allusive name; literary text; stylistic function.

Роман «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея был написан в 1848 году. Считается, что У. Теккерей озаглавил свой роман так же, как в свое время Дж. Беньян (1678–1684), показав тем самым, что моральный облик, нравы и привычки англичан несколько не изменились в течение 200 лет [2, с. 475]. В целом, образы героев поражают своей правдивостью, отражают авторскую иронию, дополняются рассуждениями автора об эпохе повествования. Одним из ярких средств создания подлинности, оригинальности являются аллюзивные имена, которые автор использует с различными целями. Прежде всего, имена в романе можно условно сгруппировать в соответствии с источником, в частности, можно выделить имена библейского происхождения (например, Samson, Delilah, Cornelia, Potiphar, Esther, Lazarus, Dives, Judah, Simon, Benjamin etc.), мифологические имена (Cupid, Venus, Graces, Achilles, Ajax, harpy, Omphale, Hercules, Semiramis, Minerva, Apollo, Adonis, etc.), имена героев Шекспира (Sycorax and Caliban, Iachimo, Imogen), фольклорные имена (sister Anne, Bluebeard, Orson and Valentine, Sinbad the Sailor, Peribanou, Alnaschar visions, etc.) и имена английских, немецких, французских, итальянских литературных героев (Donald the Highlander, Camilla, Grizelda, Orphan of the Forest, Tèlèmaque, Leonora, etc.), имена реальных исторических лиц (Napoleon, Machiavelli, Ney, Wellington, Napier, Dr Lampriere, Molyneux, Daniel Lambert, Rosamond, Admirable Crichton, Lord Eldon, Alexis Soyer; Diogenes, Epicurus; Darius, etc.). Это довольно приближенная классификация, однако беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что имена носят неочевидный характер, требуют дополни-

тельных знаний для того, чтобы получить полное представление о вертикальном контексте данного эпического, масштабного повествования У. Теккерея. Огромное количество имен в романе свидетельствует о широком охвате событий, современных автору и уходящих в историю, об обширных знаниях культуры. На наш взгляд, в настоящее время в процессе филологической подготовки будущих специалистов следует обращать особое внимание изучению вертикального контекста. Как точно отмечает И. В. Гюббенет, поверхностное ознакомление с художественными текстами страны изучаемого языка «ведет к неспособности не только интерпретировать и оценивать авторский замысел и особенности его реализации в лингвистическом и эстетическом плане, но и просто понимать содержание произведения во всей его полноте» [1, с. 1].

Аллюзивные имена, используемые в романе, можно также систематизировать в соответствии с тем стилистическим приемом, в состав которого входит имя. Как правило, к этим приемам относятся собственно аллюзия, аллюзивное сравнение, метонимия, перечисление, аллюзивный эпитет. Однако встречаются случаи, когда трудно определить, какой стилистический прием задействовал автор. Например, в рассуждениях автора о том, что любая мать радуется комплименту в адрес своего ребенка, в частности, речь идет о Миссис Седли, сына которой Бекки Шарп хотела бы женить на себе: «The first move showed considerable skill. When she called Sedley a very handsome man, she knew that Amelia would tell her mother, who would probably tell Joseph, or who, at any rate, would be pleased by the compliment paid to her son. All mothers are. If you had told **Sycorax** that her son **Caliban** was as handsome as **Apollo**, she would have been pleased, witch as she was» [4, p. 21]. Сикоракса, героиня драмы Шекспира «Буря», была колдуньей, матерью чудовища Калибана, являющегося в английской культуре символом зла [3, p. 137–138]. Но, как иронично отмечает автор, даже ведьма Сикоракса была бы рада услышать комплимент в адрес своего уродливого сына.

Таким образом, аллюзивные имена играют огромную роль в создании богатой и разнообразной картины повествования в художественном тексте, что требует дальнейшего изучения и систематизации.

Библиографический список

1. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. Изд. 2-е доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 208 с.
2. Энциклопедия читателя: Литературные, библейские, классические и исторические аллюзии, реминисценции, темы и сюжеты, мифологические и сказочные герои, литературные маски, персонажи и прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии / под ред. Ф.А. Еремеева. – Т. 7: X – Я. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, ИД «Сократ», 2007. – 560 с.

3. The Oxford Dictionary of Allusions; [Edited by Andrew Delahunty, Sheila Dignen, and Penny Stock]. Oxford University Press. – Oxford. New York, 2003. 453 p.
4. Thackeray W.M. Vanity Fair. A Novel without a Hero. Wordsworth Editions Limited. Hertfordshire, 2001. 694 p.

CONCEPT «TIME» REPRESENTATION IN THE FEMALE FICTIONAL DISCOURSE

A.I. Dzyubenko

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
student,*

C. R. Pertseva

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Summary. The article deals with the interpretation of one of the basic concepts – the concept of time – through the perspective of its semantic uniqueness and the system of lexical means used for its representation.

Keywords: concept; correlation; retrospective; language system.

The complex concept «time» is attracting more and more attention of the researchers working in various spheres of the Humanitarian sciences, and the linguists are not the exception. In fact, time is a fundamental category which is in the basis of the scientific and linguistic mapping of the world. It is an integral part of our existence, that's why it has become the object of study in art and literature, philosophy and linguistics.

This concept is also an object of the cognitive linguistics that studies functional and grammatical, semantic and cognitive aspects of time, the connection between time and linguistic ways its representation in speech, the correlation «language in time» and «time in language», and finally the models of time and its qualitative characteristics reflected in a language. The means of time's representation are found in every level of the language system: morphemes with temporal connotation, aspectual and temporal verb forms, temporal lexemes, syntactical constructions, etc. Time is shown in the inevitability of a speech stream, speech speed, and sound length.

When going into the time study one is to bare in mind the differences that are found in the terms «fictional time» and «grammatical time», their interaction and interrelation with real time that is really intricate. Fictional time is a complex mixture of three perspectives — the author's, the reader's and the characters'. Whereas the grammatical verbal time, included and subordinate to the fictional time, defines the connection between the process and the moment of the present speech expressed in a system of forms of time category. In this concern the research of the female fiction discourse influenced by a gender factor gives

the opportunity to examine and interpret female fiction in terms of the female worldpicture's reflection alongside with the representation of female views on reality and relationships with the environs around.

The analysis showed that being one of the basic concepts in a person's world picture the concept «time» is taken by the native speakers as the phenomenon characterized by transience and irrevocability. The typical features of it are dynamism, self-descriptiveness, orderliness and linearity. The lexeme «time» compiles the core of the studied concept. One of the main characteristics of time is its duration represented through collocations «long period of time», «lifetime», «long time» and is much appreciated by the female characters as they have a chance to mediate about their life and find some psychological renewal: *I cross the road and resolutely head up the steps. I can almost see myself that day, ghostlike figure, running down them in a state of bewildered shock. It all seems like a lifetime ago now. I don't just look like a different person, I feel like a different person. I feel like I've been rebuilt* [2, p. 231].

The concept «time» in the female fiction discourse is closely connected with persons' recollections and intertwines with their thinking and psychological state. At times it even becomes predominantly retrospective. The important characteristic is the female protagonists' perception of the time range: the person's anxious attitude to the past, the focused attention on the present and the neglect of the future that is proved by frequent use of the phrases «last time», «that time», «first time» in relation to the past and «this time» to the present, but rather rare use of the phrase «next time» concerning the future: *When darkness fell I went inside, to write and to wait. It was hard to concentrate. I was nervous. After all, it was the first time I'd planned a mass murder* [3, p. 6].

During the analysis of a concept of «time» in the meaning «period in the past/present» with emotionally expressive adjectives, the following tendencies were revealed: positively expressive adjectives are used in the description of both the past and the present dominating in the description of the present, while adjectives with the negative emotional connotation are used by characters only towards the past: *My life needed me. It was going through a tough time and I hadn't been paying enough attention to it. I'd taken my eye off the ball, I'd busied myself with other things: friends' lives, work issues, my deteriorating and ever needy car, that kind of thin* [1, p. 6].

Regarding the fact that the use of expressive adjectives is differentiated on the gender level, we suppose that the protagonists try to avoid unpleasant and awkward situations in the present recollecting their past experience. Thus, among idiomatic expressions with the temporal semantics the most frequent in use are idioms «to spend time», «to waste time»/ «a waste of time», «to have time»: *If you think your life's a waste of time, if you think your time's a waste of life, come over to this land, take a look around. Is this a tragic situation, or a massive demonstration, where do we hide?* [1, p. 45].

Time can be used with benefit, it can be wasted in vain or it can be insufficient. Thus, we can make a conclusion that time is a valuable resource for the person which he tries to use as much as possible during his life span. This explains the general tendency in the society to efficiency, frequent and abrupt change of plans and fast parallel development of actions. However, the change of a life rhythm makes people think of their heart and soul, reconsider priorities and change the rapid course of actions in the lives. In summary it should be noted that the concept «time», being objective from the point of view of its measurement, but subjective from the point of view of its perception is undoubtedly a difficult object of research that demands further studying including scrutinizing in the perspective of intercultural differences in its verbalization in various cultures.

Bibliography

1. Ahern C. The Time of My Life. – HarperCollins, 2012.
2. Kinsella S. The Undomestic Goddess. – London : Black Swan, 2006.
3. Townsend S. The Public Confessions of Middle-Aged Woman (Aged 55 $\frac{3}{4}$). – London : Michael Joseph Publishing House, 2012.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЦВЕТ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

П. А. Подставка

*Студентка,
Высшая Школа
Международного Бизнеса,
г. Краснодар, Россия*

Summary. The article is devoted to studying the phraseological units with the «colour». Component in meaning and structure. It deals with the phraseological units of different cultures and languages.

Keywords : linguistic world; colour ,associations.

В данной статье мы сопоставляем немецкую цветовую лексику с английской в фразеологических оборотах. Мы исследуем использование цветов в различных культурах. «Цвета действуют на душу, они могут вызывать чувства, пробуждать эмоции и мысль» так говорил Иоганн Вольфганг фон Гёте – немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель [3, с. 51].

И это на самом деле так, ведь когда мы были маленькими, мы с интересом наблюдали смену узоров и цветов в волшебной трубе под названием Калейдоскоп. И нам не было важно как это происходит, ведь это было чудо, которое развивало наше воображение. Но через призму времени, и с течением возраста, цвета перестают быть чудом, и становятся подвластны простым научным объяснениям. И все же это поражает сознание, как

люди могут видеть один и тот же предмет по-разному. Например, последняя новость всколыхнувшая Интернет о загадочном платье, которое одни видят белым с золотом, а другие синим с черным. Люди отказываются верить, что это возможно, объясняя это обманом зрения, иллюзией или обычным фильтрованием фотографий. Но на самом деле, все гораздо проще, ведь восприятие цвета зависит от индивидуальных психологических, физиологических и физических особенностей человека [1, с. 32]. Считается, что с помощью цветовых предпочтений можно охарактеризовать человека. А страну? Мы полагаем, что цвета, символизирующие страну в государственных флагах, прежде всего, отражает цветосимволизм данных государств и их жителей соответственно. Например, флаг Германии имеет три одинаковые по ширине полосы, расположенные горизонтально, верхняя черного цвета, средняя красного цвета, нижняя золотистого цвета. Это сочетание символизирует силу, единство и свободу [2, с. 103].

И флаг США состоит из трех цветов. Красные и белые горизонтальных чередующиеся полосы, а в левом верхнем углу на синем прямоугольнике, 50 пятиконечных звезд белого цвета.

Нам представляется интересным проанализировать фразеологические единицы немецкого и английского языков, с компонентом «цвет» с целью выяснения сходных и отличительных черт в восприятии одних и тех же цветов немцами и американцами. В нашем исследовании фразеологических единиц мы рассматриваем цвета государственных флагов. В немецком языке существует множество устойчивых сочетаний, содержащих в себе оттенки и цвета. Через такие сочетания можно понять, какой отпечаток несет тот или иной цвет в культуру, религию, историю.

Например, красный цвет, кричащий, волнующий, вызывающий прилив энергии, самый теплый оттенок в цветовой палитре. У людей говорящих на немецком языке, этот цвет ассоциируется с жизнью, огнем, страстью, торжеством, свободой, революцией [8, с. 10]:

Rote Rosen – красные розы (цвет любви)

Rotes Kreuz – Красный Крест

В научных трудах Е.Хеллер зафиксировано, что красные флаги символизировали протест, движение против правил поэтому и стали символом социализма и коммунизма [6, с. 59].

Rote Fahne – красное знамя рабочего дня
Rote Zaren – советские министры

Rot sehen – впасть в ярость

Rot weinen – сильно плакать [4, с. 130].

В то время как у людей говорящих на английском языке, красный цвет ассоциируется с энергией, опасностью, любовью, страстью, агрессией, огнем, жизненной силой:

To get/have a red face – смущаться

To give someone a red face – смущать кого-либо

To see the red light – приближение опасности

To red-light district – опасный район

A red-letter day – счастливый день [5, с. 12]

Как мы видим, красный цвет имеет практически одинаковое значение и в том и другом языке, но у каждого свои оттенки.

Синий цвет в немецком языке символизирует истину, вечность, бесконечность, чистоту, веру, а также ложь и притворство [8, с. 16]:

J-m blauen Dunst vormachen –пускать пыль кому-то в глаза

Sein blaues Wunder erleben –пережить большой неприятный сюрприз

Das Blaue vom Himml lügen – рассказывать небылицы

В английском же языке этот цвет обозначает мудрость, тоской, грустью, плохим настроением, милосердием :

The blues – хандра

Blue study – мрачное раздумье

Blue devils – уныние

A bit of the blue sky – луч надежды

Dark/navy blue – испуганный , подавленный [9, с. 54]

Казалось бы, один и тот же цвет, но американцы воспринимают его с ноткой грусти. Что касается черного цвета, то в обеих странах он ассоциируется примерно одинаково с несчастьем, горем, завистью, трауром:

Der Schwarzfahrer –безбилетник

Schwarzmalen – рисунок в мрачных красках

In Schwarz gekleidet –одетый в траур

Die Schwarzarbeit – нелегальная работа

Schwarz Zahlen – данные, показывающие доход, прибыль предприятия

Или английские фразеологизмы:

Black looks – злые взгляды

Black in the face – почерневший от гнева

To look black – выглядеть мрачным, хмуриться

A black dog – уныние

Things look black – дела идут плохо

To be in a black mood – черная овца [7, с. 17].

Таким образом, можно сделать вывод, что цвет довольно загадочное явление. Еще с давних времен люди пытались разгадать его тайну. Самые первые учения были сделаны древне-индийскими алхимиками. Они создали на основе ритуальной практике многочисленные цветовые схемы, иными словами различные сочетания цветов, которые далее успешно применялись как в восточной медицине, так и в астрологии. Но даже сегодня, в современном мире понятие «цвета» не утратило своей актуальности. Ведь даже когда мы спим или находимся с закрытыми глазами, мы не перестаем видеть оттенки и цвета. А психологи утверждают, что цвет является источником многих парадоксальных явлений мышления. Подводя итоги нашей статьи, можно сказать, что любой цвет каждый человек воспринимает абсо-

лютно по-разному и ассоциации у каждого индивидуальны. Но семантику цвета знать, конечно, необходимо ведь она влияет на значение различных идиом. А цветовой спектр поможет вам не только, понять фразеологию, но и культуру любой страны, а так же приблизиться к ее жителям.

Библиографический список

1. Артюшин Л. Ф. Основы воспроизведения цвета в фотографии, кино и полиграфии. Большая Советская Энциклопедия” (БСЭ) 3-е изд., 1969–1978 г
2. Василевич А. П., Скокан Ю. Н. К методике сопоставительного исследования: на примере лексики цветообозначений // Вопр. языкознания. – 1986. – № 3. – С. 103–110.
3. Гете И. В. Учение о цвете теория познания . – М., 1786.
4. Кунин В. В. Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1997.
5. Степанова М. И. Школьный фразеологический словарь. – Ростов н/Д. : «Феникс», 2008. – 348 с.
6. Хеллер Е.А. Учение о цвете. – М., 2008.
7. American Idioms dictionary. – М., 1989.
8. Longman dictionary of contemporary English. – Barcelona, 1995.
9. Oxford Russian Dictionary. – Oxford New York, 1995.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

М. Е. Тойганбекова

*Магистрант,
Казахский национальный педагогический
университет им. Абая,
г. Алматы, Казахстан*

Summary. Currently, special medical vocabulary – one of the most actively developed areas of modern linguistics. Comparative analysis of terminological activities showed that arise in the course of this activity is not explained by the difficulties the specifics of individual languages, and the special position of the terms in the national languages. At the same time, in the main part of terminological medicine occupy terms borrowed from Latin and Greek.

Keywords: special medical vocabulary; medical terminology.

Специальная лексика – это слова и сочетания слов, обозначающие понятия определенной области знания или деятельности. Специальная медицинская лексика, формируясь на протяжении всей истории медицины, продолжает развиваться вместе с медицинской наукой. Специалист-медик должен грамотно пользоваться постоянно обновляющимся профессиональным языком и понимать законы, определяющие возникновение терминов [4]. Ведущая роль древнегреческого и латинского языков в формировании интернациональной медицинской терминологии объясняется историческими причинами и тем уникальным значением, которое имела античная

цивилизация Древней Греции и Древнего Рима для развития европейской цивилизации. Так как сами римляне не обладали развитой наукой, свои научные знания вместе с научной терминологией они заимствовали у греков. В появившихся с течением времени научных трудах на латинском языке было множество заимствований из греческого. Одним из них является полностью сохранившееся сочинение римского ученого и врача Авла Корнелия Цельса «О медицине». Создавая медицинскую терминологию на латинском языке, Цельс широко использовал авторитетные и точные греческие наименования, приводя их в качестве эквивалентов латинских слов. Этот параллелизм, дублетное обозначение греческими и латинскими словами или их основами одних и тех же медицинских понятий, стал в дальнейшем характерной чертой медицинской терминологии.

Медицинская лексика объединяет специальные и неспециальные медицинские названия, функционирующие в научной и других под-системах языка. При этом рост числа терминов обгоняет рост числа общеупотребительных слов языка [7]. Формирование специальной медицинской лексики, являющейся совокупностью лексических единиц, и, в первую очередь — медицинских терминов, свидетельствует о росте и развитии данной отрасли знания [3].

Внешние и внутренние условия формирования специальной медицинской лексики достаточно разнообразны и действуют в тесной взаимосвязи. При этом, в результате перехода из одного языка в другой новые медицинские термины приводят к изменению классификационных основ дифференциации макро- и микрополей. Однако, как показало время, языковые заимствования стали проявлять большую активность в терминопроизводстве, сочетаясь не только с заимствованными, но и с исконными основами [1]. Пополнение входящих в систему языка терминологических подсистем проявляется в создании новых терминов на основе номинативных средств данного языка и терминологизации слов. При этом, внешние факторы обуславливают проникновение в терминологию иноязычных заимствований, особенности усвоения которых определяются закономерностями системы адаптирующего языка. Сами заимствования могут быть непосредственными и опосредованными. Непосредственные заимствования проникают в язык при наличии прямых контактов разной степенью близости с носителями чужого языка, а опосредованные — при отсутствии прямых культурных и языковых контактов через письменные источники.

Развитие многих современных научных направлений требует совершенствования понятийного аппарата научных дисциплин, что резко увеличивает профессиональную потребность в номинации. В языке медицины это приводит к возникновению новых терминов и целых терминологических систем. Терминологически развитые языки пополняются за счет специальной лексики, всестороннее изучение которой является актуальным.

Развитие и совершенствование медицинского образования стимулировало терминоведческую, переводческую и издательскую деятельность профессорско-преподавательского состава медицинских учебных заведений [5].

Терминология как совокупность терминов составляет часть специальной лексики, закономерности формирования и развития которой в определенной мере характерны и для терминов. Специальная лексика функционирует в определенных языковых подсистемах, и без их анализа трудно, а порой невозможно понять специфику терминологии. Термин – это, в первую очередь, слово, имеющее специфические особенности, отличающие его от общеупотребительных единиц. Характеристика термина диктуется сферой его функционирования и условиями его употребления.

Терминологии отдельных наук состоят из десятков и сотен тысяч терминов. Эти термины вовлекались в научный оборот в разное время, в разных странах, подчас в рамках различных научных школ, что неизбежно вносило элемент стихийности в формирующийся язык науки. Правда, благодаря системному характеру знаний и усилиям ученых, постоянно стремившихся к упорядочению и систематизации своего научного аппарата, удавалось обуздывать этот элемент стихийности. Однако по мере усложнения систем научных понятий и соответствующей им терминологии стала ощущаться необходимость в теоретическом осмыслении механизмов терминотворчества и практическом регулировании этого процесса. Так возникла межпредметная отрасль знаний – терминоведение. Исходным в терминоведении является положение, что назначение термина – кратко, точно и однозначно выражать научное понятие [6]. Для этого термин должен удовлетворять нескольким требованиям:

- адекватность: содержание терминируемого понятия должно соответствовать современному научному знанию о соответствующем объекте;
- точность: терминируемое понятие по своему содержанию и объему должно строго отличаться от других понятий данной терминосистемы;
- однозначность: любому термину должно соответствовать только одно понятие; любому понятию должен соответствовать только один термин.

В реально существующей терминологии далеко не все термины соответствуют этим требованиям. Поэтому специалисты разных наук, в том числе медицинской, уделяют большое внимание упорядочению и стандартизации своего профессионального языка.

Современная медицина представляет весьма разветвленную и глубоко дифференцированную отрасль знаний. Ее терминологическая система состоит из множества подсистем, среди которых выделяются три ведущие: анатомо-гистологическая терминология; фармацевтическая терминология; клиническая терминология. Все медицинские термины в настоящее время достаточно подробно описаны в Международной анатомической номенклатуре [2].

Таким образом, формирование специальной медицинской лексики происходит в условиях развития и совершенствования разных областей знания, каждая из которых имеет собственные отличительные признаки, связанные с потребностями функционирования конкретной отраслевой терминосистемы. Знание особенностей структурного оформления терминоединиц необходимо не только для правильного создания новых терминов, но и для адекватного восприятия научного текста. При этом в медицинской терминологической системе терминоединицы традиционно опираются на словообразовательные модели греческого и латинского языков.

Библиографический список

1. Загрекова Е. Н. Истоки и развитие российской медицинской терминологии: дис. канд. мед. наук. – Саратов, 2008. – 197 с.
2. Колесников Л. Л. Международная анатомическая терминология. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.
3. Сперанский В. С., Гончаров Н. И. Очерки истории анатомии: научное издание. – Волгоград : Издатель, 2012. – 216 с.
4. Хакиева З. У. Место терминологии в лексической системе языка // Современная филология: материалы междунар. науч. конф., г. Уфа, апрель 2011 г. – С. 209–212.
5. Nuetzman A. L., Abdullaev Y. Teaching medical terminology using world-matching games // J. Contin. Educ. Nurs. – 2012. – Vol. 43, № 7. – P. 297–298.
6. Visram S., Goodall D., Steven A. Exploring conceptualizations of knowledge translation, transfer and exchange across public health in one UK region: a qualitative mapping study // Public Health. – 2014. – Vol. 128, № 6. – P. 497–503.
7. Wijnen-Meijer M., Burdick W., Alofs L. et al. Stages and transitions in medical education around the world: clarifying structures and terminology // Med. Teach. – 2013. – Vol. 35, № 4. – P. 301–307.

II. ISSUES OF TEACHING METHODS OF THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. В. Аничкина

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Орский гуманитарно-технологический
институт,
Оренбургский государственный
университет, филиал в г. Орск,
Оренбургская область, Россия*

Summary. The education of the reader-student in literature classes in high school is possible in the context of a communicative activity and personality-oriented approach. The use of educational dialogue in the process of studying the epic work contributes to the acquisition of basic competencies in the literary sphere.

Keywords: the reader's perception of the reader's competence; educational dialogue; the poetics of the epic work.

Формирование и развитие культуры читательского восприятия возможно с помощью формирования «двойной» позиции читателя, которая определяется: выявлением и рефлексией первоначального восприятия; грамотно организованным процессом постижения художественного языка литературного текста; совершенствованием умений анализировать и интерпретировать произведение.

Поэтому доминантой урока литературы должен стать учебный диалог, который выполняет следующие функции: средства расширения читательского сознания; способа эстетического анализа; главного условия развития читательского понимания. Роль учебного диалога важна в контексте коммуникативно-деятельностного и личностно-ориентированного подходов в обучении, используемых в современной школе. Реализация которых обусловит достижение определённых целей современного литературного образования: формирование духовно развитой личности; развитие интеллектуальных и творческих способностей учащихся; поэтапное, последовательное формирование умений читать, комментировать, анализировать и интерпретировать художественный текст; овладение возможными алгоритмами постижения смыслов, заложенных в художественном тексте, и создание собственного текста, представление своих оценок и суждений по поводу прочитанного; овладение важнейшими общеучебными умениями и универсальными учебными действиями; использование опыта общения с

произведениями художественной литературы в повседневной жизни и учебной деятельности, речевом самосовершенствовании [2].

Основной объём литературных произведений, изучаемых в школе, составляют эпические тексты. В старших классах изучение эпического произведения углубляется. При выборе пути анализа в старших предпочтителен комплексный анализ [1, с. 36].

Рассмотрим вариант анализа эпического произведения в старшем классе. Ученикам 10 класса предлагается для чтения и изучения роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история».

Уже на первом уроке школьники составляют схему лекции учителя: формулировка вопроса, обращающего внимание на одну из особенностей поэтики Гончарова; текст-доказательство; вопрос о значении данного эпизода; обращение к образу главного героя, рассуждение о нем; обращение к тексту, к словам автора; рассуждение учителя, вопрос; текст-ответ, итог рассуждений.

Выяснить, что усвоено учащимися, поможет и последующая за этим коллективная работа учащихся над текстом художественного произведения – этап «соприкосновения учащихся с текстом», этому способствует повторное чтение произведения [1, с. 83].

Старшеклассникам даётся задание – с опорой на текст романа, на прослушанный материал ответить на вопросы: «Зачем писатель так подробно и обстоятельно расписывает быт помещичьей усадьбы? Какова роль экспозиции в данном произведении? Как повлияло воспитание на характер Александра Адуева? В чем недостатки воспитания? По происхождению Александр Адуев «провинциальный дворянин», как вы думаете, какое слово является ключевым? Почему? Можем ли мы назвать Александра романтиком? Вспомните, что такое романтизм? Из каких элементов складывается романтическое настроение? Можно ли считать, что Адуев избалован, но не испорчен деревенской жизнью? С какой целью Александр едет в столицу?»

Таким образом, на уроке намечается направление анализа, концентрируется внимание учащихся на экспозиции романа, на особенности поэтики И. А. Гончарова, на образе Александра Адуева, на характере изображения героя – последовательное, почти однолинейное изображение утраты Александром Адуевым его иллюзии, выявление характерных черт «адуевщины». Это способствует тому, чтобы восприятие произведения усвоенного учеником на последующих уроках было сознательным процессом.

На следующем уроке рассматриваются «склад понятий» Александра Адуева и «убеждения» Петра Ивановича Адуева; романтизм Александра и жизненные принципы Петра Ивановича Адуева; разногласия героев. С этой целью на уроке решаются следующие учебные задачи: разочарования и надежды Александра Адуева; Петр Иванович Адуев – тип нового чело-

века в романе И. А. Гончарова; роль диалогов героев во второй и последних встречах.

Эволюция Александра Адуева проходит четыре стадии, каждая из которых соответствует очередной любовной истории героя. Все женские образы, которые встречаются в этих историях, служат для раскрытия характера главного героя.

Чтобы школьники убедились в этом, им предлагается рассмотреть лексические особенности текста, выявить те слова и выражения, которые являются ключевыми для раскрытия определенного этапа развития героя, выяснить, как автор показывает Адуева. С помощью ключевых слов учащиеся составили «цепочку – эволюцию героя!»: розовая любовь, романтическое чувство → мечта о колоссальной страсти → счастье и божество → ревность → скука → духовная нищета → соблазн → глупость → «дядюшка прав». [1, с. 95]

На этапе рефлексии старшеклассникам предлагается написать сочинение на одну из тем: «Что необыкновенного и обыкновенного в «Обыкновенной истории», «Две эпохи в романе «Обыкновенная история».

Подобный разбор эпического произведения способствует приобретению основных компетентностей в литературной сфере: знание и понимание содержания и проблематики художественных произведений; понимание нравственных ценностей и мировоззренческих категорий, отраженных в литературе, умение определять и обосновывать свое отношение к этим ценностям; способность к творческому чтению, освоению литературного произведения на личностном уровне; умение вступать в диалог «автор – читатель», погружаться в переживания героев; владение основными видами речевой деятельности [2]. Которые, в свою очередь, составляют основу читательской культуры современного школьника.

Библиографический список

1. Аничкина Н. В. Теория и методика обучения литературе : учебное пособие. – Орск : Издательство ОГТИ, 2008. – 207 с.
2. Образовательный стандарт среднего общего образования по литературе. – Российский общеобразовательный портал. URL: :http://school.edu.ru/dok_edu.asp?pg=2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ WIKI-ПРОЕКТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

М. В. Баканова
О. Ю. Сафонова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
кандидат педагогических наук, доцент,
Пензенский государственный
университет, г. Пенза, Россия*

Summary. The article runs about the use of wiki-projects in the process of training foreign languages. The possibilities of wiki-technology are represented. The teacher's role in the process of wiki-technology is defined.

Keywords: smart-education; wiki-technology; wiki-project; project method.

Внедрение смарт технологий в образование предполагает использование в учебном процессе современных информационно-коммуникационных технологий – блогов (blog), вики (wiki), твиттеров (twitter), подкастов (podcast), он-лайн видео – в on-line или в off-line режимах.

Это позволяет повысить мотивацию студентов к учёбе, стимулировать умственную деятельность обучающихся, раскрыть личностные качества и способности, способствовать развитию навыков самостоятельной работы. С другой стороны, даёт возможность преподавателю ускорить процесс формирования речевых умений и языковых навыков у студентов, раскрыть интеллектуальный и творческий потенциал студентов, осуществить более гибкий подход к обучению в соответствии с интеллектуально-речевыми возможностями каждого студента и этапом обучения иностранным языкам.

Среди используемых в обучении инструментов ИКТ следует выделить wiki-технологии. Это технологии построения веб-сайтов, дающие возможность самостоятельно редактировать контент сайта, т.е. исправлять ошибки, корректировать неточности, добавлять новый материал, в том числе мультимедийный, связывать страницы через гиперссылки, оставлять комментарии, сохранять, просматривать и сравнивать различные версии страниц. Преимущества wiki в том, что эта технология создаёт благоприятные условия и предпосылки для совместной творческой работы над общим проектом, предоставляя каждому участнику проекта возможность для самореализации. С точки зрения процесса обучения иностранным языкам применение wiki способствует формированию коммуникативной компетенции у студентов через обсуждение материала на форумах и работы по редактированию содержания веб-страниц [2].

Создание wiki-проекта – это заключительный этап работы над лексико-грамматическим материалом в соответствии целями, задачами и тематикой учебного плана по иностранному языку, проверка и контроль усво-

енных языковых знаний, речевых умений и сформированных навыков, т. е. языковых, межкультурных и коммуникативных компетенций.

Использование wiki-технологии основано на методе проектов. В данном случае речь идет о таких видах проектов, как [1]:

- *креативные проекты*: предполагают совместную деятельность участников, которая основывается на их общих интересах. Намечается план этой деятельности, и, в соответствии с ходом работы идет развитие проекта и оформление его результатов.

- *информационные проекты*: проводится сбор и анализ информации о каком-либо объекте или явлении; участники проекта изучают полученную информацию, обобщают ее и представляют аудитории.

- *исследовательские проекты*: определяются логикой самого исследования, т.е. требуют разработки структуры, целей и задач, обоснования актуальности проведения исследования, отбора методов и т. д.

- *практико-ориентированные*: направлены на практический результат совместной деятельности. Таким результатом является разработка wiki-проекта.

Информационные технологии в wiki-проекте вторичны, но значимость самого проекта приводит к их успешному усвоению в ходе выполнения проекта.

Основными функциями преподавателя в осуществлении проектной деятельности студентов в рамках wiki-проекта состоят в том, чтобы правильно организовать сам процесс разработки проекта: грамотно сформулировать задание, определив роль каждого студента в создании проекта; определить критерии оценивания работы каждого участника; координировать процесс на каждом этапе создания проекта: исправлять ошибки, указывать на неточности, делая пометки на каждой страничке; организовать обсуждение проекта студентами на форуме.

Таким образом, обучение иностранному языку на основе wiki-проектов превращается в творческий и исследовательский процесс, в ходе которого решаются интересные, значимые, ценные и доступные студентам проблемы, что не только стимулирует их познавательную деятельность, но и развивает интерес к иностранному языку.

Библиографический список

1. Баканова М. В. Формирование и развитие профессиональной направленности студентов вуза в процессе обучения иностранному языку с использованием информационных технологий: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. – Пенза, 2007. – 178 с.
2. Лингводидактический аспект обучения иностранным языкам с применением современных интернет технологий: Коллективная монография. – М. : МЭСИ, 2013. – 119 с.

THE ROLE OF INNOVATIVE EDUCATION AND MODERN INFORMATIONAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGES TEACHING

A. V. Shtrikker
I. V. Lapin

*Teachers,
Karaganda Economic University
of Kazakhstan Consumer Union,
Karaganda, Kazakhstan*

Summary. The article is devoted to the actual problem of using ICT in teaching and studying English. There are given the advantages of using ICT in foreign languages study, recommendations for teachers are brought in the article. The article observes the role of the Internet in English lessons. Technology is becoming increasingly important in both our personal and professional lives and the learners of English are using technology more and more. Therefore there is the problem how to teach English with technologies.

Keywords: foreign language study; Internet; innovative education; information and communication technologies; modern informational technologies; the quality of education.

Nowadays there is a reorientation of higher education system into new values defined with humanization of the educational process with interpersonal relations. A graduate of high school should become a competitive specialist, who implies a high level of self-development, communicative abilities, professionalism, ability to make independent decisions, and to be able to adapt to changing conditions. Thereby, in the process of higher education a creative activity, an individual approach presupposing activity development of initiative and self-management are a priority. The system of specialist's professional training must meet the society needs, taking into account that the training is related to education [1].

Innovative higher education is an education, which is based on a logical sequence of new technologies to transform knowledge in technical or social reality, the transformation of scientific knowledge into the product or service.

Innovative education goals:

- Ensuring a high level of intellectual, personal and spiritual development of students;
- Creation of conditions for mastering skills of scientific thinking style;
- Teaching methodology innovations in socio-economic and professional spheres.

Innovative education focused on the student and the teacher who is the subject of the educational process. Their interests are spiritual, intellectual, and cultural. They are prerequisite for the development of professional thinking, and therefore brought into the focus of the education. Anthropocentrism as the property of innovative education involves a high level of autonomy of students; their

capacity for self-government, the teacher requires a high level of pedagogical competence, initiative and technological functional literacy.

Innovative education focused on the formation of professional knowledge and qualities in the process of development of the innovation dynamics. Thus, the concept of professionalism becomes an integral graduate's quality, which was synthesized in the process of learning. Student's perception of himself as a specialist effects on the outcome of the educational process, as it activates self-motivation, which makes the learning process a source of the personality needs development. As a result, the student carries out a real changing from formal legal status in the condition of actual anthropocentrism. Innovative education builds the learning process as a movement of social and general cultural knowledge and skills of their profession to technology, which gives him an understanding of ways and methods of professional problems solutions, and from them to the methodological to track the dynamics of change in the quality of their professional activities.

The usage of modern information technologies in the educational process creates a real opportunity to improve the quality of education. The main role in the development of information technology education should play a high school, the priorities of which are development of distance learning and the creation of digital libraries, modernization and development of existing network infrastructure, increasing the capacity of used channels. In this case, High schools can become important sources of information and telecommunication services for institutions of secondary and vocational education [2].

The usage of new information technologies in teaching foreign languages in higher education is the most effective, as students engage in active cognitive activity on understanding and retention of the training material, creative application of knowledge.

Modern foreign languages teacher at the university, in addition to knowledge on the subject, must have knowledge in the application of information technology. Teachers 'exposure' to the educational network Internet, displays the culture of teaching into a new educational level, provides development and social adaptation of training in a globalized world community. The transition from the traditional methods of foreign language teaching to teaching with the use of information technologies and resources is a kind of transitional stage to the system of open education. It's now inevitable [3].

The integration of the Internet in education and, in particular, its usage in teaching foreign languages, as regards the creation of distance learning technologies, and development of the Internet-based Services (World Wide Web, E-mail, teleconferencing, broadcasting) in teaching.

Considering the Internet as a technical means of information exchange, we can say that it increases and extends the range of the verbal forms of information. Internet as a system of mass media and interpersonal communication al-

allows you to bring information to many consumers and establish the exchange of information between them, as well as the creators of a site [4].

Direct foreign language learning with the Internet using must comply with the following principles: independent practice of each student, teacher guidance via an interactive, effective feedback, collective activity, a variety of independent activities. Besides, you must also perform basic methodological principles such as communication, consciousness, using the native language of learners, visuals, positive emotions. The teaching of English in nonlinguistic university meets the same requirements. So, to be able to use a specific Internet site for the purpose of teaching, he has to some extent to meet these requirements. One of these sites was created by American publisher A. W. Longman and located in the Internet at http://longman.awl.com/englishpages/basic_wkbk_read.htm [4].

Almost every lesson contains interesting creative exercises, the implementation of which requires additional work in the Internet. There is provided an opportunity to be in contact with authors of the site. During the work with exercises using the Internet students develop and improve skills in searching materials on the subject, its reading, translation and evaluation, note-taking, writing e-mail, writing articles and reports outlining different points of view. We can say that with the help of the Internet, it is possible not only to learn to read effectively in a foreign language, but also to have communicative training, which is not always possible with textbooks. In addition, it should be noted the possibility of faster technical adjustments and changes in texts and tasks than using a paper textbook. But, of course, it does not mean the substitution of print media by the Internet materials. We are talking about the possibility of their harmonious coexistence. Thus, the materials of mentioned Internet site may be used regularly in the classroom and extracurricular work, alternating with other teaching aids. The usage of the Internet, in this case, tends not only to increase interest in learning, but also to revitalize an educational process. Thus, it is a second way to use the Internet materials in teaching a foreign language. It is conducting lessons which have already been developed on the Internet [5].

The next way to use the Internet is the development of foreign language lessons by teachers for different specialists. The value of these lessons is obvious. It's really a creative and interesting work for the teacher and students. The advantage of the Internet is an almost unlimited amount of material that makes it possible to select and try, as well as the usage of electronic texts' advantages (hyperlinks, the possibility of correcting the text), and other Internet-based services (e-mail, radio, conferences, and etc.). As a result of lessons, where the Internet materials are used, can be expected an interest increasing among students to teaching materials, to learning of a foreign languages; target knowledge will become more conscious, the younger generation acquires and develops a scientific way of thinking, the ability to cross-cultural communication. We can say that learning is "developing" that is an important feature of the modern education in the world.

But despite the rapid development and implementation of computer technology training, traditional technical training is not only the main teaching aid, but it finds a new usage and develops new methodological directions of teaching foreign languages.

We are talking about replacement of the academic training by the educational TV and footage. The usage of video in teaching a foreign language is based on one of the oldest and most basic methodological principles. It's the principle of clarity. The importance of video usage in learning process is explained:

- 1) Availability of video materials that can be recorded by different sources;
- 2) Experience in the usage of video equipment and video products;
- 3) The possibility to have an active creative activity as a teacher.

The process of educational computerization, supporting the integration tendencies of cognition of regularity domains and the environment, updates elaboration of approaches to the usage of technical and didactic potential of information technologies for student's development, to improve his creativity and development of abilities to alternative thinking, formation of strategies of skills' development to search both instructional and practical problems. Educational systems of the computerization century can't organize an educational process mainly on the certain amount of knowledge. The purpose of the educational systems in modern society is intellectual and moral development of the person. Modern society needs a specialist with critical thinking, who will be able to understand and creatively solve problems.

Bibliography

1. Dudeney G. How to Teach English with Technology / Gavin Dudeney, Nicky Hockly. – Pearson Longman, 2008. – 192 p.
2. McKenzie C. Homepages. Built-in Motivation // English Teaching Forum. – 2000. – № 1. – P. 34–37.
3. New technologies in education. URL: <http://www.smartboard.ru/>
4. Sorin R. Webfolio – Using Electronic Portfolios in Preservice Teacher Education / R. Sorin // Australian Journal of Teacher Education. – Vol. 30. – № 1 –February, 2005. – 36 p.
5. Toffler A. The Third Wave. – New York, 1980. – 25 p.
6. Wright M. Science, Computers and Education. – London : Harper Education Series, 1985. – 120 p

УЧАСТИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ К ПУБЛИЧНОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ НА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Е. Г. Чеботарева

*Кандидат филологических наук, доцент,
Саратовский государственный
технический университет
имени Гагарина Ю. А., г. Саратов,
Россия*

Summary. The article discusses the formation of rhetorical competence in the implementation of system-active approach in teaching by example, preparing the student for participation in scientific-practical conference.

Keywords: communicative competence; public speaking; scientific-practical conference.

Сегодня вузы должны готовить специалистов, обладающих в комплексе профессиональными знаниями, умением работать творчески и социокультурными компетенциями. Особое внимание уделяется сегодня формированию коммуникативной компетенции. Структура коммуникативной компетенции включает следующие элементы: языковую, лингвистическую, речевую, культуроведческую и риторическую компетенции.

Высший уровень коммуникативной компетенции – риторическая компетенция. Риторическая компетенция – способность создавать, произносить текст речевого / риторического жанра в соответствии с целью, учетом адресата и в целом с публичной ситуацией.

Система компетенций, а не просто их набор формируется группой учебных дисциплин. Поэтому так важно на стадии составления рабочих программ выявить темы дисциплины и междисциплинарные связи с обеспечиваемыми (последующими) дисциплинами, а также обратить внимание на связи между компетенциями. На наш взгляд, именно такая проработка аспектов позволит выпускнику иметь не набор, а систему компетенций для осуществления профессиональной деятельности.

При составлении рабочей программы дисциплины «Русский язык и культура речи» (далее «РЯКР»), направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» нами были установлены следующие связи с предметами: «Стилистика и литературное редактирование», «Основы теории коммуникации», «Копирайтинг» и «Спичрайтинг»; и компетенциями, а именно ОК-2 – умением логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь.

Курс «РЯиКР» нацелен на подготовку студентов к профессионально-коммуникативной деятельности, соответственно в программу включены такие понятия практического свойства, как речевая деятельность, речевое

поведение, речевой поступок, риторические знания и умения, связанные с особенностями построения и композиции научных текстов и способах подачи риторической аргументации.

Эффективное формирование риторического компонента коммуникативной компетенции студентов нефилологических направлений подготовки возможно при реализации системно-деятельностного подхода в обучении. Он подразумевает достижение результата в деятельности с целенаправленным использованием полученных знаний и навыков. Таким видом обратной связи является публичное выступление студентов на научной конференции, которое формирует навыки овладения эффективной, успешной, результативной профессиональной речью. Преподаватель дисциплины «РЯиКР» в соответствии с рабочей программой обучает студентов мастерству публичного выступления [2, с. 112].

В нашем университете проводятся ежегодные студенческие научно-практические конференции, которые являются одним из основных этапов исследовательской деятельности обучающихся. Роботу по подготовке к публичному выступлению мы делим на 3 этапа:

1) Докоммуникативный этап, во время которого студент: выбирает тему, определяет цель и вид речи; составляет предварительный рабочий план. Это именно план подготовки, а не план самого выступления; занимается подбором материала. На этом этапе необходимо донести до студентов, что сбор материала – это не сбор информации. Это не столько чтение книг, сколько вынашивание собственных мыслей по поводу данной темы. Поэтому нельзя оставлять сбор информации на последние один-два дня; работает над языком и стилем выступления; продумывает логику изложения; продумывает, как расположить факты/материал/аргументы в соответствии с выбранным видом речи, прогнозируя риторические впечатления; продумывает техническую / наглядную часть выступления, включая слайды (*PowerPoint*); готовит доклад. Регламент 7–10 минут; проходит предварительное обсуждение своего доклада перед другими студентами.

2) Коммуникативный: студент рассказывает о результатах своего исследования перед участниками конференции: комиссией, студентами, педагогами, родителями, гостями; после доклада отвечает на заданные ему вопросы; завершив выступление, становится слушателем других докладов.

3) Посткоммуникативный: студент проводит совместный анализ проведенного выступления с научным руководителем; при необходимости совершенствует материалы выступления к их публикации в сборнике (если имеется такая возможность, по правилам проведения конференций в нашем вузе сборник выходит в свет в день проведения конференции); определяет объект / тему своего дальнейшего исследовательского проекта; имеет возможность принять участие в конкурсах, конференциях, проводимых на разных уровнях: городском, областном, федеральном, международном, где может представить результаты своего исследования.

Работа студенческой научно-практической конференции в университете ведется по секциям, в состав которых входят: руководитель секции (он же, как правило, Председатель комиссии); 3–5 членов комиссии (педагоги, родители, студенты); секретарь, ведущий протокол конференции; студенты-докладчики как нашего вуза, так и других образовательных учреждений интересующиеся тематикой секции; спонсоры, родители, гости.

Члены комиссии при анализе публичного выступления и определении 1, 2, 3-го места учитывают следующие критерии оценки устного выступления: полнота и правильность ответа; степень осознанности, понимания изучаемого материала; знание терминологии и ее правильное использование; соответствие требованиям учебных программ по дисциплинам.

Публичное выступление студентов на конференции представляет собой научно-практическую дискуссию и проходит в дружественной обстановке. Во время доклада перед выступающим стоит следующая цель: расширить представления участников конференции по теме проведенного исследования. Поэтому требования к обоснованности, достоверности, самостоятельности, теоретической и практической значимости исследования имеют решающее значение при подготовке доклада.

Доклад должен включать: актуальность исследования, личный вклад в проведенное исследование, итоги: теоретическую и практическую новизну и значимость результатов. Свое выступление докладчик строит на основе чтения / пересказа. Цитаты только читаются. Студенту-исследователю нужно уделить внимание внешнему виду, технике речи докладчика, демонстрационному материалу, а также форме ответов на вопросы. Внешний вид докладчика – деловая одежда; составляющие техники речи – громкость (громко, но без крика; дикция – полный стиль произношения ораторского искусства).

При изучении курса «Риторика» в рамках дисциплины «РЯиКР» мы предлагаем студентам использовать проект плана публичного выступления, который включает следующие речевые модули: приветствие, представление, цель исследования и способы ее достижения, название темы исследования, актуальность исследования, результаты проведенного исследования, выводы по результатам проведенного исследования, перспективы дальнейшего исследования, благодарность за внимание к выступлению, правила ответов на вопросы.

Практика показала, что следование перечисленным выше рекомендациям по содержанию и форме публичного выступления позволяет студенту сделать его выступление успешным.

В ходе реализации данной модели при системно-деятельностном подходе мы получаем следующие результаты: выступление перед аудиторией пробуждает у студентов стремление к постижению и достижению риторического идеала; выход в речевую практику помогает студентам постичь специфику учебного общения. Как показывает опыт, студенты,

которые достигли высших результатов в области публичного выступления, уже не испытывают каких-либо трудностей во время проведения презентаций в профессиональной деятельности. Они умеют ориентироваться в различных учебных ситуациях, грамотно и красиво выстраивать общение.

Таким образом, публичное выступление в результате становится важным звеном в процессе формирования у обучающихся коммуникативной компетентности, что способствует повышению его речевой и поведенческой культуры в поликультурных условиях современного общества.

Библиографический список

1. Примерный план публичного выступления. Оформление публичного выступления. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-269297.html> (дата обращения : 12.02.2015).
2. Чеботарев Е. Г. Роль курса «Русский язык и культура речи» в формировании профессиональной компетентности будущего менеджера. // Научно-методический и теоретический журнал Социосфера № 4. – 2014 – 248 с.

ПРОЕКТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Т. А. Юдина

*Кандидат филологических наук,
Оренбургский государственный
медицинский университет,
г. Оренбург, Россия*

Summary. The article discusses the organization of independent work of foreign students. As an effective means of independent work in extracurricular activities the author proposes to use the project in the Russian language.

Keywords: project; project method; independent work; extracurricular activities; speech competence.

Одной из главных задач обучения русскому языку иностранных студентов является формирование речевых умений, которое должно осуществляться не только на занятиях по языку, но и во внеаудиторной самостоятельной деятельности. Самостоятельная работа студентов направлена на совершенствование практических навыков и расширение теоретических знаний, а также «позволяет студентам проявить свои творческие способности, реализовать индивидуальные устремления, приобрести и усовершенствовать навыки поиска, критического отбора и анализа необходимой информации» [1, с. 168]. В условиях современного образования самостоятельная работа студентов играет важную роль в реализации компетентностного

подхода к образовательному процессу в вузе, «становится основным видом деятельности, особенно в сфере изучения иностранных языков» [4].

Под самостоятельной работой понимают «деятельность в процессе обучения, выполняемую студентами по заданию преподавателя во внеаудиторное время, под его руководством, но без его непосредственного участия» [3, с. 48]; «деятельность, которая внешне управляется педагогом и самоуправляется студентом» [4].

Эффективным средством организации самостоятельной работы является проект, который помогает реализовать коммуникативный подход к преподаванию русского языка иностранным студентам. В основе проектной деятельности лежит метод проектного обучения, целью которого является «не усвоение суммы знаний, а реальное использование, развитие и обогащение собственного опыта учащихся и его представлений о мире» [2, с. 336]. Каждый студент в процессе изучения языка должен иметь возможность реальной практической деятельности, в которой он может проявить свой уровень владения языком и умение применять полученные речевые навыки на практике.

Под проектом мы понимаем самостоятельно (или под руководством преподавателя) планируемую и реализуемую работу на русском языке. Это может быть выпуск информационного издания (газеты или журнала), написание статьи на определенную тему, написание сценария фильма, создание видеофильма, подготовка стенгазеты, плаката, выставки, спектакля, концерта, презентации и др.

При организации самостоятельной работы студентов мы используем метод проектов как на начальном этапе обучения русскому языку, так и на продвинутом. В первый год обучения студенты готовят проект на тему «Моя родина», который представляет собой плакат-презентацию страны. Студенты работают в малых группах, готовят письменный текст, отражающий один из аспектов темы. Заранее оговариваются направления презентации родной страны студентов: историческое место, культурное место, промышленный объект, архитектурный объект, известная личность страны и др. Внеаудиторная самостоятельная работа студентов предполагает работу с дополнительными источниками, с Интернет-ресурсами, подборку фотографий и создание письменных текстов об известных местах их родины. При этом деятельность студентов направлена на актуализацию языкового материала и формирование речевых умений, связанных с разными видами речевой деятельности (чтением, письмом, говорением, аудированием). Затем подготовленные тексты и фотографии помещаются на заранее подготовленную карту страны. Реализация проекта требует от студентов проявление творческих способностей, взаимопомощи, формирует умение работать в коллективе, решать вопросы и находить правильное решение. А главное, способствует формированию речевых умений в устной и пись-

менной формах: студенты пишут тексты, обсуждают выбранные фотографии, при реализации проекта общаются на русском языке.

Со студентами второго года обучения мы реализуем проект «Газета «Медицинский вестник». В начале учебного семестра в группе распределяются «роли», необходимые для подготовки и издания газеты. После изучения каждого модуля учебной дисциплины «Практика письменной речи» студенты готовят и выпускают очередной номер газеты, тематика которого соответствует теме изученного модуля. Цель такого проекта – закрепить полученные при изучении модуля дисциплины знания и расширить их путем проецирования этой информации на страну студента. Результатом проекта является самостоятельно изданный номер газеты. Для реализации данного проекта студенты пишут статьи, заметки, различные обзоры на русском языке, что в значительной степени способствует не только закреплению знаний, но и совершенствованию речевых умений. Например, студенты изучают модуль «Заболевания дыхательной системы», а затем пишут статьи для газеты на следующие темы: «Острая респираторная вирусная инфекция», «Острый бронхит», «Острая пневмония», подбирают иллюстративный материал и готовят очередной номер газеты.

Таким образом, проектная работа позволяет организовать целенаправленную самостоятельную работу иностранных студентов, превращает процесс обучения русскому языку в интересный и творческий процесс, направленный на достижение главной цели обучения РКИ – формирование речевой компетенции.

Библиографический список

1. Зеленецкая И. С., Элиасберг Г. А. Научные конференции по русскому языку как средство организации самостоятельной проектной работы иностранных студентов // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – №4. – Т. 2. – С. 168–172.
2. Педагогика: учебник / Л. П. Крившенко и др. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 432 с.
3. Пидкасистый П. И. Самостоятельная деятельность учащихся. – М. : Педагогика, 1972. 183 с.
4. Сутырина Ю. А. Организация самостоятельной работы по русскому языку как иностранному с использованием системы тестовых заданий. URL: [www.rusnauka.com/36_PVMN_2013/Philologia/ 5_154181.doc.htm](http://www.rusnauka.com/36_PVMN_2013/Philologia/5_154181.doc.htm)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ НА КОММУНИКАТИВНОМ УРОВНЕ

Н. В. Абрамова
И. Ю. Ессина

*Кандидат педагогических наук, доцент,
кандидат педагогических наук, доцент,
Саратовская государственная
юридическая академия,
г. Саратов, Россия*

Summary. This article reviews and evaluates gender-based styles and the key areas of gender-related linguistic phenomena: emotional talk and amount of talk, constituting gender through talk. It shows linguistic sex roles in conversation. In particular, the interaction of variable syntax and discourse structure in women's and man's speech. This material presented in this article comes from a wide range of sources.

Keywords: gender-based styles; gender-related linguistic phenomena; conversation; communication; linguistic culture.

На основании многих исследований изучение особенностей языка и пола не являются новым. На протяжении многих лет эта проблема упоминалась не раз. Но в связи с возросшим феминистическим движением, активность которого проявилась в шестидесятых годах, активный интерес к социальной обусловленности языка и речи стал более содержательным и глубоким. Языковые отличия, связанные с половой принадлежностью сконцентрировались на тактике бесед, на фонетических особенностях и т.д. Понятие «гендер» определяет социальные установки пола и их культурное содержание. Естественно можно сказать, что гендер не являясь биологическим полом, представляет каждую индивидуальность в терминах особых социальных отношений и правовых отношений. В лингвистической культуре за последние годы особый акцент уделяется сравнительному речевому поведению мужчин и женщин. При этом одна часть исследователей затрагивает специфические языки, в которых формат речи зависит от того, кто представляет эту речь: мужчина или женщина, к кому направлено обращение. Другая часть останавливает свой взгляд на разработках различий в рамках одного языка gender patterns. Обе позиции в нашем исследовании представляются наиболее перспективными.

Любое общество делится на две демографические группы-женщин и мужчин. Выявление на коммуникативном уровне их особенностей поведения дает нам возможность проникнуть в механизмы речи. Но чаще всего

изучению подвергается вариант речи говорящего женского пола, который считается более маркированный [2].

Биологическая составляющая языка определяет различия в произношении. И мужское и женское произношение отличается друг от друга. Это тембр голоса, продолжительность гласных, темп речи. Превосходство женщин проявляется в вербальных способностях, а мужчин в визуально-пространственных способностях. В любом обществе подобные различия являются универсальными в речи мужчин и женщин.

Если сравнивать биологические, психологические и социальные факторы, то социальные являются динамичными и подвижными, а при установлении гендерных различий – основными.

По мнению ведущих лингвистов, в высоко развитом обществе гендерные различия сводятся на нет. Они менее четко проявляются в обслуживающем его языке. Влияние на речь говорящего оказывают: социально-экономический статус, уровень образования, этническое происхождение и многое другое. Тесно переплетаясь, биологические, психологические и социальные факторы активно действуют на речеполовые различия коммуникантов. При таком подходе в центре внимания выражено понятие речевой общности на основе профессиональных и культурных и других параметров, использующих любую форму речи [1].

Следует отметить, что значимость социолингвистической переменной в отношении принадлежности говорящего к мужскому или женскому полу, для социолингвистики подтверждается многими работами описательного характера.

Проводились исследования звуков речи, интонационного оформления речи, произношения в женском и мужском исполнении, при изменении ситуации говорящих. Результаты показали, что звуковая позиция говорящего женского пола ближе к стандартному произношению, особенно в официальных ситуациях, чем звуки, представленные говорящим мужского пола.

Ronald Wardhaugh в своей книге «An Introduction to Sociolinguistics» представляет точку зрения многих лингвистов по поводу того, почему женщины, в силу разных причин, говорят иначе чем мужчины. Объединившись, эти ученые начали свое исследование сквозь призму истории по проблеме речевого различия мужчин и женщин. Как оказалось, первым заинтересованным лицом была женщина Robin Lakoff. Она соотносит эту проблему к существованию в обществе дискриминации по половому признаку. Многие ее статьи прямо указывают на этот факт. Robin Lakoff высказывает предположение, что женщины в разговорной речи используют более вежливые формы речи, чем мужчины. Холмс также отмечает, что женщины лингвистически вежливы в большей степени, и осторожны и в речи, чем мужчины [5]. Болингер (Bolinger, D) отмечает, что женщины используют чаще всего литературный язык. Четкость и правильность жен-

ской речи определяется не только консервативностью, но и желанием в силу своей природы научить своих детей правильному речеположению. Болингер также отмечает, что женская речь стремится к норме еще из-за того, что ее жизненный статус менее престижен, и она обладает заниженными социальными амбициями. В свою очередь мужчины склонны к нестандартным вариантам, жаргонам и ненормативной лексики, тем самым демонстрируя свою компетентность, свое положение по отношению к женщине [3].

Нельзя с этим не согласиться, действительно, женщины используют много прилагательных, которые смягчают тон и манеру говорить, и вопросы предпочитают ставить в разделительной форме, вероятнее всего, чтобы ослабить категоричность фразы или предложения. Грамматически выверен у женщин и строй языка. Можно сказать, что у них более качественный английский по сравнению с мужским. Здесь играет роль и статус женщин, ее высокий процент языковых особенностей, и тот факт, что общество ожидает от женщин большего, чем от мужчин.

Языковые особенности мужчин подчинены прочности и мужественности. Несомненно, что эту точку зрения можно подвергнуть спору, и считать это предметом дальнейших размышлений.

Некоторые исследователи, такие как Р. Боркер и Д. Мальтц разработали и расширили так называемую дуалистическую модель кросс-гендерной коммуникации. Они объяснили этот факт тем, что говорящий мужского пола подходит к беседе или к разговору в свете собственных культурных реалий и стереотипов, с точки зрения социальной иерархии. Тем самым, мужчины пытаются занять высшую нишу, как бы защитить себя, в то время говорящий женского пола старается подходить с позиций оказания поддержки, принятия обоюдного согласия, не пытаясь занять высшую позицию. В речи женщины лучше владеют стратегиями, не так прямолинейны и не требуют выгоды от ситуации [6].

Стоит отметить тот факт, что исследуя зарубежную социалингвистику можно отметить ряд неотработанных проблем связанных с коммуникативными стратегиями мужчин и женщин в деловой среде, образа жизни и вида деятельности обоих говорящих на выражение их языковых различий, особенности речевой коммуникации однополых говорящего.

Как оказалось, изучение разнополых партнеров показывает, что используя различные речевые средства, говорящий мужского пола пытается овладеть ситуацией и контролировать протекающую беседу, игнорируя цели собеседника в определенной мере. А говорящий женского пола имеет намерение поддержать разговор и вызвать заинтересованность, как бы определиться на сотрудничество и войти напрямую в контакт, чтобы разговор был замечен и оценен. И тот и другой партнер управляют своим речевым поведением с разными целями, разным поведением. Одно поведение, по мнению психолингвистов и социалингвистов, можно назвать «маскулинным», другое – «феминным». Ситуации, в которых успешно прояв-

ляется маскулинность – это диспут и обмен мнениями. Феминность проявляется в откровениях, душевных беседах.

Нами был проведен анализ речи говорящих, при этом использовались: диалогические тексты, насыщенные эмоциональной составляющей и свободное говорение в непринужденной обстановке, также определялись тональные характеристики речи, оценочное суждение, относительная громкость и темп речи, паузы, длительность [4]. Что касается эмоционального окрашенного аспекта речи женщин, то оно гораздо выше, чем у говорящего мужского пола. Речь женщин отличалась громкостью и повышенной частотностью. В ряде реплик отмечалось доминирование мужчин и подавление говорящего женского пола. Обнаруженные различия – это всего лишь различия статистического плана. Поэтому необходимо направить все усилия на изучение влияния социальных составляющих не только на речь говорящих, но и на их речевое сотрудничество и взаимодействие.

Гендерный подход в английском языке является в нашем исследовании одним из актуальных подходов при активизации речевого взаимодействия, эксплицирует особенности восприятия, передает информацию, обусловленные различиями социализации полов и их ролью в публичной жизни.

Библиографический список

1. Абрамова Н. В., Ессина И. Ю. Инновационные стратегии в билингвальном обучении // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 6–2. – С. 345–349.
2. Вохрышева Е. В. Гендерное моделирование субъектно-тезаурусного уровня коммуникации (на материале новоанглийского языка) // *Вестник Харьковского университета*. – Харьков, 1989. – № 339. – С. 89
3. Bolinger, D. Bais in language: The case of sexism // *Language, communication and education*. – L. : Sydney, 1987. – P. 153–166
4. Essina I. Y., Abramova N. V. An Innovative Strategy of studying legal English // *European Journal of Natural History*. – 2013. – № 5. – С. 38–40.
5. Holmes J. Paying compliments: A sex-preferential politeness strategy // *J.of pragmatics*. – Amsterdam, 1988. – Vol. 12, – № 4.–P. 445–465.
6. Malts D., Borker R. A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication // *Language and Social Identity*. – Cambridge. – CUP, 1982. – P. 195–196.

СПЕЦИФИКА ОБРАЩЕНИЯ С ОЦЕНОЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

З. М. Дворная

*Кандидат филологических наук, доцент,
Кубанский государственный
технологический университет,
г. Краснодар, Россия*

Summary. This article is devoted to one of the most important linguistic problems – functioning of addresses and its role in a verbal communication. The author analyzes the semantic distinction and the specific function of addresses with significance evaluated in a communicative process. Addresses in a literary text provide realisation of certain pragmatic and communicative tasks.

Keywords: text; addresses; signification; communication; pragmatic; function; emotional; aspect; semantic; subjective; analyse.

Обращение представляет собой своеобразное во многих аспектах лингвистическое явление. Интерес к рассматриваемой единице синтаксиса связан с высокой частотностью ее употребления в живой разговорной речи и ее художественного представления. Активно участвуя в коммуникативном процессе, обращение реализует в речи целый ряд функций, важных с точки зрения прагматики, функциональной семантики, коммуникативного синтаксиса. Это, прежде всего, вокативная, фатическая, этикетная, побудительная, оценочная и другие функции.

Реализация той или иной функции обращения обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: 1) мотивацией, отражающей коммуникативное намерение (интенцию) адресанта по отношению к адресату речи; 2) обстановкой, ситуацией общения (в художественном произведении – контекстом); 3) позицией в предложении; 4) лексическим наполнением, словообразовательной структурой рассматриваемой коммуникативной единицы; 5) стилистическим и этнокультурным своеобразием речи говорящего; 6) этико-психологической тональностью общения, отражающей специфику взаимоотношений участников коммуникации.

Функции обращения взаимосвязаны, но самостоятельны и независимы друг от друга. Если в одном словоупотреблении соединено несколько функций, то при семантическом анализе текстового отрезка можно выделить доминирующую функцию, определяющую цель включения конкретного обращения в текстовой отрезок.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют обращения, включающие оценочную семантику в качестве главного значения в коммуникативном процессе.

Оценочность в широком понимании представляет собой любое высказывание о ценностях. В отличие от эмотивности, которая может содер-

жаться в высказываниях обоих участников диалога, оценочность исходит только от лица, обращающегося с речью.

Оценочное значение характеризует собеседника с наиболее существенных сторон, к которым говорящий не безразличен, следовательно, оно всегда субъективно. Так, Е. М. Вольф отмечает, что оценку можно рассматривать как отражение субъективной модальности, «которая накладывается на дескриптивное содержание языкового выражения» [1, с. 59].

Оценочность обращения, на наш взгляд, – выраженная лексико-семантическими средствами субъективная оценка говорящим объекта речи. В качестве индикатора оценочного значения выступают помимо коннотативного компонента значения просодические средства (в устной речи), контекстные фоновые описания (в письменной фиксации).

В семантике обращения оценочность и эмотивность не всегда совмещаются. Так, в эмотивном высказывании может отсутствовать оценка адресата речи, однако оценочные обращения всегда содержат эмотивный компонент.

Позиционно обращение-оценка всегда входит в состав предложения, тесно связано с ним семантической связью.

Но когда явился проведать его букинист Терентьев, к старому книголюбу на мгновенье вернулась память и он, сжимая высохшие кулаки, прошептал чуть слышно:

-- Убил ты меня, **подлец!**

(Борис Садовской. Конец книголюба).

В данном примере оценочное обращение представляет собой однополюсное образование, выражающее аксиологическую оценку со знаком (--). Выбор той или иной формы обращения мотивирован как внутренним состоянием говорящего, его эмоциональными переживаниями, так и предшествующими событиями, составляющими контекст высказывания.

Следует дифференцировать обращения со значением оценки от субстантивных предикатов оценочного типа, выполняющих другую задачу в художественном тексте. Их единственное назначение – дать оценку действиям адресата речи, предшествующим рассматриваемой ситуации, а также передать психологию взаимоотношений коммуникантов.

Затрещали ребра, -- его били каблуками, повторяли :

-- **Провокатор, шпион, большевик...**

На шум выбежали матросы из кабачка.

(Алексей Толстой. Эмигранты)

Как показывает пример, субстантивный предикат с точки зрения семантики и лексического наполнения совпадает с оценочным обращением. С точки зрения конструктивного (формального) синтаксиса субстантивный предикат используется в текстах в изолированной позиции. Обращение с оценочным значением встречается только в составе предложения.

Оценочные обращения тесно связаны с актуальным членением предложения. В зависимости от ситуации общения (широкого контекста) говорящий употребляет функционально обусловленное оценочное обращение в качестве выразительного средства воздействия на адресата речи. Первичная звательная функция отступает на второй план. В зависимости от цели употребления оценочного обращения и прагматических задач в конкретном высказывании (узкого контекста) обращение может занимать позицию в начале, внутри или в конце предложения. Первичная звательная функция отступает на второй план.

Таким образом, в отличие от обращений, нейтральных по содержанию, оценочные обращения служат одним из ярких выразительных средств, характерных для диалогической речи. С целью передачи оценочного значения используются лексические средства с четко выраженной положительной или отрицательной коннотацией.

Библиографический список

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М. : Издательство «Наука», 1975.

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОВ В ДИСКУРСЕ ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

А. М. Клёстер

*Кандидат филологических наук, доцент,
Омский государственный технический
университет, г. Омск, Россия*

Summary. This paper deals with the hierarchic relations of terms in the discourse of engineering psychology. The author of the paper demonstrates the hyper-hyponymic relations between the concepts that allows us to trace the direction of semantic changes in order to reconstruct the professional worldview. The theoretical material is illustrated by the practical examples of translation of the German language for special purposes under consideration.

Keywords: term; discourse; professional discourse; engineering psychology; hyper-hyponymic relations.

С подробным рассмотрением сферы инженерной психологии – научной дисциплины об объективных закономерностях процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек-машина-среда» [2, с. 103], возникла необходимость определения границ и описания семантического наполнения данного профессионального дискурса. Манифестацией изучаемого дискурса являются тексты, возникающие в

ходе деловой коммуникации, которая, в свою очередь, продемонстрирована как способ языкового взаимодействия специалистов данной области.

Дискурс, как форма знания, обладает собственным понятийным аппаратом с тезаурусными связями. Вслед за Е. С. Кубряковой, подчеркиваем важность разграничения текста и дискурса с позиций когнитивной лингвистики. Целесообразность использования данного подхода «представляется вполне естественной, поскольку соответствует противопоставлению когнитивной деятельности ее результату» [4, с. 15].

Таким образом, определим *дискурсом инженерной психологии* такую коммуникативную деятельность, направленную на оптимизацию процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек-машина-среда». Рассматриваемый дискурс представлен следующими типами текстов: научные (монографии, научные статьи по инженерной психологии); учебно-методические (учебная литература, пособия, справочники); научно-популярные (обзорные статьи, интервью). Последний тип текстов широко распространен в сети Интернет.

В дискурсе инженерной психологии функционирует большое количество терминологических группировок, элементы которых организованы в иерархические структуры. Терминологические иерархии возникают под влиянием научной систематики, в которой прослеживается проявление универсальной категории «общее – частное». Не подлежит сомнению определяющая роль экстралингвистических факторов при построении и упорядочении терминологических иерархий, обусловленных таксономическими отношениями между научными и/или техническими объектами.

Для элементов подобного рода иерархий приняты термины «*гипероним*», т. е. общее понятие, понятие высшего уровня, и «*гипоним*» – частное понятие, понятие низшего уровня по отношению к высшему. Понятия одного уровня обобщения называются *эквонимами* [3, с. 48]. Гипероним имеет развернутую или неразвернутую словарную дефиницию, но существенно, что в его значении закреплено более общее понятие по сравнению со значением гипонимов. Значение гиперонима шире по объему и беднее по содержанию закрепляемого им понятия в сравнении со значением гипонима. Гиперо-гипонимия представляет собой один из видов формально-смысловых отношений между единицами лексико-семантической системы и основана на их родо-видовой концептуальной общности [1, с. 6].

Гиперо-гипонимические отношения с точки зрения семантики представляют собой синонимию в широком смысле слова. Сходство синонимии и гиперо-гипонимии отображается в обеих лексических группировках, где присутствует общее, инвариантное семантическое ядро, вокруг которого сосредоточены другие семантические элементы. Существенная разница заключается в том, что они имеют не только различную конфигурацию – у синонимии – линейная конфигурация, у гиперо-гипонимии – иерархиче-

ская, но и отличный друг от друга характер отношений элементов внутри группировок. Так, элементы синонимического ряда не связаны отношениями строгой последовательности, они группируются в произвольном порядке. Гиперо-гипонимическая группа напротив является несвободной, связанной. Здесь каждая терминологическая единица занимает свое четко определенное место, предписанное ей экстралингвистически [5, с. 156].

Определение термина к той или иной гиперо-гипонимической группе возможно с помощью метода компонентного анализа, при котором отбираются гипероним и гипоним, устанавливаются их общие и дифференциальные признаки.

Для сферы инженерной психологии определяющим понятием является **системность**, каждое новое явление, процесс производства, технология, стандарт и тому подобное не возникают сами по себе, а являются продолжением или завершением какого-то процесса. Соответственно, термины, привлекаемые для обозначения новых понятий, с лингвистической точки зрения автоматически будут становиться неотъемлемыми звеньями в гиперо-гипонимической иерархии.

В качестве примера внешней гиперо-гипонимической связи приведем семантическую сеть, в которой гиперонимом выступает термин *оператор* – **Operator** – главное действующее лицо дискурса инженерной психологии: **Operator** → **Administrator** → **Bedienmann** → **Anlagenfahrer** → **Leitstandsfahrer**. Тот же термин обладает внутренними гиперо-гипонимическими отношениями: **Operator** (eine Person, die die Arbeitsweise komplexer technischer Einrichtungen überwacht und behandelt – *лицо, контролирующее и обслуживающее технологический процесс комплексных технических установок*) → **Operator** (ein IT-System der Behandlung von den technischen Einrichtungen – *информационно-вычислительная система обслуживания технических установок*) → **Operator** (Zeichen, die angeben, nach welcher Operation es verknüpft werden soll – *знаки, ввод которых связан с выполнением определенных операций*).

Итак, на примере приведенных терминов, входящих в разноуровневую иерархию, установлено направление развития их семантики, а именно, *от общего к частному*. В процессе развития изучаемой области научного знания происходило последовательное сужение и/или расширение значения терминов разных уровней и их конкретизация или обобщение.

Примером направления семантики *от частного к общему* является следующая иерархическая цепь: **Rechenanlage** → **Rechenmaschine** → **Datenverarbeitungsanlage** → **Elektrorechner** → **Rechner** → **Elektrodatenverarbeitungssystem** → **Computer**, именно последний англо-американский термин оказывается наиболее употребительным за счет своего семантического объема, который значительно шире, чем у исконно немецких терминов.

Так можно выявить направление развития смысловой структуры от ведущего термина, или гиперонима, являющегося верхним пределом, через

выделение гипонимов до более узких, семантически неделимых, образующих нижний предел иерархического комплекса терминов в изучаемом профессиональном дискурсе.

Библиографический список

1. Дяченко Л. Д. Гипонимия в системе английского языка : автореф. дис. ...к. филол. н. – М., 1976. – 26 с.
2. Клёстер А. М. История развития терминологии инженерной психологии (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3–2 (21). – С. 103–106.
3. Коновченко Н.Д. Системные связи в стоматологической лексике английского языка : Дис. ... к. филол. н. – Омск, 2004. – 184 с.
4. Кубрякова Е. С. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время / Материалы научной конференции. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 15–26.
5. Шумайлова М. С. Актуальные проблемы развития и функционирования терминологии Интернет в немецком языке: Дис. ... к. филол. н. – Омск, 2006. – 193 с.

ИМПЕРАТИВНО-СДВОЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ОТРИЦАНИЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Ф. Ляховая

Учитель высшей категории,
Кизлярская гимназия № 1,
г. Кизляр, Республика Дагестан, Россия

Summary. This article is about dual combinations with negative particle. It considers the issue of semantics and syntactic peculiarity of such structures in school. The author shows the role of perfect and imperfect verbs in the formation of the dual combinations.

Keywords: dual combinations; semantics; negation; verbs; subject.

Императивно-сдвоенные сочетания с отрицанием типа *зови – не зови, кричи – не кричи* в литературе рассматриваются как один из видов экспрессивно насыщенных тавтологических соединений, модально-семантическую основу которых образует частица *не*. Такие сочетания составляют конструктивный стержень сложного предложения, между частями которого наблюдаются уступительно-противительные отношения. *Плачь не плачь, теперь не поможешь, – проговорил он, сияясь разглядеть при лунном свете чернильную военкомовскую печать.* (Е.Носов).

Вопрос о семантическом и синтаксическом своеобразии таких конструкций в практике школьного обучения возникает обычно при работе над текстом — тогда, когда учитель стремится обратить внимание учащихся на обусловленность связей и взаимодействия всех элементов грамматики (морфологических средств и служебных слов, формально-

грамматических, синтаксических и смысловых признаков и структур). Анализ конструкций типа *зови – не зови* помогает понять, как один элемент грамматически и семантически дополняет другой, участвуя в конструировании предложения и текста, дает возможность проникнуть в механизм создания эмоциональной окраски речи, понять особенности ее смысловой направленности.

Семантика рассматриваемых конструкций заключается в подчеркивании тщетности усилий деятеля (субъекта действия) по отношению к тому, что происходило, происходит или должно произойти. Отрицание действия вслед за его утверждением выражает... безразличие этих действий по отношению к третьему, им противопоставляемому, т. е. независимость последнего от первых: *была — не была, пойду; спал – не спал, а вставай; плачь — не плачь, а былого не воротить*.

Семантика императивно-сдвоенных отрицательных конструкций в пределах сложного предложения является фактически единственным средством выражения уступительно-противительных отношений, поскольку анализируемые конструкции не имеют строго фиксированной позиции: употребляясь в основном в начале предложения, они иногда могут встречаться в постпозиции.

После школы Мишка загуливал, любил побродить, ругай не ругай, проси не проси. (В.Резник). Батареи Андрей снял, чтобы заштукатурить за ними стены: между кирпичами и подоконником щели, тянет с улицы, затыкай не затыкай. (Б. Афонин).

Структурное своеобразие каждой императивно-сдвоенной конструкции с отрицанием определяется прежде всего формально-грамматическими признаками ее глагольного наполнения: как отмечено исследователями, в этом случае возможен и используется только несовершенный вид глагола. Причины такого ограничения определяются, главным образом, взаимоотношениями между семантикой несовершенного вида и смыслом конструкции. В пределах самой конструкции они сводятся к взаимодействию между видовой семантикой, побудительной функцией императива и функцией частицы *не*. Благодаря удвоению глагольной формы конструкция в целом имеет модально-утвердительный характер и используется как экспрессивно-усилительное средство речи.

Императивно-сдвоенные сочетания с отрицательной частицей *не* выражают особый, во многом не совпадающий с собственно императивным вид побуждения. Своеобразие этого вида состоит в том, что выполнение действия говорящий ставит в зависимость от воли, желания, интереса слушающего. При этом подчеркивается безразличное отношение действия субъекта к действию, составляющему основной смысл сообщения. *Ну, что ты уж сразу так!.. Не паникуй особо-то – Паникуй не паникуй – все. (В. Шукшин) Но обманчивы эти волнистые снежные дороги. Выйди на за-*

ре – простор! Но лишь припечет немного, ослабевает наст – и не выберешься, выбьешься из сил, кричи не кричи, а никто не услышит. (В. Белов)

По семантике императивно-сдвоенные конструкции с отрицанием очень близки уступительным придаточным предложениям с усилительными оборотами *как ни, сколько ни*. Кроме того вместе с формой повелительного наклонения в таких случаях может употребляться личная форма глагола, что подтверждает сказанное об отношениях между субъектом побуждения и действием, а также подтверждает уступительно-противительные отношения между частями предложения: *Сколько ни кричи, ничего это не изменит. – Хочешь кричи, хочешь не кричи, ничего не изменит.*

Засмеешься с чего-то, прижмешься горячей щекой к прохладной коре, верь не верь – слышно, как по стволу, внутри, с легким потрескиванием поднимается от корней густой горький сок! (Н. Почивалин) Холоднее стало на улице. Скрипят сани, быки кричи не кричи размеренно переставляют ноги. (В. Афонин)

В приведенных примерах (и подобных им) своеобразие императивно-сдвоенной конструкции с отрицанием заключается в том, что по своему употреблению она приближается к вводной и указывает на второстепенность, бесполезность чьего-либо желания (воли, интереса) по отношению к развитию ситуации, говорит о невозможности вмешаться (кому-либо) в течение событий.

Каким образом все это обусловлено значением несовершенного вида, тем, что в рассматриваемых конструкциях возможен только несовершенный вид глагола? Дело в том, что глаголы разных видов по-разному выражают смысл побуждения и потому неодинаково сочетаются с распространителями, обозначающими или задающими тот или иной тип субъектного значения, представления о деятеле.

Функциональные сочетаемостные свойства глаголов разных видов обычно определяются обусловленностью/необусловленностью действия волевым устремлением субъекта. Если какой-либо глагольный распространитель сообщает о том, что совершение действия определяются волей, интересом к нему субъекта-деятеля, то с этим словом сочетаются глаголы несовершенного вида. Если же глагольный распространитель однозначно говорит о том, что выполнении действия обусловлено обстоятельствами (необходимостью, приказом и т. п.), навязано или предписано деятелю, с этим словом сочетается глагол совершенного вида.

Например, с фразеологическим выражением *во что бы то ни стало не преминуть*, а также глаголом *успеть*, указывающим на то, что действие в своем осуществлении обусловлено необходимостью, сочетаются только инфинитивы совершенного вида: *во что бы то ни стало найти, доставить, сделать; не преминуть зайти, поговорить, напомнить; успеть добежать, скрыться, закрыть дверь* и т. п.

Если же классическая единица задает представление о действии, связанном с положительным или отрицательным отношением к нему субъекта (*нравится, люблю, не привык*), представляет сферу интересов, потребностей волевых устремлений субъекта, с ней сочетаются только инфинитивы несовершенного вида: *бесполезно, излишне, бессмысленно напоминать; не стоит, незачем доказывать; не люблю, не привык упрашивать, возиться; нравится копаться в мелочах* и т. п.

В свою очередь, несочетаемость инфинитивов совершенного вида с фразовыми глаголами (начать, продолжить, закончить) с формами глаголов *быть* и *стать* обусловлена тем, что данные лексические единицы требуют при себе слов, обозначающих такие действия, выполнение которых предопределено интересом, потребностью действующего лица. Однако инфинитив совершенного вида возможен, например, при форме глагола *будет* в том случае, когда в контексте обозначен факт зависимости действия от внешних обстоятельств (обычно введением модальных слов типа *нужно, необходимо* и т. д.); *нужно будет пересматривать наши обязательства; необходимо (целесообразно) будет еще раз проверить полученные данные* и т. д.

Очевидно, что императивно-сдвоенные конструкции с отрицанием, содержание которых в пределах сложного целого ставит выполнение действия в зависимость от воли или желания субъекта побуждения, соотносятся прежде всего с субъектными оттенками, свойственными грамматической семантике несовершенного вида. Однако невозможность употребления в таких конструкциях форм совершенного вида объясняется также и особенностями взаимодействия семантики видов побудительного смысла императивной формы с семантикой отрицательной частицы *не*.

Глаголы повелительного наклонения положительной формы обозначают действие, которое надо совершить по чьей-либо просьбе или приказу. Ситуативно такие формы обычно связаны обращением к не-деятелю – лицу, которое еще только готовится к деятельности: *Беги! Читай! Доезжай!* и т.п. Отрицательные формы, наоборот, адресуются лицу, которое уже занято какой-либо деятельностью. В побудительном коммутативном акте частица *не* выражает возможное «пресечение деятельности» объекта (хотя фактически это может быть не так). Ср.: *Не уходи, я тебе должен что-то сказать. Не пой, ты мне мешаешь. Лучше не думай об этом*. По этой причине совершенный вид глагола в императиве при отрицании или невозможен, или выражает модально окрашенное действие, по типу противоположное действиям, связанным с волевым устремлением субъекта: неумышленное, случайное, внезапное и т.п.: *Не упади! Не уколись! Не оступись! Не подумай случайно, что это неправда* и т.д. В семантике императивно-сдвоенные конструкции с отрицанием, таким образом, гармонически соединены. Такая семантика императивно-сдвоенных отрицательных конструкций способствует тому, что они используются не только в художе-

ственном стиле речи, но и в публицистике, как правило, в материалах критического характера. Используя такие конструкции, журналисты стремятся обратить внимание читателя на неэффективность предпринимаемых действий, отрицательное или безразличное отношение каких-либо лиц к описываемой ситуации, , дают оценку такому способу поведения.

Библиографический список

1. Гольцова Н. Г. Тавтологические соединения с конструктивным элементом *не* в русском языке : лингвистический сборник. – Москва. 1996.
2. Шведов Н. Ю. Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке : сборник статей. – Москва, 1979.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВОСХОДЯЩИХ К ФОЛЬКЛОРУ

Х. Б. Нургалина

Кандидат филологических наук, доцент,
Сибайский институт,
Башкирский государственный
университет, филиал в г. Сибай,
Республика Башкортостан, Россия

Summary. The article deals with stylistic expression of phraseology, dating back to the folklore. The author emphasizes that traditional comparisons used in the genres of folklore passed in a written literary language. Many idioms entered into works of art as an element of the sublimine style.

Keywords: phraseology; stylistic expression; folklore; fairy tale.

Помимо всех источников книжно-литературный фразеологический запас непрерывно пополняется также за счет устного народного творчества.

С фольклором связаны, но вышли за его границы эмоционально-экспрессивные выражения, вначале характерные только для живого просторечия, но позже усвоенные литературным языком на правах его фразеологических средств [3, с. 127].

Традиционные сравнения, употребляемые в жанрах фольклора, перешли в письменный литературный язык. Также сравнительные обороты характерны для народных сказок и эпических произведений, в то же время они активно употребляются в художественной литературе [4, с. 101]. Многие фразеологизмы вошли в художественные произведения как элемент возвышенного стиля, например, англ. *the whole bag of tricks* – весь арсенал хитростей, *Fortunatus's (или wishing) cap* – «шапка Фортуната» [шапка, выполняющая все желания владельца, Fortunatus – сказочный персонаж]; *beauty and the beast* – шутл. «красавица и чудовище», [из сказки о девушке,

полюбившей безобразное чудовище, оказавшееся заколдованным принцем]; *bite a file (gnaw или lick)* – сделать попытку, которая может окончиться только плачевно, предпринять безнадежное дело; *the sandman is about* – шутил. детям пора (идти) спать [sandman сказочный человечек, который сыплет детям в глаза песок, чтобы им захотелось спать]; *shoes of swiftness* – сапоги-скороходы; *Tom Thumb* – мальчик с пальчик; нем. *am Ende der Welt* – за тридевять земель; *einer immer besser als der andere* – один лучше другого; *schlecht und recht* – худо- бедно; *arm und kahl wie ein Kirchenmaus* – беден как церковная мышь; *laufen, was ihr können* – бегите со всех ног; *du alte Schachtel* – старая карга; *heimweh machte* – навевать тоску по дому и т. д. Такие обороты делают сказки колоритными и легко читаемыми.

Стилистическая выразительность фразеологизмов, восходящих к фольклору, влияет на устойчивость их употребления в современном литературном языке [1, с. 185].

Фразеологизмы вообще, а в частности те, которые встречаются в сказках, представляют собой огромные блоки информации, представленные в сжатой форме [2, с. 97]. Именно фразеологизмы становятся ключевыми местами сказки, где можно восстановить и содержание, и мораль прочитанного.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М., 2004.
2. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л. : Издательство «Наука», 1970. – 324 с.
3. Нурғалина Х. Б. Фразеологические единицы высокого стилистического тона // Филологические науки. – Тамбов, 2014.
4. Нурғалина Х. Б. Функционирование фразеологических единиц в башкирской художественной литературе: дисс. на соиск. уч. степени к.ф.н. – Уфа, 2002.

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПЕРВООБРАЗНЫХ НАРЕЧИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. В. Потапешкина
Г. И. Гетманская
Л. Ф. Родионова

Кандидат филологических наук, доцент,
преподаватели,
Приднестровский государственный
университет им. Т. Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова

Summary. Adverbial forms with the space-temporal semantics and the semantics of the course of action are the most ancient in Russian language. The vivid popular speech has been still keeping «echo of the declension» of the original adverbs. The group of such adverbs was not regarded as the separate part of speech.

Keywords: Original adverbs; genesis; pronouns roots; semantics; adverbial pronouns; grammatical condition.

В практике преподавания русского языка (особенно в школе) при изучении грамматической системы наблюдаются случаи отнесения слов типа *куда, туда, там* и др. (более 10) к местоимению, с чем, на наш взгляд, трудно согласиться.

Проникновение в таинственную лексико-грамматическую природу слов данной группы, считаем, возможно, лишь при изучении их генезиса, рассмотрение истории образования их форм.

Исследование генезиса наречий показало, что первыми, самыми древними, так называемыми первообразными, наречиями явились формы с пространственно-временной семантикой и семантикой образа действия, в которых учёные (Ф. Миклошич, Ф. И. Буслаев, Е. М. Галкина – Федорук) [1] находят местоимённые корни, лёгшие в основу их образования: *къ, тъ, съ, вьсь, инъ*. В них довольно чётко выделяются словообразовательные аффиксы: - *д* -, - *м* -, - *к* -, - *л* -, - *гд* - / *туда, куда, сюда, где, везде, zde (сь), всюду; тамо, камо, сямо; како, тако, сяко, всяко; возле, коли; когда, тогда, всегда, иногда* /.

Некоторые формы (*камо, овамо, кудоу, тудоу, судоу, кудѣ, тудѣ, сюдѣ, всюдѣ, кудъ, всегда, тогда, иногда*) устарели и давно вышли из употребления.

По своей функции, вопросительно – указательной, первичные наречия были чрезвычайно близки к местоимению, на базе которого образовались, и, видимо, поэтому первоначально находились под влиянием падежа, на что указывают Ф. И. Буслаев, Ф. Миклошич и Е. М. Галкина-Федорук (хотя у некоторых наречий, по свидетельству Ф. Миклошича, падеж остаётся неопределённым).

Тексты памятников отражают былую изменяемость форм некоторых древних наречий: «Они же рѣша имъ: «Откуда?»» (Пов. вр. лет – 2:6);

«Жена бо злообразна подобна перечеку: сюда свербит, сюдѣ болит...» (Посл. Дан. Зат, – 2:143); «... язъ хожу куды, ино за мною людей много...» (Пут. Аф. Ник. – 2 : 213) и т.д.

По этому поводу Е. М. Галкина-Федорук пишет: «... прослеживая эти формы по древним рукописям, мы их встречаем с разными окончаниями, свидетельствующими, что эти слова когда-то просклонялись и отголоски этого склонения ещё сохранились в церковно-славянском и древнерусском языках...» [1].

Однако функционирование в современной просторечной среде форм *тогда, куды, туды, сюды*, а в южнорусских говорах – *кудою, тудю, сюдою* свидетельствует о том, что живая народная речь до сих пор хранит «отголоски склонения», первообразных наречий, придав им, однако, своеобразную экспрессивно – стилистическую окраску:

«Куды тебе равняться! Ты супротив меня совсем молоденькая!..» (В. Распутин. Прощание с Матерой. с. 15); «Откулева пришли, туды и ступайте...» (В. Распутин. Прощание с Матерой. с. 25) и др.

А. В. Исаченко предлагает относить их не к разряду **наречий**, а к разряду адвербиальных **местоимений**, мотивируя это следующим образом: «Если к разряду местоимений относятся слова, «...которые указывают на предметы и признаки, но не называют их и не определяют их содержания» (Ак. гр.: 387), то слова типа *где, куда, как, теперь* и т. д. полностью подходят под это определение. Другими словами: вместо того, чтобы включать слова типа *как, где, куда* по синтаксическому признаку в разряд «местоимённых» наречий, предпочитаем относить их по семантическому признаку к разряду адвербиальных местоимений...» [3, с. 263].

Однако вряд ли можно согласиться с таким толкованием лексико-грамматической природы рассматриваемой группы форм, если учесть, что часть речи есть категория прежде всего структурно-грамматическая, морфологическая. Принадлежность слова к части речи определяется прежде всего типом грамматической формы, затем синтаксической характеристикой (сочетаемостью и функцией), следовательно, **более обоснованным** является включение приведённых форм, **неизменяемых**, выражающих морфологическим способом **обстоятельное** содержание, в разряды наречий, местоимённых лишь по происхождению и сходной функции в языке.

Древнее наречие в языке возникает специально для структурного выражения обстоятельственных отношений (первоначально пространственно-временных) и семантики образа действия, генетически соотносясь с обстоятельством как форма с содержанием.

В. М. Никитин, рассматривая синтаксическую природу местоимённых наречий, не зря подчёркивает, что все слова, объединяющиеся синтаксически вокруг местоимённых наречий, являются обстоятельствами.

Любое слово, оказавшееся на месте *куда, туда, там, где, всюду*, является обстоятельством места. Любое слово, оказавшееся на месте *иногда, тогда, когда, всегда*, является обстоятельством времени и т. д. [4].

Следовательно, любое местоимённое наречие способно выступить в роли обобщающего слова в ряду однородных обстоятельств, выражающих ту же семантику, поэтому сказанное **исключает** возможность отнесения местоимённых наречий к местоимению, генетически соотносимому с **иной** семантикой, **именной**.

В словообразовательном отношении группа первообразных наречий (по свидетельству Е. М. Галкиной-Федорук, немногим более 20 форм) оказалась непродуктивной, замкнутой, не пополнявшейся новообразованиями морфологическим способом уже в древний период: указанные аффиксы, образовав немногочисленную группу наречий вопросительно-указательного характера (вопрос – ответ), востребованных речевой стихией, перестали уже в древний период функционировать в качестве живых, продуктивных, словообразовательных элементов: очевидно, были исчерпаны обобщенно – понятийные базовые обстоятельственные ряды, которые требовали соответствующего морфологического оформления (обстоятельства с пространственно – временной семантикой, опиравшиеся на логические категории древнего мышления, были самыми древними разрядами).

Таким образом, будучи **количественно** ограниченной, с **потерявшей** продуктивность, **неразвитой** словообразовательной базой, группа первообразных (местоимённых) наречий **не составила** в древнерусский период самостоятельной части речи. Активное формирование наречия как части речи начинается позже с перехода именных форм и конструкций /косвенных падежей / в его сферу.

Библиографический список

1. Галкина-Федорук Е. М. Наречия в современном русском языке. – М., 1939.
2. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе 11–17 вв. – М., 1962.
3. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким : морфология. – Братислава, 1965.
4. Никитин В. М. Морфология современного русского языка. Глагол и наречие. – Рязань, 1964.
5. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой. Живи и помни. Последний срок. Деньги для Марии. – Кишинёв, 1981.

IV. TRANSLATION STUDIES

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ Б. ПАСТЕРНАКА «ГАМЛЕТ» ПЕРЕВОДЧИКОМ А. КНЕЛЛЕРОМ И ЕЕ СООТВЕТСТВИЕ РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

М. С. Галлямова
Д. О. Мазунин

*Кандидат филологических наук, доцент,
студент,
Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск,
Челябинская область, Россия*

Summary. This article deals with the analysis of Boris Pasternak's poem «Hamlet» and its translation by Andrey Kneller. It identifies the translation strategy and compares the results of the implementation from the point of view of readers' reception. The search for an answer to this question makes it possible to make conclusions about general principles of Pasternak's poetics.

Keywords: Boris Pasternak; Andrey Kneller; Hamlet; poem; translation strategy; literary text; interpretation.

В последние десятилетия интерес к творчеству Бориса Пастернака в мире значительно возрос. Переводится все больше его произведений на иностранные языки, публикуются архивные материалы, появляются многочисленные научные исследования, посвященные творческому наследию писателя. Его проза и поэзия оказались близкими читателю XX века, они продолжают сопровождать нас и в XXI столетии.

Однако проблемы переводческой рецепции поэзии Б. Пастернака средствами английского языка как в России, так и за рубежом исследованы лишь фрагментарно. Теоретической базой данной работы послужил труд по художественному переводу как самостоятельной науки с собственными законами и категориями Т. А. Казаковой [5]. Своеобразие поэтического творчества Бориса Пастернака нашло отражение в исследованиях А. П. Василенко [2], А. Н. Позднякова [6] и других ученых.

Среди стихотворений поэта есть такие произведения, которые вызывают интерес переводчиков на протяжении многих лет. Результатом повышенного внимания к отдельным творениям становится появление многочисленных переводов одного и того же произведения. В частности, это можно сказать о стихотворении «Гамлет» (1946), которое вошло в роман «Доктор Живаго» (1957). Материалом данной статьи послужил сравни-

тельно-сопоставительный анализ данного стихотворения с одним из его лучших, на наш взгляд, английских переводов А. Кнеллера.

В стихотворении Юрий Живаго представляет себя Гамлетом, героем трагедии Уильяма Шекспира. «Во времена У. Шекспира споры вокруг его произведений не стихали. Слишком силен был стереотип восприятия хаотического сочетания, переплетения трагического и комического» [3, с. 140]. Вопреки всем предубеждениям, английский драматург всегда оставался великим автором для Бориса Пастернака.

Юрий Живаго как и Гамлет, столкнулся с лживым и двуличным миром, и только он один борется с ним.

«Гул затих. Я вышел на подмости»

Первая фраза представляет нам зрительный зал, который готовится к спектаклю, его трепет и волнение. Все знают, что будет происходить на сцене, но никто не подозревает как этот страх перед неизвестностью заставляет толпу уgomониться, и когда гул наконец затихает, публика показывает, что она готова к действию. И вот, как актер вечного шекспировского образа, герой выходит к зрителям, чтобы показать свое истинное лицо и сбросить маски с других.

*«Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку».*

Эти мысли Юрия Живаго передают нам, что он предчувствует все беды и невзгоды, которые могут произойти, и что он к ним готов. А учитывая то, что Юрий пережил две войны, плен, разлуку с семьей и отъезд Лары с дочкой на восток и все это его не сломило, еще раз подтверждает, Живаго сильный человек.

*«На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси».*

А этот отрывок больше относится к Пастернаку, чем к Юрию, ведь поэт понимает, что правды Родина не простит. То, как он описывает революцию, ее итоги и последствия, не может не пропустить советское правительство. Ведь советское восприятие революции – как что-то неподдающееся сомнению, что-то аксиоматично положительное, расходится с реальным положением. И тут уже Пастернак выступает в роли Гамлета – он один против целой системы.

*«Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси».*

Неожиданное обращение «Авва Отче» словно на мгновение переносит нас в Гефсиманский сад, где перед арестом молился Христос. Он призывает к своему Богу-Отцу, зная о той череде страданий, которые предстоит пережить. Ощутить близость того мира помогает новый лексический ряд текста: Авва Отче, чаша, фарисейство, конец пути. Вспоминаются слова из

Евангелия: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» и о последующей Голгофе – «конце пути» [1].

*«Я люблю твой замысел упрямый,
И играть согласен эту роль».*

Эти слова стоит отнести к самому Гамлету, который объединяет в себе и Юрия, и Пастернака. Он согласен с судьбой, принимает все ее испытания, не боится ее ударов.

*«Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь».*

Согласие не означает подчинение или смирение. Герой Гамлета всегда будет бороться за правду, даже если эта борьба безнадежна, и даже если итогом будет гибель.

*«Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.»*

Вот, он «ловит в отголоске», он знает, что за этим идет. Все понимают, что эта борьба губительна и чем она закончится, но только сильные и самоотверженные люди вроде Гамлета, Юрия Живаго и Бориса Пастернака решаются на нее.

«Я один, все тонет в фарисействе».

В стихотворении, как и в романе, много параллелей с библейскими сюжетами. Фарисеи в Евангелии были синонимами лицемерия и ханжества: «на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают» [1]. Герой понимает, что никто не принял его сторону, что он один будет нести свой крест.

«Жизнь прожить – не поле перейти» [7].

И заканчивается стихотворение народной мудростью. Жизнь уникальна и за все нужно платить. Настоящая жизнь не может быть легкой. Герой выходит на подмости, приостанавливается и понимает, что идти дальше необходимо. Такова жизнь, и прожить ее нужно достойно, несмотря на все испытания.

Но правильно ли интерпретируют это стихотворение и передают его полный смысл переводы? В нем важно почувствовать замысел автора, это переплетение мыслей Бориса Пастернака и Юрия Живаго. Рассмотрим перевод Андрея Кнеллера.

Андрей Кнеллер – переводчик из Москвы, сейчас живет в Бостоне. Он переводит первое четверостишие «Гамлета» так:

*«The noise subsides. I walk onto the stage.
I listen closely to the echo of the hum
And leaning on the doorway, try to gauge
Just what will happen in the age to come».*

На наш взгляд, основное внимание уделено проблеме отражения в переводе смысловости оригинала. Говоря об исходном тексте, важно

подчеркнуть, что при поэтическом переводе нельзя требовать точных словарных соответствий каждому слову подлинника. Переводчик, как правило, выбирает из синонимического ряда или тематической группы слово, которое, по его мнению, наиболее точно соответствует духу и букве оригинала. Из первой фразы мы также четко представляем зрительный зал. *Clamor* подходит больше по значению, чем *noise*, но тогда не будет рифмы, а значит и стихотворения.

Далее А. Кнеллер переставляет строки в четверостишии, чтобы сохранить размер стихотворения. Слово *leaning* выбрано идеально, но *gauged* – исходный глагол словно дробится на вариантные соответствия, сразу не совсем понятно, что это именно *ловить*. Возможно, *catch* подошло бы здесь лучше. За этим исключением, смысл первого четверостишия передан вполне корректно.

*«In gloom of night, the theater glasses gather
In thousands and focus on the play».*

Описание сумрака ночи и «*тысячи биноклей на оси*» звучит безукоризненно верно. Герой говорит правду, он срывает со всех маски, он «выбил» из этой пьесы. Герой один, «*все тонет в фарисействе*».

*«If only you are willing, Abba Father,
Allow this cup to pass me by today».*

Как и у Б. Пастернака, отсылка к библейским мотивам. В англоязычной Библии буквально: «And he said, Abba, Father, all things are possible unto thee; take away this cup from me: nevertheless not what I will, but what thou wilt» [8]. Из перевода А. Кнеллера так же легко прослеживается этот мотив из Евангелия.

*«I love your plan, unyielding, fixed and bold,
And I am ready to accept my role».*

В первом предложении А. Кнеллер выделяет замысел – помимо *упрямый* как в оригинале – *unyielding*, он наделяет *plan* еще двумя эпитетами – *fixed* и *bold*. Они могут описать судьбу человека – а значит, переводчик верно понял и передал нам смысл этого высказывания.

*«But right now another act unfolds
And this time, please dismiss me, I implore».*

В этой части стихотворения, Андрей Кнеллер добавляет *I implore*. Нельзя сказать, чтобы Гамлет, или Юрий Живаго, или сам Борис Пастернак, когда-либо кого-то умоляли – это вряд ли. Если читать этот стих, не зная содержания романа «Доктор Живаго» или судьбы Бориса Леонидовича, то это дополнение, пожалуй, уместно. Благодаря ему, сохраняется размер стиха и ритм.

*«The plot is predetermined to proceed,
The outcome of my destiny is marked.
Alone, amidst the Pharisees and greed.
To live this life is no walk in the park» [7].*

В заключительном четверостишии, переводчик добавляет *greed* – жадность. Может быть, для сохранения ритма, а может и для того, чтобы отождествить жадность и фарисейство.

За каждым конкретным переводом поэтического или прозаического произведения Бориса Пастернака стоит автор этого перевода, который также представляет собой, как правило, творческую личность со своей системой взглядов и ценностей.

Как говорил Жуковский, «переводчик в прозе – раб, переводчик в стихах – соперник» [4]. При переводе стихотворения Бориса Пастернака, Андрей Кнеллер меняет размер стиха – с пятистопного хорея на пятистопный ямб, меняет местами строфы в стихотворении. И, тем не менее, перевод довольно точен, так как в сущности своей передает мировоззрение автора.

Библиографический список

1. Библия Изд. : Watchtower Bible and Tract Society of New York, Inc. International Bible Students Association Brooklyn. – New York, U.S.A, 2001.
2. Василенко А. П. Фразеология Бориса Пастернака в русской оригинальной поэзии и французских переводах: Дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Брянск, 2006. – 194 с.
3. Галлямова М. С. На пути к романтической трагикомедии вслед за Уильямом Шекспиром (на материале пьесы «Марина» Джорджа Лилло) // European Social Science Journal. – 2012. – № 10–2 (26). – С. 138–144.
4. Жуковский В. А. К поэзии. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. – М. : Гослитиздат, 1959.
5. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика : учебник. – СПб. : ООО «ИнЪязиздат», 2006. – 144 с.
6. Поздняков А. Н. Функционирование в русской литературе XX века английской и испанской поэзии в переводах Бориса Пастернака: Дис. канд. филол. наук: 10.01.01. – Астрахань, 2007. – 151 с.
7. Russian poetry in English. URL: <https://sites.google.com/site/poetryandtranslations/boris-pasternak/hamlet> (дата обращения: 15.03.2015).
8. Holy Bible. URL: <https://holybible.com/mrk.14.1> (дата обращения: 16.03.2015).

ПЕРЕДАЧА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ, В РОМАНЕ М. МИТЧЕЛЛ «УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ»

О. С. Ганина

*Аспирант,
Московского государственного
областного университета,
г. Москва, Россия*

Summary. The present paper contains analysis of the lexical units nominating pieces of clothes in M. Mitchell's novel 'Gone With the Wind' and their translation into Russian. The garments of the characters play a key role in the outline of the novel. They are rather interesting from the linguocultural point of view, therefore they require special attention and accuracy in translation.

Keywords: analysis; translation; clothes; lexical units; lexical-semantic group.

Одежда – совокупность швейных изделий (из ткани, вязаного полотна, кожи и меха), надеваемых человеком с целью обезопасить своё тело от негативного влияния окружающей среды (погодных условий, насекомых, токсических веществ и другое); одежда выполняет эстетические функции – создаёт образ (имидж) человека, что позволяет судить о его социальной роли. Дополняется украшениями, аксессуарами, причёской и макияжем [6]. Одежда является одним из важнейших компонентов человеческой культуры, отражая быт, историю, социальные изменения в жизни народа, и выполняет обрядовые, знаковые, социальные функции. Также одежда демонстрирует личностные особенности человека и его социальной среды, выполняя коммуникативную функцию, может подчеркивать или же смягчать особенности фигуры, возраста, внешности.

В силу множества изменений экономических и социальных условий, появилась необходимость учета изменений, происходящих с одеждой, с целью фиксирования культурных особенностей на каждом этапе развития костюма.

В современной лингвистике, в период господствования антропологической парадигмы, наблюдается возрастающий интерес по отношению к человеческой культуре и ее компонентам, отношению человека к внешнему виду и эволюции правил приличия относительно одежды. В этом плане особенно интересен XIX век как период расцвета культуры костюма, разнообразия цветовых и фасонных решений, а также множества различных правил и условностей.

В романе «Унесенные ветром» представлены описания одежды второй половины XIX века – периода, в котором одежда играла особую роль. По внешнему виду человека можно было определить его социальное, материальное и даже семейное положение. Одежда персонажей – одна из ве-

душих тем романа. В описании предметов одежды присутствует историческая достоверность. Автор тщательно описывала гардероб героев, используя большое разнообразие фасонов, цветов, тканей. Также в романе уделено пристальное внимание правилам приличия и этикета, что было принято носить в то время, а что нет. Автор часто делает акцент на определенных деталях с целью демонстрации нравов, моды и других характерных черт эпохи.

В данном исследовании мы проведем анализ передачи на русский язык лексики трех лексико-семантических групп (ЛСГ), имеющих значение «Одежда», в переводах романа «Унесенные ветром», выполненных Т. Озерской, Е. Диденко и Т. Кудрявцевой.

В ЛСГ «Общие наименования одежды» вошли 12 единиц, обозначающих одежду как общее понятие. Это как непосредственно само слово «одежда» – *clothes, clothing*, так и слова, описывающие сразу все, что надето: *attire, toilet, costume, dress* ‘наряд, костюм, туалет’, *finery* ‘убор’, *uniform* ‘военная форма’. Также в эту группу входят общие наименования предметов одежды: *dress goods, garments* ‘детали туалета, предметы гардероба’.

ЛСГ «Предметы женского гардероба» содержит наименования всех предметов одежды (39 единиц), которые должна была носить женщина в середине XIX века, а именно белье (*underclothing, underwear, chemise, negligee, nightdress*), обувь (*shoes, boots, slippers*), чулки (*stockings*), панталоны (*drawers, pantalets*), кринолин (*hoop skirts, crinoline*), корсет (*corsage, corset, stays*), нижнюю юбку (*petticoats*), платье (*dress*). Платье было основным предметом женской одежды, т.к. женщины не имели права носить брюки. Поэтому шились самые разнообразные платья на любой случай: *ball dress* ‘бальное платье’, *afternoon dress* ‘вечернее платье’, *party dress* ‘платье для приемов’, *Sunday frock* ‘выходной наряд’, *wedding gown* ‘свадебное платье’, *riding habit* ‘костюм для верховой езды’. Также здесь присутствуют названия верхней одежды: *paletot* ‘пальто’, *jacket* ‘жакет’, *mantelet* ‘мантилья’, *cloak* ‘накидка’.

В ЛСГ «Предметы мужского гардероба» мы можем найти предметы одежды, наиболее свойственные мужчинам того времени (26 единиц). Присутствует и военная форма (*uniform jacket, tunic* ‘мундир’), и обувь, и верхняя одежда (*cape* ‘плащ’, *heavy coat, overcoat* ‘пальто’), и белье (*undershirt* ‘нижняя рубашка’). Наиболее типичным комплектом одежды был костюм-тройка из брюк (*trousers, pants, breeches*), сюртука (*coat*) и жилета (*waistcoat*); рубашка (*shirt*), носки (*socks*), обувь (*boots, shoes*).

Далее мы рассмотрим приемы, использованные при переводе данных групп лексики на русский язык.

1) Подбор эквивалентного соответствия.

В силу того, что модные тенденции и для Европы, и для России, и для США были одинаковыми и диктовались французскими модельерами, названия одних и тех же предметов одежды имелись и в английском, и в

русском языках. Чаще всего они непосредственно заимствовались из французского языка. Что же касается обыденных предметов одежды, имеющих и в наше время (платье, юбка, рубашка), то их передача не представляла сложностей. Было использовано огромное количество разнообразных синонимов и различных форм одного слова. Большее количество лексических единиц необходимо переводчику для того, чтобы избежать повтора (костюм, наряд, платье), и для контекстуального разнообразия (у матери – платье, у дочери – платьице). Кроме того, это связано со спецификой русского языка в плане употребления слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

‘The troublesome question was-what **dress** should she wear to the barbecue?’ [5, с. 104]

*‘Сейчас ее волновал совсем другой вопрос: какое **платье** надеть на барбекю?’ (перевод Т. Озерской – Т. О.) [3, с. 80].*

Rhett had two straggling turkey feathers in the brim of his hat and Bonnie, dressed in a sadly torn **dress** that was her Sunday frock, had diagonal lines of indigo blue on her cheeks and a peacock feather half as long as she was in her curls [5, с. 1356].

*У Ретта из-за ленточки шляпы торчала пара растрепанных индюшачьих перьев, а Бонни вырядилась в безнадежно порванное выходное **платьице**, ее личико было расписано косыми ярко-синими полосами, в черных кудрях торчало павлинье перо, размером с нее саму. (перевод Е. Диденко – Е. Д.) [3, с. 991].*

2) Подбор контекстуального соответствия.

В некоторых случаях необходимо было подобрать перевод, исходя из описанной ситуации.

‘That brought up another thought. **Her clothes.**’ [5, с. 756]

*‘Тут Скарлетт задумалась о другом. **В чем ей ехать?**’ (Е. Д.) [3, с. 559].*

*‘Это заставило ее вспомнить еще кое о чем. Ей же **нечего надеть.**’ (перевод Т. Кудрявцевой – Т. К.) [4, с. 32].*

3) Конкретизация. Иногда в переводе используется название не целого предмета одежды, а его части или детали.

‘When Bonnie was four years old, Mammy began to grumble about the impropriety of a girl child riding “a-straddle in front of her pa wid her **dress** flyin’ up.”’ [5, с. 1379].

*‘Когда Бонни исполнилось четыре года, Мамушка стала ворчать, что девочке “негоже ездить верхом впереди своего па, да еще задрамиш **юбку**”.’ (Е.Д.) [3, с. 1007]*

В тексте много раз попадаетея перевод слова **uniform** ‘форменная одежда, форма, униформа’ [1] как ‘мундир’.

‘Melanie was not alone in being unable to forget what a blue **uniform** meant. To Scarlett, that **uniform** and those gold buttons would always mean the

fears of the siege, the terror of flight, the looting and burning, the desperate poverty and the grinding work at Tara.' [5, с. 1224].

*‘Не только Мелани не могла позабыть, что такое синий **мундир**. В памяти Скарлетт синие **мундиры** с золотыми пуговицами навсегда были связаны с ужасом пережитой осады города, с кошмаром бегства, грабежей и пожаров, с отчаянной нищетой и каторжным трудом в Таре.’* (Е.Д.) [3, с. 895].

Это может казаться ошибкой, но было найдено объяснение.

«В России термин «униформа» всегда применялся для обозначения ливрейного платья. До сих пор эта традиция сохраняется в цирке, где термин «униформа» обозначает служителей, работающих непосредственно на сцене. Настоящий офицер не мог именовать предмет своей гордости – мундир – лакейским понятием «униформа»» [2, с. 9–10]. То есть по традиции в России XIX века было не принято называть военную форму униформой, что и было отражено в переводе.

4) Генерализация. Деталь или часть предмета одежды передано при помощи более общего наименования.

*‘He not only brought Maybelle the satin but he was able to give excellent hints on the making of the **wedding dress**.’* [5, с. 314]

*‘Капитан же Батлер не только подарил Мейбелл атлас на платье, но еще снабдил ее весьма ценными указаниями по части **подвенечного наряда**.’* (Т.О.) [3, с. 240]

5) Инверсия. Перестановка членов предложения в процессе перевода.

*‘He was well turned out in mustard-colored **trousers** and black **coat** and his pleated **shirt** was topped by the widest and most fashionable of black cravats.’* [5, с. 136].

*‘Одет он был элегантно – в черный **сюртук** и горчичного цвета **брюки**; поверх белой **рубашки** с плеченой грудью был повязан широкий модный черный **галстук**.’* (Т. О.) [3, с. 104].

6) Конверсия. Перевод при помощи использования слов другой части речи.

*‘No, he couldn’t recall what she wore but he did hear that she **didn’t have a “second-day” dress**’* [5, с. 280].

*‘Нет, вот уж как она была одета, этого он что-то не припомнит. А на **второй день**? Да она, помнится, говорили, **не меняла туалета**.’* (Т. О.) [3, с. 214].

Таким образом, мы видим, что при переводе применялось множество различных способов достижения адекватности передачи наименований предметов одежды на русский язык: подбор эквивалентных и контекстуальных соответствий, инверсия, конверсия, генерализация, конкретизация. В целом, разнообразие средств позволило достичь соответствия практически во всех случаях.

Библиографический список

1. Англо-русский словарь общей лексики «Lingvo Universal». URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения 18.03.2015)
2. Введенский Г.Э. 5 веков русского военного мундира. – СПб. : Алант, 2005. – 336 с.
3. Митчелл М. Унесенные ветром / пер. с англ. Т. Озерской, Е. Диденко. – М. : Эксмо; СПб. : Домино, 2011. – 1056 с.
4. Митчелл М. Унесенные ветром / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. – Т. 2. – М. : Правда, 1991. – 592 с.
5. Mitchell M. Gone with the wind. – NY : Pocket Books, 2008. – 1452 p.
6. Wikipedia: The free encyclopedia. URL: <http://www.wikipedia.org> (дата обращения 18.03.2015)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ «КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА» ПРИ ПЕРЕВОДЧЕСКОМ КОМПАРАТИВНОМ АНАЛИЗЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ И. ГОЛЛЯ «MALAISCHE LIEBESLIEDER» / «CHANSONS MALAISES»)

И. П. Селезнева
П. А. Михель

*Кандидат педагогических наук, доцент,
студентка,
Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия*

Summary. This article observes using the technique of "cultural transfer" in the translation comparative analysis of the poetic text (for example, poetic cycles Y. Goll «Malaiische Liebeslieder» / «Chansons malaises»). It based on data obtained by the authors in the course of intercultural projects 2008/2014. The «cultural transfer» is seen as the transformation of that when any contact cultures manifest themselves in the same acting in the host culture.

Keywords: «cultural transfer»; the translation comparative analysis; poetic text.

В нашем исследовании, основанном на данных, полученных авторами в ходе выполнения проектов 2008–2014 гг. в рамках грантов Гете-института (гг. Мюнхен-Кассель-Красноярск), Г. Белля (г. Веймар), ДААД (г. Лейпциг) и Французского института (г. Париж), мы рассматриваем потенциал применения методики «культурного трансфера» в процессе переводческого компаративного анализа поэтического текста на примере творчества франко-немецкого поэта И. Голля.

Основой теории «культурного трансфера» (терминология М. Эспань) служат базовые понятия сравнительного или компаративного литературоведения (*littérature comparée* (фр.), *vergleichende Literaturgeschichte* (нем.), *comparative literature* (англ.) [1, с. 3]. Родоначальником «littérature

comparée» считается И. Текст, который определил в 1890 году «генеалогию» нового направления. В России в число наиболее известных представителей сравнительного литературоведения входят В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад и А. Н. Веселовский.

В 1994 году М. Эспань основал журнал «Revue Germanique Internationale», зафиксировавший развитие «перекрестного изучения» истории культуры, искусства и литературы и внесшего вклад в становление и развитие теории «культурного трансфера». Основные положения теории раскрыты в коллективной монографии «Тройственный культурный трансфер. Франция – Германия – Россия», вышедшей под редакцией М. Эспаня в 1996 г. Отличие теории «культурного трансфера» от традиционной компаративистики в том, что теория «культурного трансфера» изучает «... вкрапления, трансформации, которые при всяком соприкосновении культур проявляются равно в воздействующей и в принимающей культурах» [3, с. 11]. Речь идет о трех факторах, оказывающих влияние на литературный процесс: *émetteur* (дающий), *récepteur* (принимающий), *transmetteur/intermédiaire* (передающий) [4, с. 9].

Особенно ярко «культурный трансфер» проявляется в творчестве писателей, соединяющих в своем творчестве две или несколько культур, в том числе писателей-билингвов. По мнению А. В. Федорова, писательское двуязычие (т.е. билингвизм) дает уникальную возможность исследования индивидуальных особенностей стиля писателя: в зависимости от выбора языка меняется стилистическое своеобразие произведения [5, с. 462]. И. Голль писал попеременно по-немецки, по-французски и по-английски, переводил свои стихи с одного языка на другой, однако, рассматривал их не как переводы, а как языковые варианты одного и того же стихотворения. Таким образом, И. Голля нельзя назвать «национальным» писателем: всю жизнь он находился на границе между странами и языками, между литературными направлениями и жанрами. В Германии И. Голля считают немецким поэтом и относят его к немецкому экспрессионизму; во Франции его считают французским поэтом, представителем сюрреализма. В письме к В. Маяковскому И. Голль отмечает: «Я пишу по-немецки и по-французски, но принадлежу только Европе» [6, с. 7].

Наибольшую известность среди поэтических циклов И. Голля получили двуязычные книги-диалоги, написанные в соавторстве с его женой К. Голль: «Стихи о любви» (1925 и 1930), «Стихи ревности» (1926), «Стихи о жизни и смерти» (1927), «Седьмая роза» (1928), «Малайские песни о любви» (1932–1934), а также изданные посмертно «Десять тысяч рассветов» (1954), «Любовный дуэт» (1959), «Антироза» (1967).

В последние десятилетия интерес к творчеству И. Голля растет, о чем свидетельствуют многочисленные научные публикации за рубежом (S. Steele, M. Müller-Lentroad, E. Robertson, R. Vilain, J. White, J. Stubbs, J. Ro-

mains, M. Brion, F. Carmody, R. Exner). Однако критическая и аналитическая литература о его творчестве на русском языке отсутствует. В настоящее время практически отсутствуют и переводы поэтических циклов И. Голля на русский язык: переводы отдельных его стихотворений осуществил В. Вебер.

Новизна данного исследования заключается в проведении переводческого компаративного анализа восьми стихотворений И. Голля из цикла «Malaiische Liebeslieder» / «Chansons malaises» на основе метода «культурного трансфера» (оригинальные тексты цитируются по двуязычному изданию сборника «Malaiische Liebeslieder» [6]; переводы стихотворений с немецкого и французского языка на русский язык осуществлены П. А. Михель).

Поэтический цикл И. Голля «Малайские песни о любви» посвящен немецкой поэтессе Пауле Людвиг (1900–1974). Оригинал на немецком языке долгое время считался безвозвратно утерянным. Сделанные самим автором переводы стихотворений с немецкого языка на французский язык в большой степени восполняли эту потерю. Книга приобрела широкую известность и была переведена на многие европейские и восточные языки. Успех «Малайских песен», вышедших в 1934 году, был настолько велик, что японское издательство обратилось к Анри Матиссу с просьбой сделать иллюстрации. Немецкий оригинал был найден лишь в 1966-м. Он больше тридцати лет пролежал в подвале одного парижского издательства [2, с. 5].

С целью проведения компаративного анализа по методике «культурного трансфера» П.А. Михель был осуществлен подстрочный перевод (с немецкого и французского языка на русский язык) восьми стихотворений из поэтического цикла И. Голля «Malaiische Liebeslieder» / «Chansons malaises».

Рассмотрим особенности использования методики «культурного трансфера» при переводческом компаративном анализе поэтического текста на примере стихотворения «O flüstere mir was ich dir bin (Chuchote qui je suis)».

Немецкоязычный вариант

O flüstere mir was ich dir bin
Erschüttere mich mit meiner eigenen Süsse
Entzücke mich mit meiner Schönheit
Denn eine Jungfrau ist nicht wirklich
Sie wird erst wahr in ihren Spiegeln

Перевод П. А. Михель

О, прошепчи мне, чем я для тебя являюсь
Потряси меня моим собственным очарованием
Восхити меня моей красотой
Ибо девушка начинает жить по-настоящему
Когда впервые увидит себя в зеркалах

Франкоязычный вариант

Chuchote qui je suis
Etourdis-moi de ma propre beauté
Séduis-moi par ma langueur
Exalte-moi de mon parfum intime
La femme boit l'ivresse
Dans l'oreille de nacre
Ne devient elle-même
Qu'au fond de ses miroirs

Перевод П.А. Михель

Прошепчи мне, кто я есть
Одурмань меня моей собственной красотой
Обольсти меня моим изнеможением
Возбуди меня моим интимным ароматом
Женщина впервые пьянеет, когда пьет
Из перламутровой раковины
Становится самой собой
Только в глубине ее зеркал.

Общим для всех стихотворений И. Голля является то, что он не использует знаки препинания, позволяя читателю самостоятельно решить, как связаны предложения между собой, где следует сделать паузу. Тем самым становится возможным различное прочтение одних и тех же стихотворений. Мы сочли целесообразным, не нарушая общей структуры цикла, ввести в текстовой корпус в отдельно взятых случаях знаки препинания, облегчающие чтение стихотворения на русском языке.

Оба варианта стихотворения «O flüstere mir was ich dir bin (Chuchote qui je suis)» написаны белым стихом, в повелительном наклонении и построены на грамматических параллелизмах: Erschüttere mich... – Entzücke mich...; Etourdis-moi – Séduis-moi – Exalte-moi.

Основа стихотворения – парадокс восприятия, так называемое «ложное ожидание» (Falschkorplung): женщина просит восхитить, обольстить ее, ее же *собственной* красотой, и становится самой собой, только будучи отраженной в зеркале. Зеркалом, которое отражает, то есть открывает женщине глаза на ее собственную красоту, показывает ей саму себя, возможности ее души и тела, является мужчина; до этого момента женщина не существует, так как никогда не видела себя (никогда не отражалась в «зеркале»). Схожие мотивы мы встречаем и в стихотворении «Erst seit du mich kennst (Depuis que tu me connais)», основной фигурой которого является противопоставление: одинокая жизнь *до* и познание себя *после* встречи с возлюбленным.

Французский вариант стихотворения «O flüstere mir was ich dir bin (Chuchote qui je suis)» отличается большей откровенностью лексики и образов в целом: И. Голль подробнее описывает женщину, используя такие

словосочетания как «красота» (beauté), «изнеможение» (langueur), «интимный аромат» (parfum intime), «опьянение» (La femme boit l'ivresse), в то время как в немецком варианте описание ограничивается только «красотой» (Schönheit) и «очарованием» (Süsse – оригинальное значение слова; «сладость», переносное: «миловидность»). В немецком варианте стихотворения встречаются эмотивно слабо окрашенные глаголы «потряси» (erschüttere mich), «восхити» (entzücke mich); во французском варианте – более выразительные и эмоциональные: «одурмань» (Etourdis-moi de ma propre beauté), «обольсти» (Séduis-moi par ma langueur), «возбуди» (Exalte-moi de mon parfum intime).

В большинстве стихотворений цикла «Malaiische Liebeslieder» / «Chansons malaises» именно французскому варианту свойственна более эмоциональная, агрессивная и образная лексика: не «убьет», а «уничтожит, размелет»; не «болит», а «плачет, сочится»; не «колет», а «вонзает нож, проливает кровь»; не «большое ухо», а «ухо великана» (стихотворение «Ich höre das Wachsen der jungen Lianen / On entend pousser les jeunes lianes»). Кроме того, в немецких оригиналах И. Голль использует однозначную лексику, а во французских вариантах – многозначную. Например, «заботливо» – «любовно/ заботливо»; «любовник» – «друг/ любовник» (стихотворение «Mein Geliebter arbeitet / Mon ami travaille»).

Из-за грамматических различий французского и немецкого языков меняются акценты в стихотворениях. Так, согласно правилам немецкой грамматики, в придаточном предложении глагол ставится на последнее место. Таким образом, в оригинале акцент ставится на разрушающее *действие*, в то время как во французской грамматике прямой порядок слов, соответственно, акцент ставится на *объекте* разрушения (стихотворение «O Gott nimm mir aus dem Gesicht / Dieux: Arrachez les yeux de mon visage»).

Проведенный нами переводческий компаративный анализ поэтического текста позволяет прийти к выводу о целесообразности использования методики «культурного трансфера» при переводе.

Библиографический список

1. Аминева В. Р. Основы сравнительного и сопоставительного литературоведения: учеб.пособ. по спецкурсу для студентов специализации «Русский язык и литература в межнациональном общении» / Казан. гос.ун-т, Филол. фак., Каф. сопостав. филол. и межкультур. коммуникации; авт. – сост. В. Р. Аминева; науч. ред. Д. Ф. Загидуллина. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2007.
2. Вебер В. Перевод и предисловие. Иван Голль: Ребро к ребру. // Журнальный зал. Новая Юность, 2012. URL: www.magazines.russ.ru/nov_yun/2012/1/g8.html (дата обращения: 18.03.2015).
3. Дмитриева Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Журнальный зал.

Вопросы литературы, 2011 №4. URL: www.magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html (дата обращения: 18.03.2015).

4. Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. Проблемы современного сравнительного литературоведения. – М. : Наука, 1959.
5. Федоров А. В. Иноязычные тексты русских писателей как проблема стилистики и теории перевода. // Русско-европейские связи. – М.-Л., 1966.
6. Altanis-Protzer U. Fiktive Avantgarden. Yvan Goll und die ästhetische Moderne. URL: www.iablis.de/iablis_t/2013/altanis-protzer13.html (дата обращения: 18.03.2015).
7. Goll Y. Malaiische Liebeslieder. Textredaktion von Kristian Wachinger. Landewiesche-Brandt, München, 2001. – S. 144.

V. STRUCTURAL, APPLIED AND MATHEMATICAL LINGUISTICS

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М. И. Логачева

*Старший преподаватель,
Поволжский государственный
университет телекоммуникаций
и информатики, г. Самара, Россия*

Summary. The given article deals with some factors of differentiation between phraseological variants and synonyms. The analysis of this phenomenon involves contrasting distribution and commutation test. It touches upon the problem of varied and uniform phraseologisms.

Keywords: phraseological variants; phraseological synonyms; commutation test; contrasting distribution; discretization; continuum.

Проблема разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов представляется интересной для исследования.

В соответствии с данными коммутационного теста: если имеются различия в значениях, то перед нами уже не варианты, а синонимы. Однако в ряде случаев смысловые различия столь незначительны, что такие единицы «не дотягивают» до статуса отдельных фразеологизмов. Они всё-таки являются скорее вариантами одного и того же фразеологизма.

Например, оборот *to keep smb. in one's heart* означает «помнить дорогого сердцу человека, носить его образ в своем сердце»; при этом речь может идти как о разлуке, так и о кончине близкого человека. Оборот *to keep smb. in one's soul*, как правило, относится к сохранению в душе светлого образа умершего близкого человека. Но это семантическое разграничение между двумя оборотами не является строгим. Несмотря на небольшое смысловое различие, это всё же скорее варианты, чем синонимы.

Ряд лингвистов допускает наличие незначительных семантических различий у вариантов одного и того же фразеологизма, т.е. существование идеографических вариантов. Но в таком случае размывается четкий критерий разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов. Какие различия следует считать незначительными? За какой гранью различий осуществляется переход от вариантов к синонимам?

Рассмотрим, например, обороты *to throw out (or venture or set or use) a sprat (or a herring or a minnow or a small fish) to catch a mackerel (or a herring*

or a whale or a great one). Не все альтернанты здесь состоят в свободном варьировании. Некоторые из них используются в парах.

Так, по данным фразеологических словарей, килька (sprat), как самая мелкая из этих рыб, образует контрастивную пару с любой более крупной рыбой, но селедка (herring), как рыба среднего размера, фигурирует то как маленькая рыба в противопоставлении киту (to throw out a herring to catch a whale), то как большая рыба в противопоставлении кильке (to throw out a sprat to catch a herring). Но это не относится к скумбрии (mackerel): хотя это тоже рыба среднего размера, она фигурирует только как большая рыба (to throw out a sprat to catch a mackerel). Невозможен вариант *to throw out a herring to catch a mackerel, поскольку эти рыбы сопоставимы по размеру и не образуют требуемого контраста по данному признаку.

Абстрактное название a small fish применяется лишь в паре со столь же абстрактным названием a great one (to venture a small fish to catch a great one).

Где здесь варианты, а где – синонимы?

Обороты to throw out a sprat to catch a mackerel и to throw out a sprat to catch a herring – это, несомненно, варианты, т.к. чередование лексем происходит лишь в одной синтаксической позиции. Но полное расхождение в лексическом составе (например, to throw out a herring to catch a whale – to set a minnow to catch a mackerel) свидетельствует о том, что перед нами синонимы. А ведь есть и промежуточные случаи расхождений в лексическом составе. Где же вариантность переходит в синонимию?

Нет необходимости искать совершенно четкие критерии разграничения вариантов и синонимов. В пограничной зоне целесообразнее всего признать существование промежуточных и переходных случаев.

Такое решение вопроса может вызвать упрек в классификационной неточности, которая заключается в том, что граница между классами размыта. Действительно, всякая классификация есть установление границ между классами. Но, на наш взгляд, на этот упрек уместно будет ответить словами философа: «Не существует строгих границ, к горести всех классификаторов» [1, с. 225]. И это не недоработка классификаторов, а объективное положение дел.

Действительность, бесконечно разнообразная, характеризующаяся единством противоположностей, градуальностью и континуальностью переходов от одних явлений к другим, не вписывается в жесткие рамки дискретных классификаций, постулируемых исследователями на основе так называемой идеализации объекта, т. е. его огрубления в целях установления его структуры.

Это явление отражено в парадоксе Зенона «Лысый» (см.: [2, с. 214]). Невозможно установить резкую границу между шевелюрой и лысиной, определяемую точным числом волосков. Эта граница объективно размыта.

Столь же размыта граница между фразеологическими вариантами и фразеологическими синонимами, и это объективное положение вещей, а не недостатки классификации.

Понятия «фразеологические варианты» и «фразеологические синонимы» – это не более чем инструментальные категории, постулированные лингвистами в исследовательских целях; не удивительно, что живая реальность языка не совсем точно вписывается в них.

Это довольно обычное и хорошо известное в науке явление, зафиксированное в понятии «континуум». Когда мы сталкиваемся с континуумом, мы констатируем его, признавая некоторую условность его дискретизации с помощью классификационных рубрик.

Применительно к изучаемому материалу это означает, что размытость границы между фразеологическими вариантами и фразеологическими синонимами обусловлена объективными причинами. Как бы мы ни дискретизировали континуум, границы между дискретными единицами всё равно окажутся размытыми, и это следует признать нормальным явлением.

Это касается и такого вопроса, как разнообразность и единообразность фразеологических вариантов. Поскольку фразеологические варианты по определению обладают лишь минимальными различиями, все они, по идее, являются единообразными. Различия прослеживаются в основном на уровне поверхностной структуры, не затрагивая глубинной (актантно-ролевой) структуры.

Однако на уровне конкретной образности (т. е. на уровне образных основ) не все эти варианты представляются совершенно единообразными.

Так, в варианте *to throw out a minnow to catch a mackerel* смешаны образы речного ужения (гольян – пресноводная рыбешка) и морского тралового лова (макрель – морская промысловая рыба); в варианте *to venture a sprat to catch a whale* смешаны образы ловли на живца и китобойный гарпунный промысел, причем предполагается, что одной-единственной кильки достаточно, чтобы кит польстился на нее и попался на удочку. Ясно, что народное языковое сознание не воспринимает эти образы всерьез и не делает принципиальных различий между вариантами. Граница между образами размыта; такие фразеологизмы можно назвать сходнообразными, постулируя класс, промежуточный между едино- и разнообразными фразеологизмами.

Вопрос о том, что такое единый образ, где кончается один образ и начинается другой, остается открытым. Например, не вполне ясно, являются ли единообразными нижеследующие фразеологические варианты. Более того, трудно точно определить, варианты это, синонимы или градусные ряды:

to turn a blind eye – to turn a deaf ear (to smth.) «проигнорировать что-л.»
to raise the dust «поднимать шумиху» – *to raise hell* «поднимать скандал»

like a cat in a strange garret – like a cat on hot bricks «не в своей стихии»

Как и в предыдущем случае, здесь лучше всего признать промежуточный характер этих единиц.

Как упоминалось, некоторые английские фразеологические варианты состоят друг с другом в отношении свободного варьирования. Анализ эмпирического материала показывает, что другие английские фразеологические варианты состоят в отношении дополнительной дистрибуции.

В дополнительной дистрибуции состоят **стилистические** варианты, каждый из которых закреплен за своим типом контекстов (например, книжный редкий вариант *not to care a far* и разговорный экспрессивный вариант *not to care a damn*). Если же обороты состоят в контрастивной дистрибуции, то, в соответствии с правилами дистрибутивного анализа, они не могут считаться вариантами одной единицы и являются разными единицами (синонимами).

Всё это свидетельствует о том, что принципы функциональной лингвистики, разрабатывавшиеся еще прагматиками, распространяются и на фразеологический уровень. Такой подход открывает возможность применения дистрибутивного анализа и других методов функциональной лингвистики во фразеологии.

В статье описываются некоторые способы, позволяющие разграничивать вариантность и синонимию в английской фразеологии. Показано, что вариантность имеет место как в плане содержания (фразеосемантические варианты), так и в плане выражения (фонетические, морфологические, синтаксические, морфосинтаксические, образные варианты). Дано объяснение тому факту, что фразеологические варианты бывают только единообразными.

Библиографический список

1. Герцен А. И. Былое и думы. – Л. : Гослитиздат, 1946. – 888с.
2. Яновская С. А. Методологические проблемы науки. – М. : КомКнига, 2006. – 283 с.
3. EPE – English Proverbs Explained / R. Ridout, C. Witting. – Oxford : Univ. Press, 1988. – 186 p.

VI. FUNCTIONING OF LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

ТЕРМИНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ ЯЗЫКА ИРАНА

А. Н. Сухоруков

Старший преподаватель,
Таврическая Академия,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, г. Симферополь,
Республика Крым, Россия

Summary. This article deals with the place of the Iranian Academy of Language, also known as the Second Farhangistan, in the development of vocabulary and terminology of modern Persian language, describes the history of its foundation and development. Attention is paid to the puristic work of Academy and analyzed quantitative results of its activities.

Keywords: Persian language; Iranian Academy of Language; Farhangistan.

Постановка проблемы. Лексический запас любого языка пополняется посредством естественных интра- и экстралингвистических процессов. Но нередко по мере развития общества мы становимся свидетелями целенаправленного вмешательства человека в этот процесс и попыток взять под контроль развитие языка. В Иране в 20 веке последовательно было создано три академии, в задачи которых входило осуществление функции регулятора языковых процессов в стране с целью «сохранения потенциала и оригинальности персидского языка, одной из основ национальной сущности Ирана и второго языка ислама» [3, с. 7].

В данной работе мы рассмотрим терминотворческую деятельность Академии языка Ирана, известной также как Второй Фархангестан и функционировавшую в период с 1970 по 1979 гг. Целью настоящего исследования является определение специфики работы Академии языка Ирана (АЯИ) и результатов её терминотворческой деятельности.

Основная часть. 27 июля 1968 года шахом Ирана был издан указ об основании «Фонда шахиншахских академий Ирана». Заместителем министра культуры Ирана в тот период был известный лингвист, сторонник очищения персидского языка от иноязычных заимствований Мохаммад Мокаддам. Функции его помощника выполнял его давний друг и единомышленник Садек Киа, справедливо считающийся основателем иранской диалектологии. При их непосредственном и активном участии происходило формирование ядра новой филологической академии и закладывались основы её деятельности. Подробнее о роли этих и других

иранских филологов в создании АЯИ можно познакомиться в работе «Члены группы «Иранвейдж» как инициаторы создания Академии Языка Ирана» [2]. Первоначально «Фонд шахиншахских академий Ирана» состоял из двух академий – Академии языка Ирана и Академии литературы и искусства. По инициативе М. Мокаддама главой АЯИ был утверждён Садек Киа.

31 октября 1970 года министр культуры Ирана представил шаху 11 кандидатов в действительные члены АЯИ, и уже через две недели в здании министерства культуры и искусства Ирана состоялось первое заседание Совета Академии. Действительными её членами, помимо отмеченных уже М. Мокаддама и С. Киа, стали такие известные лингвисты, как Забих Бехруз, Махмуд Хесаби, Р. Шафаг, Дж. Резаи, С. Каримлу, Х. Голголаб, Й. Махйар Наваби и М. Могарреби. В состав совета АЯИ вошли, преимущественно, специалисты в области древних иранских языков и сторонники языкового пуризма. Данное обстоятельство определило то, что АЯИ, несмотря на декларируемые широкие цели, занималась, большей частью, подбором пуристических эквивалентов к иноязычным лексическим заимствованиям и изучением древних иранских языков, а потом и современных диалектов.

Перед АЯИ были поставлены следующие общие задачи: 1) содействие сохранению высокого статуса персидского языка и подготовка его к удовлетворению различных научных и культурных потребностей современности; 2) изучение древних и современных иранских языков и их диалектов для более тесного ознакомления с ними и использования их потенциала для развития персидского языка [4, с. 143].

На первом этапе в рамках Академии было создано четыре научно-исследовательских центра (پژوهشگاه): терминологический центр (или «Центр по отбору слов»), центр персидской лексики, центр персидской грамматики и орфографии, а также центр древне- и среднеперсидского языка и иранских наречий. Впоследствии произошло дробление и частичное объединение некоторых центров, так, что в итоге на последнем этапе существования АЯИ работало восемь научно-исследовательских центров. Подробнее работа некоторых из них рассмотрена в диссертационном исследовании А. Акбарипура «Терминологическое строительство в Иране» [1, с. 106–115].

Терминологический научно-исследовательский центр (پژوهشگاه واژه گزینی), как уже указывалось, был организован одним из первых, и основная деятельность Академии была проделана именно данным центром. Начав работу с коллектива в несколько человек, к концу 1970-х гг. в различных отделах этого центра работало до 320 сотрудников [5, с. 132].

Задачей терминологического центра был подбор соответствующих персидских терминов – эквивалентов по отношению к иноязычным лексическим заимствованиям.

Опираясь на опыт работы первой иранской академии, преследовавшей сходные цели, руководители АЯИ предпочли разделить работу центра на несколько тематических направлений, специализирующихся на выработке терминологии для определённых областей знания. Так, ещё в 1970-м году было выделено 9 подобных направлений, но в дальнейшем число их увеличилось до 28. Таким образом, работа Терминологического центра по подбору иранских эквивалентов по отношению к иноязычным заимствованиям велась по следующим тематическим направлениям: 1) учебно-воспитательная терминология; 2) торгово-экономическая; 3) финансовая; 4) атомной энергетики; 5) электричества; 6) медицины; 7) географии; 8) права и администрирования; 9) дорожного и жилого строительства; 10) информатики; 11) математики; 12) языка и литературы; 13) лингвистики; 14) политики и международных отношений; 15) химии; 16) естественных наук; 17) культуры; 18) философии и социальных наук; 19) физики; 20) топографии; 21) библиотечного дела; 22) учебных пособий; 23) сельского хозяйства; 24) металлургии; 25) механики; 26) музыки; 27) промышленности и инженерного дела; 28) искусства и археологии [5, с. 132]. Каждым из направлений занималась специальная комиссия, состоявшая, в среднем, из 10 человек. Заседания комиссий проводились один раз в неделю и занимали около 2-х часов. Число комиссий не было стабильным. Некоторые из них прекратили свою работу в течение первых лет деятельности Академии. Ещё на начальном этапе были выработаны общие принципы словоотбора и терминотворчества.

Алгоритм работы комиссий был следующий:

1. Исследование терминологического фонда закреплённой за комиссией тематики на предмет наличия иноязычных лексических заимствований (ИЛЗ), которые могли бы нанести ущерб самобытности персидского языка. Кроме того, списки слов иноязычного происхождения передавались в терминологические комиссии из различных государственных учреждений, а иногда и от частных лиц. Особенно много было прислано министерством культуры и высшего образования, а также организацией охраны окружающей среды. Всего выявлено было около 17 000 ИЛЗ [мдррси, с.187].

2. Обсуждение обоснованности подбора эквивалентов к обнаруженным ИЛЗ и подготовка списка утверждённых к замене ИЛЗ. Секретарь комиссии, избираемый, обычно, из числа действительных членов Академии, готовил списки рекомендованных к замене иноязычных терминов. Он же и далее руководил работой комиссии и фиксировал все предложения и варианты;

3. Создание пуристических замен (ПЗ) по отношению к признанным нежелательными ИЛЗ. Члены комиссии зачастую готовили свои варианты

ПЗ независимо друг от друга, и число вариантов могло быть неограниченным;

4. Коллективное обсуждение предложенных вариантов ПЗ и утверждение единого варианта на уровне комиссии;

5. Подготовка списка утверждённых вариантов ПЗ и предоставление их для обсуждения в Совет Академии;

6. Обсуждение Советом Академии предложенных комиссиями ПЗ. Учитывалось, что межотраслевые термины должны соответствовать значению в каждой отрасли отдельно и адекватно отражать общий для всех смысл;

7. В случае одобрения Советом Академии, ПЗ передавались на рассмотрение лично шаху;

8. После утверждения терминов монархом они публиковались в специальных сборниках, призванных познакомить специалистов данной области знания с предложенными Академией ПЗ. На этом этапе происходило активное обсуждение ПЗ с узкими специалистами, занятыми в конкретной области знания.

Естественно, что подбор ПЗ по отношению к отдельным ИЛЗ не всегда сразу достигал завершающего этапа и неоднократно передаваясь на доработку. Особенно много усилий требовал подбор точного соответствия для межотраслевых иноязычных терминов. Для достижения нужного эффекта проводились, после предварительной работы, совместные заседания комиссий, которые предлагали варианты ПЗ по своему усмотрению. К примеру, по отношению к слову *سمینار* (семинар) было предложено 60 различных вариантов. Каждый из вариантов ПЗ раскрывал это ИЛЗ с другой стороны. Так, опираясь на изначальное значение этого латинского слова, был предложен вариант *قلمستان*, однако, он не отражал все современные значения этого термина. Другим вариантом стало слово *کشتزار*, образно передающее понятие о месте и цели учебного процесса, подразумевающее обмен мнениями студентов в группе под руководством преподавателя, в результате чего «семена знаний дают ростки в новом понимании студентов». Попытки передать все оттенки слова семинар в широком и узком его значения привели к тому, что были предложены также такие варианты, как *افشانش*, *افشانه*, *اندیشاری*, *جرگه*, *پژوهه*, *پژوهش یابی*, *اندیشه*, *جستاره*, *دانش گروهی*, *ورزی* и много других. В результате, после долгих обсуждений, в качестве эквивалента по отношению к слову *سمینار* был утверждён неологизм *هم کاه* [5, с. 134].

С другой стороны, иранские лингвисты, занимавшиеся терминотворчеством, старались максимально упростить восприятие новых терминов рядовым носителем языка. Поэтому для некоторых ИЛЗ, имеющих близкую семантическую нагрузку, создавали один неологизм. Так, для трёх разных терминов: *چارت* (chart), *دیوگرام* (diagram) и *گراف* (graph) Академией был предложен всего один эквивалент – *نمودار*.

Общее число предложенных вариантов ПЗ для ИЛЗ в рамках терминологических комиссий достигает 55 000 единиц [6, с. 187]. Все эти варианты отражены в собранном электронном словаре, подготовленном АЯИ. Данные варианты ПЗ прошли этап обсуждения, и большая часть их не была утверждена. Как было указано, после одобрения Советом АЯИ и утверждения лично шахом, предложенные Академией термины публиковались и распространялись среди специалистов для обсуждения и апробации. Сборники утверждённых терминов выходили в свет под названием «Каковы ваши предложения?» (پيشنهاده شما چیست؟). Название сборников вполне отражало настроение Академии, стремившейся путём диалога со специалистами найти наиболее адекватные и близкие к естественным эквиваленты по отношению к признанным нежелательными иноязычным заимствованиям.

Всего до 1979 года было издано 9 таких тематических сборников. А именно: 1. Терминология сферы образования и газовой промышленности (1972 г.); 2. Библиотечное дело (1973 г.); 3. Терминология социальных наук (1974 г.); 4. Терминология из области различных наук, техники и искусства (1975 г.); 5. Компьютерная терминология (1976 г.); 6. Медицина (1977 г.); 7. Физика (электричество) (1977 г.); 8. Методологии образования (1977 г.); 9. Картография (1978 г.). Помимо этого, к публикации было подготовлено ещё 4 тематических сборника пуристических замен ИЛЗ в области биологии, лингвистики, химии и науки о микробах.

Относительно числа введённых АЯИ терминов – эквивалентов по отношению к иноязычным словам и выражениям приводятся различные данные. А.Акбарипур пишет: «Группа учёных, занимающихся поиском слов, предложила более 6650 персидских слов вместо иностранных» [1, с. 106–107]. А.Самии упоминает эту же цифру, но по отношению к количеству принятых слов по состоянию на 1972 г., т.е. всего лишь в течение первых двух лет работы АЯИ из девяти [4, с. 142–143]. Й.Модарреси указывает, что «двадцать комиссий предложили почти 55 000 персидских эквивалентов по отношению к 17 000 иностранным словам и выражениям из числа общей и специальной терминологии. При этом, число терминов, получивших окончательное одобрение Совета Академии, не превышало число терминов, утверждённых [в своё время] Академией Ирана (с её 2000 терминов)» [6, с. 187]. Данные Модарреси в кратком виде дублируются в коллективной работе «Причины и факторы усиления пуризма в период Пехлеви» [7, с. 163]. Мы будем опираться на результаты исследования д-ра Ахмада Саффар-Мокаддама, наиболее авторитетного иранского лингвиста, имевшего возможность вблизи наблюдать за терминотворческой деятельностью АЯИ. Так, по данным д-ра Саффар-Мокаддама, за весь период работы АЯИ, т. е. в ходе 149 проведённых заседаний Советом Академии по предложению различных тематических

комиссий по отношению к 1515 иноязычным заимствованиям были утверждены 1470 эквивалентов [5, с. 134].

После того, как в Академии во избежание возникновения путаницы были проведены мероприятия по созданию сводного перечня всех утверждённых слов, выяснилось, что имеется много повторов среди общих или междотраслевых терминов. К примеру, термин دوايس (device) четыре раза обсуждался в Совете Академии по инициативе разных комиссий, и каждый раз вместо него утверждался неологизм فزاره. Трижды в разных списках были помещены такие неологизмы, как کامپیوتر вместо رایانه (компьютер), اکولوژی вместо بوم شناسی (экология), سوفاره вместо سرامیک (керамический) и др. Всего подобных повторов было обнаружено 450.

Кроме того, сводный список показал, что иногда одному иноязычному термину, но предложенному разными тематическими комиссиями, создавалось два персидских эквивалента. Данный недостаток вскоре был устранён, и в результате ещё на 63 утверждённых слова стало меньше. Так, Академия впоследствии отказала в утверждении таким неологизмам, как یگانه بینی (монизм), توژک (микрофильм) и به نژادی (евгеника), отдав предпочтение их синонимичным неологизмам, соответственно, ریز توژ, تک بنشتی, به نژادگری.

Ещё три утверждённых неологизма в дальнейшем были отменены Советом АЯИ. Таким образом, отняв от первоначально заявленного количества утверждённых терминов (1470) отмеченные выше 516 (450+63+3), получаем 954 окончательно утверждённых термина.

Стоит отметить, что не все эти 954 эквивалента являются неологизмами, созданными АЯИ. Часть их (104 термина) представлены персидскими словами, отобранными для замены их синонимов арабского происхождения, прочно вошедших в состав современного ПЯ и имевшихся на страницах учебников начальной школы. Так, в числе прочего, рекомендовалось воздержаться от таких арабизмов, как حیوان, صحرا, عبادت, جانور, بیابان, مقایسه, علم, غذا, قایق, قلب, قمر, قنات, سنجش, پرستش, دانش, خوراک, بلم, دل, ماه, کاریز. Стоит учесть ещё пуристические замены по отношению к англицизмам, принятые Академией языка Ирана, но совпадающие с пуристическими заменами по отношению к галлицизмам от 1-ой Академии, число которых составляет 50. Приняв во внимание 10 дополнительно введённых АЯИ терминов, мы получаем лишь 810 окончательно утверждённых неологизмов от АЯИ [5, с. 134].

То есть, в вопросе о терминотворческой деятельности 2-го Фагхангестана, мы можем говорить лишь немногим более чем о восьмистах неологизмах, но никак не о тысячах. Этими же цифрами следует оперировать при оценке успешности терминотворческой и пуристической деятельности Академии языка Ирана.

Бибблиографический список

1. Акбарипур А. Терминологическое строительство в Иране: диссертация... кандидата филологических наук / Акбарипур Алиреза. – М., 2006. – 273 с. ил. 61 06-10/951
2. Сухоруков А.Н. Члены группы «Иранвейдж» как инициаторы создания Академии Языка Ирана / Учёные записки Таврического национального университета. Т.26 (65) №2, – Симферополь, 2013. – С.51–60
3. آشنایی با فرهنگستان زبان و ادب فارسی. به کوشش حسن قریبی. – تهران: روابط عمومی فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1383. – 48 ص.
4. سمیعی (گیلانی) احمد، سابقه فرهنگستان در ایران // نامه فرهنگستان، شماره 1، تهران، 1374 ه.ش. – ص.136–143
5. صفار مقدم، احمد. فرهنگستان دوم/ نامه ی فرهنگستان – تابستان 1374 – شماره 2 – ص. 158 – 172.
6. مدرسی،یحیی، مسائل زبانی و برنامه ریزی زبان در ایران / « فرهنگ » زمستان 1371 – شماره 13. – ص.177–206
7. نیکوبخت ناصر، غلامحسین غلامحسینزاده، فاطمه رنجبران، علل و عوامل تشدید سرمگرایی در دوره ی پهلوی و مهمترین پیامد آن، فصلنامه علمی پژوهشی زبان و ادب فارسی – دانشکده ادبیات و زبان های خارجی دانشگاه آزاد اسلامی واحد سنندج – سال سوم / شماره 9 / زمستان 1390. – ص. 151–176

КОММУНИКАТИВНЫЙ БАРЬЕР В УСЛОВИЯХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В КУРСАНТСКОЙ СРЕДЕ

Е. Б. Тежибай

*Курсант,
Карагандинская академия МВД
Республики Казахстан им. Б. Бейсенова,
г. Караганда, Казахстан*

Summary. The article is sanctified to international communication there are communicative barriers in that. The varieties of barriers are distinguished in communication in a nationally-heterogeneous collective. The measures sent to the removal of communicative barriers are offered.

Keywords: international communication; communicative barriers; communicative hindrances.

На этапах кодирования и декодирования передачи информации возможны помехи. При кодировании помехи возникают из-за ограниченного количества символов, неточности в самом послании. При декодировании получатель сообщения в силу иного жизненного опыта, социального положения и других причин может приписать символам, использованным в сообщении, иное значение, чем отправитель, и в силу этого понять послание не так, как хотел отправитель. Поэтому эффективность коммуникации тесно связана с уменьшением помех [2]. Однако эффективность коммуникации никогда не будет абсолютной даже при максимальном упрощении языка послания, поскольку унифицировать процессы восприятия информации, носящие индивидуальный характер, полностью невозможно.

Для обозначения явлений, нарушающих процесс коммуникации, чаще всего употребляют два термина: «помехи» и «барьеры». Их целесообразно дифференцировать. «Барьерами можно считать те факторы, которые препятствуют осуществлению коммуникации как таковой. К ним относятся незнание иностранного языка в ситуации межнационального общения или же физиологические факторы, как, например, глухота или немота одного из собеседников. Помехи – это факторы, которые снижают качество коммуникации: асимметрия, стереотипные реакции, языковые ошибки и т.д.» [1, с. 48–49]. Однако между этими понятиями не существует непроходимой границы. Например, незнание языка не означает полной неспособности к общению, так как оно может быть отчасти компенсировано жестами и мимикой. С другой стороны, процесс коммуникации, не осложненный помехами, возможен только теоретически. По разным данным лишь от 25 до 30 % задуманной адресантом информации понимается собеседником; 10 % теряется в процессе воплощения задуманного в словесную формулу; 40–45 % в момент высказывания, из-за недостатка коммуникативных навыков собеседников, и еще 20 % в процессе выслушивания и понимания из-за различий в уровне интеллекта, компетентности и объеме фоновых знаний.

Особенно эти коммуникативные помехи часто встречаются в межнациональном общении, что и явилось предметом данного исследования. Современный этап развития казахстанского мультинационального общества выдвигает на первый план межнациональные отношения. Существующие сложности в межнациональных отношениях и национальной политике не только достались нам в наследство от прошлого, они порождаются каждый день, потому что в условиях современных преобразований каждая из наций пытается восстановить утраченное в ходе истории.

Курсантская среда предполагает, как и любое общество республики Казахстан, наличие более чем двух национальностей, когда процесс коммуникации не может осуществляться без знания языка-посредника. Там, где полинациональный социум, возникновение коммуникативных помех объяснимое явление и вполне закономерное. Дифференцированный подход к обучению в плане языка (в одной роте – русский язык основной, на котором проводятся занятия, в другой – казахский) приводит к тому, что находясь в общем потоке, курсанты испытывают в некоторой степени языковой барьер, не имея возможности осуществлять полноценный процесс коммуникации.

Коммуникативные барьеры, возникающие в среде курсантов, можно выделить в следующем виде:

1. Трудности возникают уже на этапе формирования мысли. Казахоязычный курсант формирует мысль на родном языке, а потом переводит ее на русский (в процессе общения с русскоязычным). Во-первых, данный процесс занимает время, во-вторых, перевод не всегда корректный.

2. Курсант, для которого язык коммуникации не является родным, не владеет тем же объемом словарного запаса, что и адресант (тот, кто произносит / пишет текст). В этой связи, требуется пояснение при помощи тех слов, которые знает реципиент (тот, кто воспринимает текст: устно или письменно).

3. Зачастую процесс коммуникации осуществляется бинарно – русский язык с переходом на казахский язык, и наоборот. Общеупотребительные слова не вызывают как такового языкового дискомфорта, а являются той базой, за счет которой и возможна коммуникация.

4. Передача эмоционального состояния на неродном языке происходит еще более проблематично. Такого рода проблема возникает за счет того, что определенный слой лексики любого языка составляют слова, обозначающие абстрактные понятия, которые не представлены предметно, а значит, представить их весьма сложно. Здесь требуются усилия со стороны собеседника, который за счет описательных конструкций будет пытаться донести мысль.

В рамках решения вышеуказанных проблем в процессе коммуникации предлагаем следующие меры:

1. Процесс общения необходимо осуществлять только на одном языке. Одна из методик обучения неродному языку гласит: необходимо полное погружение в языковую среду, только, таким образом, возможно совершенствоваться изо дня в день знание и, что самое главное, применение конкретного языка.

2. Необходимо пополнение словарного запаса за счет чтения художественной литературы, просмотра фильмов, а также общения с носителями того языка, знание которого требуют значительного совершенствования.

3. Уделить внимание языковым дисциплинам во взводах, независимо от языка обучения.

Думается, применение вышеуказанных принципов будет способствовать гармонизации межнациональных отношений в коллективе будущих сотрудников органов внутренних дел, созданию в них здорового социально-психологического климата, преодолению и предупреждению конфликтов на национальной почве, что особо актуально на современном этапе развития полинационального общества.

Библиографический список

1. Богатикова Л. И. Основы межкультурной коммуникации: тексты лекций для студентов специальностей 1–02 03 06 01 «Английский язык. Немецкий язык», 1–02 03 06 02 «Английский язык. Французский язык». – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 280 с.
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.

VII. URGENT QUESTIONS OF RHETORIC, SPEECH CULTURE, COMMUNICATION THEORY

ФЕНОМЕН ОСКОРБЛЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Н. М. Жасымбек

*Курсант,
Карагандинская академия МВД
Республики Казахстан им. Б. Бейсенова,
г. Караганда, Казахстан*

Summary. This article examines the phenomenon of insult in legal practice. A concept over of insult is brought in accordance with the Criminal code of Republic of Kazakhstan. The writing and verbal forms of causing of insult are distinguished.

Keywords: insult; invective; obscene expressions; verbal aggression.

Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени человека и гражданина. К сожалению, конфликтные ситуации среди людей не редкость. Не редкость оскорбительные выражения и действия, обидные слова, намеренно или случайно высказанные в адрес собеседника. В общем случае оскорблением личности считается «умышленное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме» [1]. Оно может быть нанесено устно:

- матерная брань – это относительно небольшая («грязная дюжина», как говорят англичане) и замкнутая группа слов и выражений, на употребление которых в культурном сообществе накладывается табу. В эту группу входят наименования человеческого тела, прежде всего гениталий (так называемая лексика «телесного низа»), физиологических отправления, полового акта, а также производные от них слова.

- инвектива в широком смысле включает в себя не только оскорбление, угрозу, поношение и акты вербальной агрессии, но и употребление «матерщиной», бранной лексики, а также сплетню, клевету, любые заведомо лживые сведения, «компромат» и прочее, и узкое: инвектива как вид оскорбления.

- ксенофобские прозвища и клички, то есть брань, оскорбляющая чужую национальность. В русскоязычной практике это, прежде всего, «чурка», «чукча», «хач» и другие. В наше время обострившихся межнациональных конфликтов именно эта группа оскорблений заслуживает самого пристального внимания юристов как разжигающая межнациональную рознь

письменно:

- записки;
- статьи в газетах или журналах;

а также в виде непристойных действий, например, срывание головного убора или одежды, пощечиной, плевым, неприличным жестом.

В диспозиции статьи 131 Уголовного Кодекса Республики Казахстан говорится, что «Оскорбление – унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Как видим, тут содержится только два термина – «оскорбление» и «неприличная форма», причем, если первый термин как-то объяснен, второй дан без всяких объяснений, что порождает немало вопросов.

Все виды словесной, то есть вербальной агрессии удобно объединять словом «инвектива». Инвектива определяется как «резкое выступление против кого-либо, чего-либо; оскорбительная речь; выпад» [2, с. 93] Другие названия данного термина в узком смысле: ненормативная, табуированная, непристойная, нецензурная лексика. То есть вербальное нарушение этического табу.

Здесь надо отметить, что неопределенность и неконкретность пределов и границ, объема представлений слова «оскорбление», «инвектива» и связанных с ними высказываний как «обида», «обвинение» отражается на трудностях решения проблематичных вопросов в судебном разбирательстве, связанных с защитой чести и достоинства личности, для дозирования которых часто прибегают к лингвистической экспертизе. На сегодняшний день лингвистическую экспертизу по защите чести и достоинства уже можно считать отдельным направлением изучения словесной агрессии.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что эффект инвективы усиливается с ростом ее оскорбительности. Придав инвективе непристойный характер, вполне можно оскорбить человека. А вот понятие неприличности тесно связано со словом «непристойность». Однако надо учесть тот факт, что реципиент, то есть лицо, которому адресованы слова, сам решает, пристойно или непристойно то, что он сейчас услышал. Например: матерная брань может не восприниматься как непристойная в обществе близких людей, которые уже привыкли слышать от говорящего такие слова. В этом случае матерные слова и выражения для человека, который их употребляет, никак не отмечены, они входят в обычные словесные ряды их лексико-фразеологического тезауруса и используются, можно сказать, автоматически. А вот на свадебной церемонии среди совсем незнакомых людей, безусловно, такого рода фразы вызовут возмущение.

Специалистами справедливо подчеркивается, что само по себе использование непристойных слов и выражений «еще не дает оснований для правового вмешательства. Оно возможно и правомерно только в тех случаях, когда:

- а) прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц;

- б) при этом имеет место прямой умысел на оскорбление;
- в) инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, то есть дается обобщенная оценка его личности» [3, с. 340].

Другими словами, факт сквернословия в адрес кого-либо еще не является доказательством, аргументом того, что в данном случае налицо оскорбление адресата. Главное – это доказать, установив путем анализа соответствующей ситуации целого ряда признаков.

Следует понимать, что речевое оскорбление заключается в употреблении грубых языковых единиц, не соответствующих нормам русского литературного языка, нарушает нормы речевого этикета, тем самым, является правонарушением, посягающим на честь и достоинство человека.

Лингвистическая экспертиза – относительно новый юридический термин. Естественно, у судов возникает трудность при разборе дел, связанных с оскорблением. Думаем, было бы правильно ввести в производство по некоторым уголовным делам, как клевета, оскорбление, специалиста-лингвиста, что положительно скажется на вердикте суда.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. Сухарева А. Я., Крутских В. Е. – М. : Инфра-М, 2003.
2. Словарь иностранных слов / под ред. Н. С. Арапова, Р. С. Кимягарова и др. – М., 1999.
3. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. – М. : Галерея, 2001. – 184 с.

КОРРЕКТНОСТЬ СУДЕБНОГО ОРАТОРА

Ю. Ю. Журабаева

*Курсант,
Карагандинская академия МВД
Республики Казахстан им. Б. Бейсенова,
г. Караганда, Казахстан*

Summary. In the article talked about obligatory quality of speaker on a court – correctness. Specified, that behavior of judicial speaker must correspond to the official relationships with the participants of the judicial meeting. The impermissible use of elements of humour in the process of judicial debates, and also culture of polemic is marked.

Keywords: correctness; culture of polemic; humour in the process of judicial debates.

Единственный из органов государственной власти, осуществляющий правосудие, – это суд. Основными действующими лицами в ходе судебного

го разбирательства являются, прежде всего, суд, а также участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения и стороны защиты. Процессуальной роли прокурора и адвоката в судебном процессе должно соответствовать и их речевое поведение.

Коммуникативное поведение судебного оратора должно быть детерминированным официальной обстановкой общения на судебных прениях и диктоваться официальным характером взаимоотношений участников. Социум вырабатывает формы речевого поведения, которые необходимо соблюдать носителям языка. Прокурор и адвокат производят отбор речевых актов, «являющихся наиболее уместными для ситуации судебного разбирательства и их статусно-ролевой позиции» [1, с. 94].

В работе Т. Н. Астафуровой, Л. В. Медведевой «Лингвориторическая специфика юридического дискурса» отмечается, что судебное выступление выполняет основные функции социальной коммуникации: «фатическую (установление контакта), воздейственную (оказание влияния) и информационную (обмен информацией)» [1, с. 94]. Считается, что информационная функция выполняется в судебной речи в меньшей степени, так как присутствующим в зале заранее известны обстоятельства дела, в этой связи прокурор и защита более сконцентрированы на результативность собственных выступлений, что, в конечном итоге, должно оказать влияние на мнение судей и присяжных.

Официальность речевой ситуации в судебном процессе требует обращения на Вы, или же с применением лексемы «уважаемый»:

«Уважаемый суд, уважаемые участники процесса, сегодня мы заканчиваем рассмотрение уголовного дела в отношении организаторов выставки «Осторожно, Религия!».

Прокурору при поддержании обвинения важно быть сдержанным в словах, выводы его должны быть обдуманными и справедливыми, не должно быть фамильярности, оскорблений, насмешек. Как будет показано в примере ниже, где прокурор весьма корректно излагает суть дела религиозной тематики. Данный аспект сам по себе относится к очень щепетильным темам, где легко оскорбить чьи-то интересы.

*«Таким образом, признавая особую роль православия в истории России, становлении и развитии ее духовности и культуры, **считаю важным содействовать** взаимному пониманию, терпимости и уважению в вопросах свободы совести, свободы вероисповедания».*

«Содействие» во фразе, произнесенной прокурором, свидетельствует о примиряющем факторе, о выражении собственной миротворческой позиции, невзирая на обвинительную миссию. Так как проявление вежливости – существенное требование корректности, случаи ее нарушения могут вызвать у граждан, присутствующих в зале суда и слушающих процесс, отрицательную оценку личности оратора. Как пишет Е. А. Матвиенко, «Конечно, суд – учреждение строгое и здесь не место изысканной любез-

ности и особой предусмотрительности. Но суд – учреждение государственное и вся его деятельность должна осуществляться в обстановке строго официальной вежливости» [2, с. 10].

Прокурор в судебном процессе должен постоянно подчеркивать свое уважение к суду. Например, если суд по каким-то причинам допускает процессуальное упрощение, то прокурор обязан обратить внимание суда на необходимость соблюдать требования соответствующих правовых норм. Причем, делать заявление прокурор, как и адвокат, должен только получив разрешение судьи. Он не должен обращаться с участвующими в заседании суда с обличающей речью, высказывать собственное приятие / неприятие услышанной информации, не имея на то аргументы.

«Ты врешь!», «Ты на стадии предварительного следствия давал другую информацию!» и т. п.

В данном случае обращение на ТЫ также свидетельствует об отсутствии судебного этикета.

Также отметим, что прокурор не должен использовать неуместные на то аналогии, характеризующие ситуацию с заведомо плохим результатом.

«Зачем вы защищаете автогонщика?! Никто не застрахован. Вот сейчас вы выйдете из зала суда и не найдете своего автомобиля».

Итак, в ходе профессиональной деятельности юристам, независимо от их специализации, постоянно приходится применять коммуникативные навыки, посредством которых обязательным условием является установление взаимоотношений, а для этого необходимо поддерживать на должном уровне психологический контакт. С целью эффективной и максимальной пользы участия в межличностных отношениях, плодотворного ведения диалога необходимо учитывать этические нормы ведения диалога, помнить, что обязательным условием адекватного выражения собственной позиции является максимальная корректность в обращении, в даче характеристик, в обосновании результатов услышанного / прочитанного в документальном виде на суде.

Библиографический список

1. Астафурова Т.Н., Медведева Л.В. Лингвориторическая специфика юридического дискурса // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. – 2008. – № 1(7). – С. 94–99.
2. Матвиенко Е.А. Судебные речи. – Минск, 1972.

КОНФЛИКТНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕДИАТЕКСТОВ

З. Е. Кожабек

*Курсант,
Карагандинская академия МВД
Республики Казахстан им. Б. Бейсенова,
г. Караганда, Казахстан*

Summary. This article is sanctified to functioning of mediatext. It is marked that information in newspapers and magazines frequently has conflict character. Specified, that one of types of realization of speech conflict is destructive evaluation.

Keywords: mediatext; destructive evaluation; speech conflict.

Современный этап становления нового типа общества определяется учеными в качестве информационного. На сегодняшний день средства массовой информации (СМИ) становятся мощными воздействующими источниками информирования общества, которые способны произвести как позитивный, так и негативный эффект. В условиях борьбы за рейтинг от средств массовой информации требуется высочайшая социальная ответственность.

Однако современная реальность такова, что хорошо продаваемым информационным товаром СМИ становятся критические оценки происходящего, негативные интервью, провокационные заявления, речевая агрессия и другие виды информации с конфликтогенным потенциалом. В процессе речевого конфликта в сфере медиакommunikации каждая из сторон сознательно действует в ущерб противоположной стороне, выражая свои действия вербальными и прагматическими средствами [2, с. 112]. В сфере судебного разбирательства такой спорный медиатекст рассматривается, с одной стороны, как продукт речемыслительной деятельности человека, построенный по законам и с соблюдением правил и норм того или иного языка, а с другой стороны, как речевое правонарушение, характеризованное судебными органами либо как покушение на честь, достоинство и деловую репутацию лица, либо как информация, содержащая негативный отзыв. В центре внимания при изучении медийной речи находится медиатекст.

Медиатекст от лат. *media textus* «средства, посредники + ткань; сплетение, связь, сочетание» – сообщение, текст любого медийного вида и жанра [1, с. 78]. Дефиниция «медиатекст» возникла в XX веке в связи с бурным развитием средств массовой коммуникации (медиа), когда на смену традиционному печатному тексту пришли новые разновидности текстов, связанные с кинематографом, телевидением, видео, интернетом, мобильными телефонами и т. д. В нашем понимании медиатекст – форма речевой деятельности, в которой выражаются принятые в профессиональной медийной среде стереотипы текстовой организации. В современном понимании «речь» и «текстовая деятельность» синонимичны. Медиатекст мож-

но рассматривать как целевой элемент журналистики, принадлежащий массовой информации, рассчитанный на массовую аудиторию. Каждый медиатекст, функционирующий в сфере массовой коммуникации, обладает собственным набором дискурсивных признаков, сформировавшихся в течение длительного времени и представляющих собой своеобразный эталон того или иного вида медиаречи. Для газетной коммуникации, на которую в большей мере, чем на устную распространяются правила и законы письменной речи, характерны следующие признаки:

- 1) реализация информационной и воздействующей функций, базовых для сферы массовой коммуникации;
 - 2) тематическая избирательность (тексты посвящены важным общественным, социальным проблемам региона) и социальная оценочность, определяемые выраженностью авторской позиции;
 - 3) наличие структурной и композиционной организации, облегчающей восприятие информации, предназначенной для широкой аудитории;
 - 4) ориентация в выборе языковых средств на определенную читательскую аудиторию; наличие значительного числа разговорных конструкций, а также слов и выражений;
 - 5) использование разнообразной лексики и стилистических приемов, ориентированных на воздействие и убеждение;
 - 6) отказ от просторечно-бранной, сниженной лексики и фразеологии, находящихся за пределами литературного языка;
- и др. [3, с. 105].

Указанные выше признаки тесно связаны друг с другом, поскольку являются стилеобразующими, и нарушение какого-либо из них способно привести к несоблюдению стилей газетного текста и возникновению речевого конфликта.

Возможность свободно выражать свои мысли, чувства и мнения, а также возросший интерес к личностному началу в сфере публичной коммуникации позволили исследователям говорить о существовании особой функции языка – инвективной, как одной из его естественных функций, которая связана с возможностью творческого использования слова. Однако в условиях «кризиса речевой коммуникации» инвективная функция языка в сфере медиакommunikации, в частности – в газетной речи, часто используется как мощное оружие унижения чести и достоинства личности, обмана в различных целях, неадекватной агрессии и т. п. – особенно в тех случаях, когда она подменяет воздействующе-информационную функцию.

Инвективная функция непосредственно связана с оценочными высказываниями, и именно повышенная оценочность газетных или электронных текстов часто приводит к разворачиванию речевого конфликта [3, с. 105].

Речевой конфликт может разворачиваться по нескольким сценариям, на одном из которых – деструктивная оценочность – мы и остановимся. Для данного вида конфликта присуща монологизация, в которой выраже-

на, зачастую, отрицательная оценка описываемого; также внимание читателя концентрируется на отрицательных сторонах личности / деятельности субъекта при помощи вербально-оценочных элементов языка.

Так, в статье «Коррупция празднует победу» С. Оспанова, опубликованной в газете «Трибуна. Коммунист Казахстана» № 44 от 05 ноября 2014 г., представлена информация об узаконенной продаже так называемых VIP-номеров на автомобили, вырученные деньги от которых будут поступать в бюджет, а не в карманы чиновников. Для описания данных событий автор статьи использует иронию, переходящую в сарказм.

Государство долго ломало голову над этой проблемой, а потом решилось на неординарный шаг: узаконить торговлю.

«Долго ломать голову» – данный фразеологизм означает «напряженно, усиленно думать о чем-то; решать какой-либо трудный вопрос». Однако здесь он приобретает совершенно иной смысл – полярный: не думать вовсе, найти легкий путь.

«Решилось на неординарный шаг» – никто не мог подумать, что незаконное станет законным, в этом, по мнению автора, и состоит вся «неординарность» данной ситуации.

Еще один пример: *Подвели даже какую-то правовую базу.*

Неопределенное местоимение «какой-то» указывает, как и другие местоимения из того же ряда, на неизвестные лица, предметы, их признаки. В данном случае, помимо указанного значения, местоимение «какой-то» включает в себя еще одну коннотацию – сомнительность качества этой правовой базы.

Соотношение между себестоимостью VIP-номеров и их продажной ценой таково, что напоминает продажу участков на Луне или звезд на Млечном пути.

Лексема «продажный» имеет в данном случае не прямое значение – «предназначенный для продажи», а переносное, которое употребляется, выражая презрение – «такой, которого можно подкупить, за деньги готового на бесчестные поступки». То есть, автор статьи подразумевает, что все покупается, даже то, что положено государством без личных вложений денежных средств. И далее: «напоминает продажу участков на Луне или звезд на Млечном пути» – то, что относится к разряду «экзотика», редкость, то и стоит соответственно. Участки на Луне или звезды на Млечном пути не продаются, потому что их не существует (подчеркивается элемент фантастики).

Казалось бы, стоит только аплодировать первому в нашей истории случаю, когда государству удалось убить сразу двух зайцев. Но почему-то присоединяться к общему хору поддерживающих и «бросающих в воздух чепчики» не хочется.

Первое предложение подчеркивает «гениальность» задумки государства, когда вроде бы проблема коррупционного характера решена – деньги

будут идти в казну, но все не так просто, как казалось. «Убить сразу двух зайцев» – данный фразеологизм употреблен для описательной характеристики действий государства – решение проблемы с коррупцией и поступление денег в бюджет.

Крылатые слова из А. С. Грибоедова «Горе от ума» – «и в воздух чепчики бросали», употребляющиеся для иронического выражения общественного подъема, здесь так же саркастично характеризуют отношение автора к происходящему. Так же употребление неопределенно-личного предложения с безличными глаголами «не хочется», «присоединяться» характеризует причастность автора к сказанному. И даже лексема «почему-то» употреблена не просто так, в прямом смысле, а подразумевает – понятно, почему.

Таким образом, автор статьи выражает собственную негативную оценку происходящего, используя фразеологические обороты, слова с непрямой коннотацией и семантикой. При этом необходимо констатировать, что оценочность в обыденном сознании тесно связана с критическим осмыслением действительности, а критическое высказывание, даже если оно справедливое, часто приводит к возникновению и развитию речевого конфликта. Данная тенденция приобретает еще большую актуальность в текстах СМИ, где оценочное высказывание воспринимается не как частное, субъективное мнение, а как мнение, социально одобренное, устоявшееся – как некое общественное мнение, способное повлиять.

Библиографический список

1. Можарова А. Э., Можаров М. С. Медиакomпетентность будущего учителя как необходимое условие его продуктивной творческой активности // Педагогическое образование и наука. – 2012. – № 10. – С. 75–81.
2. Третьякова В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул, 2004. – С. 112–120.
3. Чернышова Т. В. Конфликтное функционирование медиатекстов: реализации инвективной функции языка в условиях публичного общения // Медиатекст как полиинтенциональная система» : сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2012. – С. 104–111.

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРУ ОБЩЕНИЯ

Л. Ю. Маштакова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Башкирский государственный
университет, филиал в г. Бирск,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. The process of humanitarization education is sent to education of humanitarian culture of personality, and also influences on culture of communication and inner world of man.

Keywords: humanizing; humanitarian culture; culture of communication.

Формирование личности с самого рождения определяется социальными закономерностями, где важнейшее место во взаимодействии человека с окружающей действительностью занимает общение. Качество усвоения культуры общества зависит от культуры общения и внутреннего мира человека.

Обобщая различные походы к взаимоотношениям Я и Ты с позиции гуманитарного их воспитания, можно сказать, что культура общения это:

- межличностный диалог на «высшем уровне»;
- нравственное общение свободных личностей, построенное на человеческом отношении к человеку;
- «подлинное», «живое» общение, в котором проявляются переживания людей;
- «здоровое» общение, которое выступает как мера реализации потенций человека;
- правильный выбор той или иной формы общения с учетом новой ситуации;
- основа для формирования культуры общения в корректных видах деятельности.

Формирование культуры общения зависит от множества факторов: от культуры нации и поликультурного пространства, от самой личности и ее внутреннего духовного мира. Все эти факторы проникнуты идеями гуманизма и гуманизации, зарождение которых можно проследить в зарубежной педагогике 60-х годов, а расцвет – в психолого-педагогической литературе 70–90-х годов XX в.

Характерной особенностью гуманистического течения в педагогике является обостренное внимание к внутреннему миру отдельного человека, его эмоциональной сфере. Цель образовательной системы в трактовке педагогов-гуманистов состоит в формировании гуманных людей – всесторонне развитых, думающих, чувствующих личностей, способных глубоко

переживать, развиваться, творить, и продолжать процесс самообразования, самовоспитания.

Гуманитаризация отечественного образования представляет собой систему мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и, таким образом, на формирование личностной зрелости обучаемых. Основные цели гуманитаризации образования – достижение целостности знаний о человеке и ориентированности в системе гуманитарного знания, создание гуманитарных основ (филологических, нравственных, эстетических) интеллигентности, формирование мотивации самообразования в гуманитарной области. Разносторонняя гуманитарная подготовка предполагает углубление и конкретизацию изучаемого комплекса дисциплин для «разворота» их содержания на человеческие ценности. Она дает не только знание гуманитарных наук, но обеспечивает их разнообразие и диапазон, стимулирует развитие творческой личности, способной к эффективному решению разнообразных социальных задач.

Процесс гуманитаризации отечественного образования направлен на воспитание гуманитарной культуры личности, которая проявляется в усвоении гуманитарного знания, развитии гуманитарного мышления, включении в сферу эмоционально-нравственных переживаний «другого», ориентации на общечеловеческие культурно-гуманитарные ценности, нравственный действия и поступки. Это своеобразный стиль мировосприятия и особый мир мыслей и настрой чувств, находящие свое воплощение в соответствующих им моделях общения и поведения. Такое своеобразие сущностных характеристик гуманитарной культуры выражает, прежде всего, в открытости миру и углубленности в него, способности видеть мир целостно, осознавать значение актуальных проблем и межличностных отношений, основанных на эмпатии.

При наличии требования воспитания гуманитарной культуры современное российское общество может рассчитывать на то, чтобы из вуза в экономику, политику, науку, управление пришло поколение ориентированное на гуманизм, духовные ценности, приоритетность духовной культуры.

Потенциал общения такого поколения людей позволит человеку гармонично жить в мире людей и в мире как среде его обитания. Но воспитать в ученике личность может лишь творчески работающий учитель, сам являющийся личностью, способный через свой предмет прикоснуться к внутреннему миру ученика и направить его развитие на воспитание гуманитарной культуры, ведь культура, как антропологический феномен не привносится извне, а «взрачивается» самим педагогом и личностью.

УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

И. Н. Трудкова

Учитель,
Средняя общеобразовательная школа,
с. Елианка, Саратовская область,
Россия

Summary. The author draws attention to the fact that the teaching and research activities can be a mechanism for the selfincluding of students in developing speech environment. This article describes the stages of student research about influence of loans to the culture of speech.

Keywords: teaching and research activities; metasubject role of Russian language lessons; speech environment; foreign-language borrowing.

Сегодня в обществе активно обсуждается проблема огрубления и засорения русского языка, падения интереса к нему, особенно среди молодежи. Однако разговорами делу спасения языка не поможешь. Необходимо действовать. И одним из таких действий, сочетающих в себе обучение и воспитание, является, на мой взгляд, организация исследовательской деятельности обучающихся. Ее можно осуществить и на уроках, и в процессе факультативной и кружковой работы, и в процессе проектной деятельности.

Использование исследовательской деятельности учащихся направлено на достижение результатов не только на предметном, но и на мета предметном и личностном уровнях.

В качестве примера расскажу об аспектах работы учащихся над исследованием на тему «Заимствования – хорошо это или плохо?»

Вопрос об иноязычных заимствованиях в русском языке стоит сейчас очень остро. Многие считают, что наша речь подвергается нашествию англицизмов в ущерб самобытности собственного словарного запаса. Ведь часто вполне можно обойтись своими, исконно русскими словами, а употребление иноязычной лексики выглядит ненужным щегольством или стремлением «не отстать от моды».

Объектом исследования моих учеников становятся их сверстники – подростки 15–17 лет. Цель исследования – определить, насколько легко они ориентируются в современной языковой ситуации, как относятся к заимствованиям из других языков, все ли заимствованные слова нужны или можно обойтись без них, чем грозит активное внедрение в русский язык новейших иностранных слов.

Для достижения данной цели юные исследователи поставили перед собой следующие задачи: изучить значение и место заимствованной лексики в системе русского языка; попытаться проанализировать причины заимствований, частотность употребления заимствованных слов в речи подростков и определить степень их влияния на формирование личности подростка.

Школьники обратились к истории ранних греческих и латинских заимствований, которые появились после принятия христианства, к периоду проникновения западноевропейской лексики в русский язык в эпоху петровских реформ. Новая волна англицизмов (начала 1990-х годов), пришедшая в нашу речь, явилась отражением того научно-технического прогресса, которого достигли англоговорящие страны. Английскую лексику, проникающую в русский язык в последние годы, нужно рассмотреть без противопоставления по принципу «плохо – хорошо», с течением времени отбор сделает сам язык.

В рамках исследования был проведен опрос учащихся 9–11-х классов. На вопрос *Как вы относитесь к заимствованным словам?* «отрицательно» ответили – 60 %, причина – «не понимаю многие слова», «мне всё равно» – 6,7 %, «положительно» – 33,3 %. Школьники считают, что в самих заимствованных словах нет ничего плохого. Без них невозможно представить речь современного человека. Однако значение заимствованного слова должно быть понятно как говорящему, так и слушающему, а употребление уместно, оправданно. Многие считают, что умение правильно использовать иноземные слова свидетельствует об уважении говорящего к своему языку и даже о его самоуважении.

Начиная с 90-х годов XX века, наша страна живет в условиях социальной и языковой нестабильности. Нормы языковые расшатаны. Прямой эфир на радио и телевидении в силу особенностей разговорной речи исключает соблюдение многих языковых норм. Изменилась ситуация и в издательском деле: печатная продукция давно стала источником дохода, а не знаний. Книжки выпускают очень в режиме экономии, от этого страдает качество (в учебниках и детской литературе встречаются не просто опечатки, а орфографические ошибки – а о развлекательной литературе или периодической печати вообще говорить не приходится). Писатели, режиссеры, критики в погоне за свободой творчества забывают о нормативности языка.

По данным социологического исследования «Российские подростки в информационном мире», информирование школьников в сегодняшних условиях не достаточно эффективно. Информационный рынок все более ориентируется на вкусы потребителя. Сегодня за плату можно получить любую информацию, выбрать тот или иной информационный поток. Например, только спорт, детективы, различные развлекательные шоу. И нынешние школьники вполне сознательно избегают серьезных образовательных передач, исключая из просмотра передачи, связанные с социальными проблемами, политическими движениями, событиями, происходящими в мире. Осознанно или неосознанно человек может «свить» себе своеобразный «информационный кокон», отгородиться полностью от реального мира, жить в вымышленном информационном пространстве.

Чтобы убедиться в этом или опровергнуть сложившееся мнение в анкетирование ученики включили следующие вопросы: *«Передачи какого*

рода вы предпочитаете смотреть в свободное время?» После проведения подсчетов, выяснилось, что 65,7 % старшеклассников выбрало развлекательные передачи, среди которых различного рода сериалы, музыкальные программы, ток-шоу; 25,8 % выбрали обучающие программы, среди которых были названы «Что? Где? Когда?», «Вокруг света», «Диалоги о животных», «Живая планета», документальные фильмы. Оставшиеся 8,5 % предпочитают в свободное время смотреть общественно-политические передачи, среди которых «Вести», «Время», «Сегодня», «Человек и закон», «Однако». Объясняя причины, по которым они отказываются от просмотра обучающих передач и передач с общественно-политическим содержанием, 36,2 % ответили, что у них нет свободного времени; 28,4 % сказали, что им неинтересно, 33,6 % указали в качестве причины обилие неизвестных общественно-политических терминов, непонятных слов.

Самой частотной ошибкой в устной и письменной речи является не точное употребление иноязычного слова из-за незнания его истинного смысла. Тесты, проведенные на знание иноязычной лексики, обнаруживают отсутствие таких знаний почти у половины респондентов.

Тревожит то, что большинство школьников не стараются запомнить те слова, значения которых не знают, и вместо того, чтобы найти толкование незнакомого термина в словарях, справочниках, стараются эти слова тут же забыть, не смотрят тех передач, в которых эти слова встречаются. Подросток не проявляет любознательности, он «сдается», даже не стараясь сопротивляться, признает то, что большая часть информационного пространства ему просто недоступна. И ведь речь ведется не о специальных, а об общекультурных знаниях!

Данное исследование позволило сделать вывод, что школьникам необходимо в срочном порядке пополнять свой лексический запас, а не отгораживаться от непонятных слов.

Собственное исследование приносит ученику неоценимую пользу: не только пополняет багаж его знаний, но и развивает творческую активность, формирует умение грамотно, доказательно излагать свои мысли, т.е. способствует тому самому становлению личности, о необходимости которого мы так много говорим.

Библиографический список

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001
2. Изюмская С. С. «Вечный» вопрос о мере использования иноязычных слов // Русская словесность. – 2000. – № 4.
3. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. – М., 1991.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа // РЯШ. – 1998. – № 1.

АРГО И СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

А. И. Ускова

И. В. Кореев

*Кандидат филологических наук,
преподаватель,
курсант,
Военно-воздушная академия
имени проф. Н. Е. Жуковского
и Ю. А. Гагарина, г. Воронеж, Россия*

Summary. This article is devoted to the analysis of development and functioning of the argot in modern Russian language. The considerable attention is paid to the relation of the argot and the Standard Russian.

Keywords: argot; Russian language; Standard Russian.

Современных ученых-лингвистов все чаще привлекает изучение проблемы проникновения в литературный русский язык арготизмов или т. н. «блатных» слов. Бесспорно, данное явление свойственно нынешнему времени и современным реалиям Российской Федерации. Все чаще арго можно встретить в заголовках газет, в различных интернет-изданиях, в выступлениях известных людей (в том числе и политиков) на телевидении и радио. В данной статье представлена попытка проанализировать причины проникновения арготизмов в современный литературный русский язык и возможные последствия влияния арготизмов и криминального арго на российское общество и культуру в целом.

На современном этапе развития русский язык вобрал в себя колоссальный объем слов, фраз, выражений из разных эпох и профессиональных сред. При этом он остается таким же самобытным, богатым и родным для огромного числа людей. Невозможно не заметить тенденцию, особенно ярко выраженную в начале XXI века в России, а именно – повсеместное использование арготизмов, как на бытовом уровне, так и на более глобальном – общественном. Этому поспособствовал развал СССР с его тяжелыми последствиями для российской государственности, культуры, общества.

Необходимо обратить внимание на то, что литературный русский язык давно испытывает влияние арготической лексики. С тех пор, когда только зарождался криминальный мир, зарождался и особый язык, характерный для деклассированных элементов.

Причинами, обусловившими широкое распространение арго, являются следующие: во-первых, повышенная криминализация общества вследствие возникновения на рубеже веков многочисленных социальных, политических и экономических проблем, а также всеобщие дезорганизационные процессы, затронувшие духовно-нравственную сферу; во-вторых, валидность арго как механизма отражения процессов, протекаю-

щих в современном обществе. Диктуя свою языковую моду, криминальная субкультура позволяет своему языку – аргю «становится частью повседневного городского быта, уклада жизни» [1, с. 126]. Языковые атрибуты невлиятельных ранее социальных групп (криминальных) приобретают права на активное функционирование вместе с традиционными средствами литературного языка. Вследствие чего арготические выражения прочно в нем закрепляются.

Главное назначение языка – являться средством общения между людьми, аргю же представляет собой средство общения для криминального сообщества. Таким образом, криминальный контингент, «поднявший голову» в 90-х годах прошлого века на почве анархии и массового помешательства, явил широкой публике свой специфический язык, который быстро вошел в словесный обиход населения страны. Увеличение количества наркоманов на постсоветском пространстве так же оставило след в русском лексиконе. Наркоманы, для более простой коммуникации между собой создали свой собственный «язык». На улицах, в подворотнях можно было услышать такие типичные выражения: «*словить кайф*», «*достать вес*», «*есть чё?*» и т. д. Таким образом, они поддерживали связь между собой, общались в своей сфере, при этом, оставаясь непонятными для большинства сограждан.

Арготизмы оказались чрезвычайно востребованы – они заполнили некую нишу, появившуюся, видимо, из-за конфронтации общества на фоне криминогенной обстановки: захваты бандитами частной собственности, т.н. «рэкит», угрозы предпринимателям, «передел» собственности, возникновение новых субкультур и борьба их друг с другом, повсеместное воровство. Массовое использование арготизмов «*крыша*», «*фраер*», «*пацан*», «*беспредел*», «*халява*» и др. в молодежной среде буквально захлестнуло улицы российских городов. Но феномен «блатных» слов распространен не только среди деклассированных элементов, но и среди бизнесменов-предпринимателей, актеров и политиков.

Многочисленные сериалы на криминальную тематику, (например, «Улицы разбитых фонарей», «Бандитский Петербург», «Убойная сила») ярко демонстрируют различные стороны жизни криминальных элементов: их специфический язык – аргю, стиль и манеру поведения. В какой-то мере идет и идеализация образа вора в законе, «*волчьего*» образа жизни, жизни среди «*братвы*» «*четко по понятиям*». Соответственно, слова главных героев этих сериалов все чаще можно услышать из уст обычных граждан-зрителей. Пиком использования современных арготизмов можно считать показ по центральному телевидению сериалов «Бумер», «Бригада» и «Брат». Зрители впитывали арготизмы, услышанные в кинофильмах, словно губки, поэтому такие выражения, как «*порешать*» проблемы и «*по фене ботать*» достаточно быстро входят в обиходную речь. Более того, после просмотра данных кинофильмов даже для школьников младших классов

вполне естественным становится употребление таких слов, как «*гасить*», «*очкошник*», «*хабарик*» и др.

В устной форме официально-делового стиля иногда можно встретить просторечную и даже арготическую лексику. Так же необходимо обратить внимание на то, что видные российские политики иногда прибегают к средствам арготизмов для придания своей речи особой выразительности и экспрессивности. Известны примеры интервью президента России В. В. Путина, в которых он употребляет арготические выражения. Так, например, в 2008 году он прокомментировал ситуацию с правительственным самолетом на Украине: «*Мазурик* какой-то: взял и утащил самолет» [3]. (Ср. *мазурик* означает «мелкий жулик, карманный вор» [2, с. 236]). В качестве еще одного примера употребления арготизмов в официально-деловой речи можно привести следующее высказывание главы государства на заседании Совета при президенте по науке и образованию: «Они [компании] *шакалят* по сторонам, просто, понимаете» [5]. (Ср. *шакалить* – искать, вынюхивать, грабить, попрошайничать [2, с. 545])

Вышеназванные арготизмы, попавшие в официально-деловую речь руководителя правительства, которая не допускает отклонения от определенных рамок и правил, демонстрируют его эмоциональную и небезразличную позицию по отношению к ситуации и обозначают адресность своей аудитории – наименее культурной и образованной части российского общества [4].

Арготизмы, являясь нестандартной лексикой, противопоставлены элементам литературного стандарта. Арготизмы – это низкий пласт лексики, достаточно примитивный и вульгарный. Частое и повсеместное использование арготизмов создает в стилистическом отношении непосредственную угрозу снижения как устной, так и письменной речи. Происходит постепенная «варваризация» русского языка.

Если литературный язык позволяет использовать все свое богатство различных средств для выражения мыслей на любые даже самые высокоинтеллектуальные темы, то арготизмы используются для общения, в основном, только на бытовые темы. Арготизмы так же позволяют в той или иной мере скрывать, кодировать преступникам информацию от окружающих.

Использование арготизмов на радио и телевидении, в печатных изданиях приводит к тотальной «варваризации» русского языка, заимствование и использование иностранных слов вместо аналогичных по смыслу русских, еще больше усугубляет ситуацию. Фактически, данный процесс уже невозможно остановить. Как бы то ни было, отрицать проникновение арготизмов в разговорную речь всех слоев населения уже невозможно. Так же как и обогащение русского языка этими словами и выражениями. Отметим, что арготизмы не столько загрязняют язык, сколько становятся неотъемлемой его частью наравне с разнообразными профессионализмами и сленгом.

Библиографический список

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для вузов. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
2. Елистратов В. С. «Словарь русского арго». – М. : Русские словари, 2000. – 696 с.
3. Журналисты собрали крылатые высказывания Медведева и Путина. URL: <http://ru.tsn.ua/svit/zhurnalisty-sobrali-krylatye-vyskazyvaniya-medvedeva-i-putina.html> (дата обращения: 15.03.15).
4. Ускова А. И. Статус арго в английском языке и художественной речи: дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ускова Анна Игоревна; [Место защиты: Воронежский государственный университет]. – Воронеж, 2014. – 174 с.
5. Lenta. Ru. Путин поручил отучить бизнесменов «шакалить по сторонам». URL: <http://lenta.ru/news/2012/10/29/shakaly> (дата обращения: 15.03.15).

VIII. LANGUAGE, CULTURE, MENTALITY

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ПРИМЕРЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ АБСТРАКТНОЙ СЕМАНТИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. В. Малова

*Кандидат педагогических наук,
Самарский государственный
институт культуры,
доцент кафедры иностранных языков,
г. Самара, Россия*

Summary. Starting with the premise that a language reflects a nation's naïve representation of the world the paper analyses metaphoric expressions with the words denoting cognitive activity in the English language. The metaphoric representation is categorized by means of the source-target pattern. The paper gives an overview of metaphors that create a multisided tangible image of mental processes and cognitive functions peculiar to the English language.

Keywords: metaphor; linguistic mapping of the world; mental; cognitive process and activities.

Понятие языковой картины мира основано на изучении представлений человека об окружающем мире. Как известно, в разных языках картины мира имеют свои характерные особенности, следовательно, различия в восприятии, концептуализации и репрезентации мира носителями разных языков и культур могут быть весьма существенными, что обусловлено культурно-национальной спецификой познавательной деятельности и коммуникативной практики носителей языка.

Одним из распространенных приемов реконструкции языковой картины мира является анализ метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики, исследованию которой посвящены работы А. Вежбицкой, Н. Д. Арутюновой, В. А. Успенского, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ю. Д. Апресяна и ряда других авторов.

Метафоризация, как известно, обусловлена особенностями человеческого мышления и основывается на расплывчатости понятий, которыми оперирует человек. Особый интерес метафоризация представляет с точки зрения репрезентации языковой картины мира, когда вербальные культурные концепты, характерные для того или иного народа, накладываются на объект описания, фиксируя тем языковую экспликацию особенностей национального восприятия мира. На основе метафорического представления тех или иных концептов можно проследить национальные культурные коннотации и ассоциации, передающие особенности восприятия действительности носителями данной культуры. Как отмечает Привалова, «уни-

кальность метафоры заключается в том, что она может выступать как функциональная единица трех пространств: когнитивного, культурного и лингвистического» [2, с. 46].

Метафора, как известно, выполняет ряд функций, как то номинативная, образная (изобразительно-выразительная), экспрессивно-оценочная, а также концептуальная. При помощи последней выделяются наиболее значимые свойства и признаки абстрактных понятий, в число которых относят и так называемую человеческую сферу, т.е. когнитивные и эмотивные события, характерные для человека.

Внутренний мир человека категоризируется по образу внешнего, материального мира, а непредметные сущности «опредмечиваются». Сфера-источник, по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1], наделяет абстрактные понятия качествами и свойствами конкретных предметов или живых существ.

Классификация лексических единиц, служащих «источниками» метафоризации, может строиться на разных основаниях [3]. Мы выделяем следующие группы метафор на основе их денотативного отнесения. Денотативная категоризация на основе «антропоцентрического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности» [3, с. 330] позволяет более четко представить «метафорический источник», выбор которого отражает направленность метафоризации и ее лингво-культурологическую специфику.

Остановимся подробнее на метафоризации наивных представлений о сознании, мышлении в английском языке как одной из составляющих языковой картины мира. Объектом нашего исследования стали одночленные метафорические выражения, описывающие умственную деятельность человека, функционирование памяти, сознания, интеллекта, а также полярные им понятия (глупость, невежество), и раскрывающие свойства наивной модели интеллектуальной деятельности человека.

Материалом исследования послужили метафорические выражения, обозначающие мыслительные процессы, отобранные из комбинаторных, толковых словарей, словарей усилительных словосочетаний. В выборку вошли следующие лексические единицы и их производные:

1) Глаголы: *believe, comprehend, consider, convince, decide, doubt, fathom, forget, ignore, imagine, know, perceive, remember, remind, suppose, think, understand*.

2) Существительные: *deliberation, erudition, fantasy, foo, intelligence, intellect, intuition, memory, mind, opinion, wit*.

3) Прилагательные: *aware, conscious, silly, stupid, wise*.

Нами были отобраны 370 одночленных метафорических конструкций, включающие указанные выше лексические единицы. Классификация «вещных коннотаций» концептов умственной деятельности человека в ан-

глийском языке по вспомогательному субъекту сравнения показывает присутствие практически всех основных видов семантического переноса.

1) Так, сознание, ум человека мыслится как предмет, субстанция, обладающая реиморными, параметрическими свойствами, вкусовыми, хроматическими и осязательными характеристиками. Рассмотрим подробнее на примерах.

а) Ум представляется как нечто твердое, осязаемое, имеющее вес, как некая субстанция. К примеру,

– *Unshaken memory, steadfast belief, solid consideration, weighty consideration/ decision, heavy doubt;*

– *to remind firmly;*

– *to shake belief/conviction*

б) Сознание, ум мыслится как предмет, имеющий размеры, границы, характеризующийся с точки зрения высоты, ширины, глубины:

– *bounds of belief;*

– *vast/wide knowledge, broad understanding/imagination, short/long memory, immeasurable stupidity, high intelligence, towering mind, abysmal ignorance, deep awareness, profound doubt;*

– *to measure intelligence.*

в) Анализ собранного материала показал присутствие вкусовой и хроматической метафор при обозначении мыслительных операций:

– *bitter doubt/memory, bitter-sweet memory;*

– *dark ignorance, colourful imagination;*

– *shades of opinion.*

г) Интенсивность мыслительных процессов подчеркивается сравнением с огнем, с предметом или субстанцией, имеющей температуру:

– *burning conviction, fervent belief, fiery/heated imagination;*

– *to fire imagination.*

д) Умственная деятельность воспринимается также как предмет с определенными характеристиками по отношению к свету, т. е. способностью пропускать свет или излучать его. Ум выступает как святающийся объект, а глупость или невежество противопоставляются уму как нечто непрозрачное. Быстрота, четкость мышления также подчеркивается отношением прозрачности-непрозрачности, затуманенности:

– *brilliant idea/ wit/ thought. Но: impenetrable/ dense stupidity;*

– *clear memory – hazy memory/ recollection/ ignorance, clear idea – hazy idea;*

– *to perceive dimly, to cloud the mind.*

е) Быстрота мышления, степень развитости интеллектуальных способностей человека подчеркивается уподоблением ума острому предмету:

– *sharp/ acute mind, keen memory/ intellect, razor-sharp wit, piercing intelligence, sharpened wit;*

– *to sharpen awareness.*

2) Помимо «опредмечивания» абстрактных процессов когнитивной деятельности присутствует и персонификация данных концептов. Так, сознание, мышление весьма часто представляется существом, наделенным силой, способным зародиться, жить, двигаться:

- *strong conviction/ belief/ opinion/ intuition, powerful mind/ intellect, undying belief, active mind, far-reaching/ far-seeing mind;*
- *to revive an idea, to give full rein to imagination;*
- *mind wanders/ strays;*
- *food for thought.*

Мыслительный процесс, персонифицируясь, выступает как агрессивное существо, причиняющее нам боль. Лексические единицы, отображающие когнитивные события, употребляются в словосочетаниях, передающих душевные ощущения по образу физических ощущений боли:

- *gnawing, torturing doubt.*

Проанализированный материал выявил случаи сравнения рассматриваемых концептов с растениями или почвой:

- *deep-rooted belief, fertile imagination;*
- *to pant an idea, to cultivate mind;*
- *idea takes root, flourishes.*

3) Часто мыслительные процессы представляются как некое жидкое тело:

- *tide of opinion,*
- *to absorb an idea, to soak up knowledge, to be sunk in thought.*

4) Сознание, ум также выступают как контейнер, вместилище информации:

- *to keep/to bear in mind, full understanding/knowledge.*

5) Умственная деятельность мыслиться как некий динамический процесс, движение, а ее результат как место назначения:

- *to arrive at/reach understanding.*

Итак, наши наивные представления в мире реализуются и проявляются в лингвистическом поведении языковых единиц. Вопрос о наивной языковой картине мира тесным образом связан с вопросом о метафоре как одном из основных способов репрезентации этой картины. Антропоцентричность человеческого сознания приводит к тому, что нематериальную непредметную действительность категоризируется по аналогии с видимым, предметным миром. Абстрактные понятия представляются как «опредмеченные» константы, как живые существа, обладающие антропоморфными, зооморфными и пр. свойствами, параметрическими, динамическими характеристиками, ценностными качествами.

Предпринятый нами анализ метафорической концептуализации когнитивной деятельности представляет собой попытку раскрытия особенностей наивной модели сознания в английском языке. Как видно из приведенных примеров, сочетаемость слов, обозначающих мыслительные про-

цессы, умственную деятельность, сознание, память человека, моделируются на основе целого ряда различных предметов или живых существ, и обладают одновременно свойствами, представленными каждым из них. Также следует отметить, что представление о когнитивной деятельности в наивной картине мира возникает путем наложения нескольких противоречивых друг другу с логической точки зрения образов предметного мира. Так, ум репрезентируется одновременно и как твердый, плотный, имеющий габариты предмет, и как некая жидкая субстанция. Сознание, память представляются чистым, прозрачным предметом, а интеллект – как нечто, излучающее свет, в то время как полярные понятия – глупость и невежество, наоборот, уподобляются непрозрачному предмету. Следует отметить, что предикаты и атрибуты, употребляемые для описания когнитивных событий, гетерогенны, что свидетельствует о комплексности, многогранности и значимости рассматриваемых концептов. Таким образом, проанализированный материал показал использование различных стратегий метафорического переноса, позволяющих выявить целый ряд различных и не сводимых воедино зримых и осязаемых образов рассматриваемых концептов в языковой картине мира, характерной для английского языка.

Библиографический список

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). – М. : Гнозис, 2005. – 472 с.
3. Юрков Е. Процессы метафоризации в аспекте лингвокультурологии. // *Foreign Language Teaching*, – Volume 39. – Number 4. – 2012. – С. 329–341.

ЭМОТИВНЫЕ КОННОТАЦИИ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКОЙ В НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ)

В. К. Приходько

Кандидат филологических наук, доцент,
Дальневосточный государственный
гуманитарный университет,
г. Хабаровск, Россия

Summary. The article reveals the positive and negative emotive connotations which associated with the names of plants in the Amur region on the material of the Dictionary of the Russian dialects of Amur Region. Specificity of names of plants viewed through the prism of the superstitions and prejudices of dialectal personality.

Keywords: emotion; names of plants; emotive connotations; emotivity; positive and negative valuation; metaphorization.

Под эмотивными коннотациями, как правило, понимаются добавочные значения к основному лексическому значению, проявленные в виде эмоциональной реакции («эмоционального следа») на определенный образ. Эмоциональное переживание (психическое напряжение) с установками на одобрение или неодобрение присутствует в значении слова и ощущается носителями языка [4]. В данной статье рассматриваются эмотивные коннотации, содержащиеся в названиях растений (цветов), зафиксированных Словарем русских говоров Приамурья: *ба́бьи сплётни*, *коку́шкины обутки*, *коку́шкины слёзки*, *во́лчья сара́нка*. Феномен данных диалектных названий, бытующих в Приамурье, состоит не только в особой образности, метафоризации, в специфическом олицетворенном восприятии растения, но и в особых суевериях, предубеждениях, в особом отношении к растениям, которые вызывают у жителей Приамурья различные чувства в соответствии со своими полезными или вредными свойствами, внешним видом, поэтому отпечаток эмотивных коннотаций содержится во многих их названиях.

В номинациях растений Приамурья закрепились разные эмотивные коннотации как с отрицательной, так и с положительной оценкой. Так, например, название комнатного цветка *ба́бьи сплётни*, очевидно, содержит негативную оценку. Ср.: **БА́БЬИ СПЛЁТНИ**. 1. Стелющееся травянистое растение (какое?). *Ба́бьи сплётни* - травка така́, землю заплета́т, всю покрыва́т. Они белым светóчкам светут. 2. Комнатный цветок, традесканция - *Tradescantia*. Маленький табачок светёт, а этот-то не знаю, плетётся. Раньше называли ба́бьи сплетни. Зима и лето светок, розовеньким светёт [2, с. 20].

Ботаническое название данного растения – традесканция, этот плетущийся комнатный цветок назван в честь садовода из Англии Джона Традесканта, создавшего в XIX веке первый ботанический сад. Название

«ба́бы сплётни» – в СРНГ значится как томское, среднеобское, тобольское [3, т. 40, с. 162], вероятно, завезено на Дальний Восток переселенцами из всех регионов России во времена массового заселения дальневосточных территорий, во второй половине XIX века. Свое негативно-оценочное название традесканция получила путем метафоризации за длинные, стелющиеся стебли, которые свисают, переплетаются, сильно запутываются, словно сплетни, которые обрастают слухами, выдумками. В Приамурье традиционно недолюбливали сплетниц, давали им обидные прозвища: *плёшница*, *язычница*, *бо́тало базáрное* и т.д. Отрицательное отношение к сплетням отражается также во фразеологическом обороте дальневосточников «собирать чай» – *неодобр. Сплетничать. Пошла по соседкам собирать чай – сплетничать* [5, с. 128]. В Приамурье относительно цветка *ба́бы сплётни* существовали два противоположных, антонимичных предрассудка: 1) в доме цветок держать нельзя, потому что цветок привлекает к хозяевам досужие разговоры, лучше разводить его в казенных учреждениях; 2) цветок отводит от хозяйки сплетни и слухи. Наиболее популярным было первое предубеждение, сохранившееся у некоторых жителей Приамурья до настоящего времени. Интересно, что в СРНГ зафиксировано более поэтизированное, с положительной оценочностью название цветка – «*ку́дри валерьяновы*» [3, т. 16, с. 18].

Ботаническое название цветка *коку́шкины обу́тки, обу́точки (коку́шкины сапо́жки, муду́шки)* – *киприди́н (венéрин баши́мачо́к)*. Киприда – второе имя Венеры. Название, зафиксированное в СРНГ как «*куку́шкин баши́мачо́к*» [3, т. 2, с. 165], дано растению потому, что лепестки цветка напоминают пестрые в крапинку кукушкины перья. Это сиреневые, желтые и розовые цветы, которые по форме похожи на маленькие башмачки. Словари указывают также и на другое, синонимичное название – «*ада́мова голова*» [3, т. 6, с. 299], поскольку цветок также имеет круглую, как человеческая голова, форму с отогнутым в сторону лепестком, напоминающим слегка оттопыренную губу. В народной интерпретации встречаются и другие названия: «*куку́шкины сапо́жки*», «*куку́шкины ла́пти*», «*сапо́жки богороди́цы*», «*петушкí*», «*ма́рьян баши́мачо́к*». Метафоризация во всех названиях мотивированна. Цветок – пестрый, отсюда ассоциация с опереньем кукушки или петуха. Форма цветка напоминает изящную женскую туфельку. В Словаре русских говоров Приамурья зафиксировано приамурское название данного цветка, которое отличается от других народных и диалектных названий: **КУКУ́ШКИНЫ ОБУ́ТКИ**. *То же, что коку́шкины сапо́жки. Кукушкины обу́тки ра́зны, есь сýненьки, крúпны. Ландыш, незабудки, кукушкины обу́тки. Раньше их называли мудушками. Теперича ландыши, ещё есь кукушкины обу́тки, колокольчики голубы, мелконьки.* [2, с. 210].

В Приамурском говоре лексема «*обу́тки*» имеет два значения: первое соотносится с диалектизмом «*обуй*». Ср.: **ОБУЙ**, *и, ж. и я, м. Обувь. Какá-*

нибудь стра́шна обуй и больша́, а у нас лабу́ты. Обуй хоро́шу мы не носили. Второе значение слова «обу́тки» – самодельная рабочая обувь. Ср.: **ОБУ́ТКИ** - 1. То же, что о́буй. Всяку обувь звали обуткой. 2. Самодельная рабочая обувь. Обутка всякая была, что смастеришь. Сами обутки шили [2, с. 279].

Ср. также другое приамурское название цветка – **МУДУ́ШКА**, и, ж. Растение с крупным цветком ярко-лилового цвета, похожим на башмачок. Кукушкины обу́точки, муду́шками называли их [2, с. 248]. В некоторых русских говорах цветок носит название «барáньи мудушки» [3, т. 18, с. 332]. Метафорические отождествления формы цветка то с башмачком («обу́ткой»), то с головой («ада́мова голова»), то с половыми органами («мудушки») носит, на наш взгляд, шутливо-иронический характер, свидетельствует о яркой, богатой фантазии, о народном юморе. Насмешливо-негативную коннотацию носит прилагательное «куку́шкино» (коку́шкино). Само отношение к кукушке в народной традиции неодобрительное, поскольку птица не вьет гнезда, подкладывает яйца другим птицам, губит чужих птенцов. В народной традиции «кукушкой» называют мать, бросившую своих детей. По народным легендам, кукушка часто плачет, тоскуя по своим детям и по отсутствию собственного дома. В том месте, где падает ее «лицемерная» слеза, (ср. синонимичные выражения крокоди́льи слёзы, во́лчьи слёзы), вырастают красивейшие цветы, прозванные в Приамурье коку́шкиными слёзками. **Кокушкины (кукушкины) слёзки**. Растение башмачок вздутый. *Gypripeddiū ventricosū*, с небольшими пестро-желтыми цветами. У нас в лесу много всяких цветочков: лилии, кокушкины слёзки. Кокушкины слёзки синенькм цветочкам. Кокушкины слёзки собирали [5, с. 119]. *Gypripeddiū ventricosū* – цветы семейства орхидных – ятрышник пятнистый. Название «куку́шкины слёзки» зафиксировано в СРНГ как бытующее в Костроме, Ярославле, Вологде, на Алтае, видимо, также завезено на Дальний Восток во время массового заселения восточных территорий России переселенцами из европейских и сибирских регионов [3, т. 16, с. 49]. Отношение жителей Приамурья к цветку было положительным, поскольку издавна ценились полезные лекарственные свойства цветка, который применялся при заболеваниях горла, в частности, цветок употребляли для лечения ангины. Однако горечь и жжение при употреблении лекарства все же отразилось в названии цветка. Цветок горек и жгуч, как горькие, жгучие слёзы кукушки, обреченной на вечное скитание и одиночество.

Наряду с названием «коку́шкины слёзки» в русских говорах Приамурья зафиксировано подобное адъективно-метафорическое название с лексемой «слёзы» другого растения – «ли́лии дау́рской» – «во́лчьи слёзы». Ср.: **ВО́ЛЧЬИ СЛЁЗЫ**. То же, что во́лчья сара́нка. Волчьи слёзы у нас растут. [2, с. 68]. Другие названия этого красивейшего растения, резко исчезающе-

го с территории Приамурья, – «во́лчья сара́нка» и «кудря́ш». Ср.: **ВО́ЛЧЬЯ САРА́НКА**. Растение лилия даурская – *Lilium dahurica* L. Волчья саранка на поле растёт, она жёлта, когда расцветёт. Волчьи саранки свету́т, и листики заворóтятся. Волчьи саранки – это жёлтые саранки. Везде растёт она́, платком светёт — много её, как платок расстелется. Она жёлта саранка – жёлта. Есть и са́жены саранки. Да волчьи саранки вот таки́ вот светут, и листики заворóтятся, онé жёлты – волчьи саранки. Раньше жёлтые саранки называли волчьи саранки, а почему – не знаю. [2, с. 68]; **КУДРЯ́Ш**, а, м. То же, что во́лчья сара́нка. Кудряши тут, под горочкой, растут, онé кра́сненьки таки́, цветочек кудрявый. Кудряши по склонам гор растут, онé как саранки, токо́ лепестки меньше и закругляются. У кудряша стебель тонкий, а корень луковицей [2, с. 209]. Названия во́лчьи слёзы и во́лчья сара́нка, в отличие от названия «кудря́ш» [3, т. 16, с. 16], в СРНГ не зарегистрированы, что говорит о принадлежности данных номинаций именно к приамурским говорам.

Предположительно, желтый цвет, считавшийся у жительниц Приамурья цветом измены, повлиял на негативное название этого изысканного по красоте цветка. Ср.: *Кода он цветет, то цветы сверху желтые-желтые... Желтый – это измена*. [5, с. 122]. Выстраивается лексикосемасиологическая цепочка: *цвет желтый – цвет измены – цвет лицемерия – цвет притворства – цвет коварства*. Волк, как и кукушка, в народных представлениях также зачастую отождествляется с коварством и лицемерием. Выражение *во́лчьи слёзы* во фразеологических словарях дается как синонимичное выражению *крокодильи слёзы*, то есть притворные, лицемерные [1, с. 403]. Возможно, что в названии «во́лчья сара́нка» запечатлелось понятие «ди́кая», произрастающая в лесах, на лугах, то есть не садовая, иначе говоря, в основе названия, возможно, лежит сравнение – «ди́кая, как волк». Наряду с отрицательной эмотивной коннотацией, присутствует и положительная коннотация – эстетическое наслаждение, любовование красотой цветка и радость от созерцания. За причудливую, изогнутую форму лепестков растение ласково называли «кудря́ш». По той же причине другое растение – *Lilium martagon* – стали называть «ца́рскими кудря́ми», или «короле́вскими кудря́ми», – название, зафиксированное в СРНГ [3, т. 16, с. 13], которое также встретилось и в Словаре русских говоров Приамурья. Ср.: **ЦА́РСКИЕ КУ́ДРИ**. 1. Многолетняя трава из семейства лилейных – *Lilium* L. Царские кудри – трава така́ кудрявенька, от припадков ла́дили её. Царские кудри от сердца, пьют, ой, какá она дуи́ста, цветёт, как кудри. Два сорта её: красный и оранжевый. 2. То же, что богаты́ри. Царские кудри вон на окне стоит [цветок], их богатыри называют. Ша́пы ро́зовы, кра́сны, оне долго светут [2, с. 472]. Положительные эмотивные коннотации, доброе отношение к цветку жителей Приамурья связано не только с его полезными лекарственными свойствами, но и с тем,

что луковицы лилии, богатые крахмалом, можно было употреблять в пищу: варить каши, кисели, делать начинки для пирогов.

Таким образом, народный язык жителей Приамурья отличается эмоциональностью, оценочным мировосприятием, образным, метафорическим мышлением, что можно проследить на примере некоторых названий растений. Лексика и фразеология говоров Приамурья содержит эмоциональные коннотации как положительные, так и отрицательные, заключающиеся в настроениях его носителей, в особых эмоциях, таких, как эстетическое чувство, любование дальневосточной природой. Эмотивные коннотации в названиях растений выдают также бытовавшие среди жителей Приамурья суеверия, предрассудки, приметы, неизученные до настоящего времени, что открывает большие перспективы для дальнейших исследований в области диалектной эмотиологии.

Библиографический список

1. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова / М. И. Михельсон. – М., 1997. – 598 с.
2. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. – 544с.
3. Словарь русских народных говоров, вып. 1-45 (А-Т). – СРНГ. — Л.–СПб. : Наука, 1965.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. – Благовещенск : изд-во БГПУ, 2009. – 155 с.

КОНЦЕПТОСФЕРА НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В. О. Радищева

*Аспирант,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. In the article is the concept «LÜGE» (lie) in the German sphere of concepts analyzed. The characteristics of the German sphere of concepts are given. The mental singularities of the phenomenon “lie” in the German linguoculture are considered.

Keywords: concept; sphere of concepts; linguoculture; linguoculturology.

Мобильность современного мира, тесные взаимосвязи с представителями иных культур и ценностей, доступность информации через цифровые системы являются уже вполне естественными, и одновременно делают чужую культуру близкой и знакомой. В связи с этим возникает ещё больший интерес к изучению различных национальных культур, в том числе и

с лингвистической точки зрения. Изучением языка и культуры как двух неразрывно связанных социальных феноменов занимается наука лингвокультурология.

Цель настоящей статьи – проанализировать концептосферу немецкой лингвокультуры, подробно остановившись при этом на универсальном концепте «LÜGE» (ложь) в немецкой лингвокультуре. Актуальность статьи обусловлена возросшим интересом к изучению национальных культур и культурных концептов. Новизна настоящей статьи состоит в исследовании концепта «LÜGE» (ложь) с точки зрения лингвокультурологии.

Ключом к системе человеческой мысли и природе человеческой психики является язык. Именно язык характеризует нацию [4, с. 7]. Изучение лингвокультурных концептов привлекает многих исследователей, так как дает возможность установить способы языкового осмысления действительности и выявить приоритетные ценности в коллективной и индивидуальной картинах мира [3, с. 23]. В научный обиход лингвокультурологов прочно вошли термины «национальная картина мира», «концепт», «концептосфера», «языковая ментальность». Термин «концептосфера» вводит Д.С. Лихачев: «Концептосфера является неким «концентратом культуры» нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [6, с. 9]. Концептосферу языка составляют концепты отдельных значений слов, зависящих друг от друга. В.И. Карасик, представитель лингвокультурологического подхода, определяет концепты как ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [2, с. 25]. Именно лингвокультурологический подход позволяет выявить национальные ценностные характеристики концепта той или иной культуры. Так, например, концептосфера немецкой лингвокультуры имеет системную и иерархичную организацию [5, с. 5], где определяющим немецкий менталитет является концептом «ORDNUNG» (порядок).

Под «Ordnung» понимается планирование всей жизни человека, четкое разграничение пространства, где огромная роль отводится предписывающим и запрещающим знакам, строгой регламентации деятельности любых организаций, контроль со стороны всех членов общества за соблюдением многочисленных правил и установлений общественной жизни, приверженность ритуалам и традициям в семейной жизни [11, с. 30].

А.Н. Приходько выделяет в немецком этническом менталитете два вида базовых культурных концептов: абсолютные и прагматические (регулятивные). Абсолютные концепты отображают принципы жизненного мира человека: «GERECHTIGKEIT» (справедливость), «GESETZ» (закон), «GEWISSEN» (совесть), «GLAUBE» (вера), «PFLICHT» (долг), «SCHICKSAL» (судьба), «VORSICHT» (осторожность). Прагматические выражают цели и смыслы жизни, а также пути их реализации: «ARBEIT» (труд), «FLEISS» (старательность / прилежание), «GEMÜTLICHKEIT» (уют),

«LEBENSSTANDARD» (стандарт /качество жизни), «PÜNKTlichkeit» (пунктуальность), «ORGANISATION» (организация), «SAUBERKEIT» (чистота/ аккуратность), «SPARSAMKEIT» (бережливость) [7, с. 161].

Следует отметить, что в трудах немецких исследователей, относящихся к разным областям гуманитарного знания, активно обсуждаются концепты «ORDNUNG» и «SICHERHEIT». Хотя термин «концепт», который утвердился в отечественной когнитивной лингвистике и лингвоконцептологии, в них не употребляется. Данные концепты рассматриваются в качестве понятий (Begriffe), ценностей (Werte), добродетелей (Tugenden) [11, 13, 14, 15].

Мы рассмотрели базовые национальные концепты немецкой лингвокультуры. Следует отметить, что помимо базовых национальных концептов, каждая лингвокультура обладает универсальными концептами (например, долг, место, время, пространство, свобода, судьба, язык, человек, справедливость, истина и др.). Несмотря на тот факт, что феномен лжи является универсальным в любой лингвокультуре, мы придерживаемся мнения, что концепт «LÜGE» имеет характерные особенности, присущие немецкой лингвокультуре. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволил выявить следующие ментальные особенности феномена лжи в немецкой лингвокультуре:

1) По мнению немецкого лингвиста Г. Лукеша, правдивость очень высоко ценится в западной культуре. По данным эксперимента, из 555 качеств опрошенные поставили на первое и второе места качества «искренний» (aufrichtig) и «честный» (redlich). Качество «правдивый/ правдолюбивый» (wahrheitsliebend) оказалось на пятом месте. Качество «ложный» (falsch) опрошенные отнесли к самым отрицательным наряду с такими качествами как «низкий/ подлый» (niederträchtig) [12, с. 122]. Следует отметить, что в немецкой лингвокультуре резко негативное отношение ко лжи встречается еще у философа И. Канта, который категорически отрицает ложь в любых ее проявлениях. Даже безвредную ложь нельзя считать невинной, так как она «остаётся серьезным нарушением долга по отношению к самому себе» [1, с. 453]. Резко негативную оценку лжи в немецкой лингвокультуре подтверждают следующие афоризмы: «Der Mund, der lügt, tötet die Seele» (*«Уста, которые лгут, убивают душу» – перевод наш В.Р.*), «die Wahrheit tut manchmal weh, aber die Lüge hinterläßt Wunden» (*«правда иногда причиняет боль, но ложь оставляет раны» – перевод наш В.Р.*), «Jede Lüge, auch die sogenannte fromme ist von Übel und befleckt» (*«Каждая ложь, даже так называемая во спасение, опорочена злом» – перевод наш В.Р.*) [17]. Однако в случае соблюдения носителем немецкой лингвокультуры вежливости, которая играет важную роль в межличностном взаимодействии, «правдивость может вступить в конфликт с вежливостью и тактом» («Wahrhaftigkeit kann in Konflikt geraten mit Höflichkeit und Takt») [16].

2) Несмотря на негативное отношение ко лжи в немецкой лингвокультуре, ложь выступает как средство, с помощью которого можно выставить себя в более выгодном свете: «Es ist enorm wichtig, einen guten Eindruck zu hinterlassen. Eine Möglichkeit, auf die man zurückgreifen kann, um sich selbst zu einem besseren Licht darzustellen, ist das Lüge» («*Чрезвычайно важно оставить о себе хорошее впечатление. Возможность, которой можно воспользоваться, что выставить себя в лучшем свете, – это ложь*» – перевод наш В.Р.) [9, с. 10]. Данное высказывание подтверждает утверждение о том, что оценка социума имеет для представителя немецкой лингвокультуры более важную ценность, чем для члена русскоязычного общества [8, с. 243].

3) Следующей характерной чертой концепта «LÜGE» в немецкой лингвокультуре – ложь для носителя немецкой культуры является проявлением свободы воли человека: «...eine Aussage mit dem Willen, falsches auszusagen» («*высказывание с волеизъявлением сказать ложное*» – перевод наш В.Р.) [10], «Täuschung ist ein Willensakt des freien Subjekts» («*обман – акт воли свободного субъекта*» – перевод наш В.Р.).

Таким образом, фрагментарный анализ немецких источников, свидетельствует, на наш взгляд, о значимости и противоречивости концепта «LÜGE» в немецкой лингвокультуре. Исследование феномена лжи в немецкой лингвокультуре является перспективным, так как позволяет выявить характерные черты немецкого менталитета.

Библиографический список

1. Кант И. Критика практического разума. – СПб.: Фирма РАН, 1995. – 528 с.
2. Карасик В. И. Культурогенные концепты // Язык. Культура. Коммуникация: материалы Международной науч. конф.: в 3 ч. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006. – Ч. 1. – С. 24–28.
3. Карасик В.И. Символические концепты // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009 – Вып. 11 (Серия «Концептуальные исследования»). – С. 23–30.
4. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
5. Медведева, Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры: монография. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 160 с.
6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – Вып. 1. – № 1. – С. 3–9.
7. Приходько А. Н. Концепт Ordnung как мерная единица немецкого этнического менталитета (лингвокультурный аспект) // К юбилею профессора С. Г. Воркачева: сб. статей – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 159–172.
8. Якимович Е. В. Лингвокультурная характеристика немецкой аксеологической картины мира // К юбилею профессора С. Г. Воркачева: сб. статей. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 237–248.

9. Ausserbauer S. Die Häufigkeit von Lügen im Alltag. URL: <http://www-app.uniregensburg.de> (дата обращения: 20.02.2015).
10. Baumgärtel I. Die Lüge, ein linguistischer Fall. Beschreibung des Lügens als Sprechakt sprachlicher Täuschung.– Magisterarbeit, 2005. – 113 s.
11. Bausinger H. Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? 4. Auflage. – München: Verlag C.H. Beck, 2005. – 176 s.
12. Lukesch H. Erkennbarkeit der Lüge: Alltagstheorien und empirische Befunde. Köln: Böhlau.ge, 2003. – S. 121–149. URL: http://epub.uni-regensburg.de/3244/1/Erkennbarkeit_Luege.pdf (дата обращения: 20.01.2015).
13. Münch, P. Ordnung, Fleiß und Sparsamkeit. Texte und Dokumente zur Entstehung der «bürgerlichen Tugenden». – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1984. – 376 s.
14. Nuss, B. Das Faust-Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen – Bonn; Berlin: Bouvier Verlag, 1993. – 213 s.
15. Pross, H. Was ist heute deutsch? Wertorientierungen in der Bundesrepublik. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1982. – 158 s.
16. Schmid, J. Über das Lügen. URL: <http://user.uni-frankfurt.de/~jeschmid/luegen.html#sources> (дата обращения: 25.01.2015).
17. Aphorismen.de (дата обращения: 25.05.2014).

ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Т. О. Сергеева

*Студентка,
Н. В. Христианова Кандидат
филологических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. This article examines functions of precedent phenomena especially in the texts of newspaper discourse. The authors of the article indicate main types of functions that are typical for the discourse. Essential features and peculiarities of the newspaper discourse are described.

Keywords: precedent phenomena; intertextual link; newspaper discourse; comprehension invariant of precedent phenomena.

Гармоничное существование человека в обществе невозможно без базовых знаний о культуре этого социума: искусстве, литературе, истории, мифологии, всего того, что Эмиль Хирш называл культурной грамотностью. Культурные концепты получают актуализацию посредством языка, хранителя, свидетеля и орудия культуры. Неотъемлемым элементом культурной памяти, как отдельной языковой личности, так и целого лингвокультурного сообщества являются прецедентные феномены.

Прецедентные феномены – это такие феномены, которые априори известны среднему представителю какого-либо лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном и эмоциональном плане; хранящиеся в

лингвокогнитивной базе; и апелляция к которым регулярно возобновляется в речи представителей данного культурного сообщества [1, с. 216]. К прецедентным феноменам относятся прецедентные имена (Аполлон, Гамлет, Иуда, Сусанин), прецедентные высказывания (Береги честь смолоду), прецедентные ситуации (бой Дон-Кихота с ветряными мельницами), прецедентные тексты («Война и мир», пьесы Шекспира, Библия).

Целью настоящей статьи является описание основных функций прецедентных феноменов в газетном дискурсе. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: изучить и описать существующие классификации функций прецедентных феноменов; предложить собственную типологию функций прецедентов в газетном дискурсе.

Существуют различные точки зрения относительно функций прецедентных феноменов в дискурсе. Вариации в терминологической базе и понятийном аппарате во многом зависят от характера дискурса, от научной школы, к которой принадлежит исследователь, его целей, задач и подходов.

Так, С. И. Сметанина, изучая функционирование прецедентных феноменов в медиа-текстах, полагает, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [6, с. 123].

Рассматривая политический дискурс, Н. В. Немирова высказывает точку зрения о том, что прецедентность контекста «позволяет наиболее ярко выразить политические пристрастия автора-публициста» [4, с. 153].

Н. И. Клушина проявляет научный интерес к функционированию прецедентных феноменов в современном газетном дискурсе. Апелляция к прецедентным антропонимам происходит по двум причинам. Во-первых, с целью реализации экспрессивной игры со словом, которая призвана привлечь внимание читателя. Во-вторых, по идеологическим причинам, претворяя в жизнь идеи о манипуляции общественным сознанием. «Антропонимика в современной газете является мощным механизмом создания положительного или отрицательного политического портрета» [2, с. 55].

В рамках теории интертекстуальности Е. В. Михайлова берет за основу референционную, оценочную, этикетную и декоративную функции интертекстом в научном дискурсе.

В художественном дискурсе функциями интертекстом, по мнению Н. А. Фатеевой, являются: «введение в текст некоторой мысли или конкретной формы представления мысли; включение данного текста в более широкий культурно-литературный контекст; создание подобия тропеических отношений на уровне текста» [7, с. 37–39].

В трудах, посвященных функционированию прецедентных феноменов в разговорной речи (бытовом дискурсе) выделяют оценочную, коммуникативную, экспрессивную и конативную (мотивационную) функции.

Приведем генерализирующую классификацию функций прецедентных феноменов:

- 1) номинативная (Г. Г. Слышкин, О. А. Ворожцова);
- 2) оценочная (А. А. Филинский, Д. Б. Гудков, В. Н. Базылев, Е. В. Михайлова, Ю. А. Гунько, О. А. Ворожцова);
- 3) экспрессивная (В. Н. Базылев, О. А. Ворожцова, Д. Б. Гудков, Ю. А. Гунько);
- 4) коммуникативная (О. А. Ворожцова, Ю. А. Гунько, Н. А. Фатеева);
- 5) прагматическая (С. Л. Кушнерук, Ю. Б. Пикулева, М. В. Терских);
- 6) людическая, связанная с языковой игрой (Г. Г. Слышкин, М. В. Терских, Е. А. Нахимова);
- 7) консолидирующая (парольная, опознавательная) (В. Н. Базылев, Д. Б. Гудков, Г. Г. Слышкин, А. А. Филинский);
- 8) поэтическая, к которой близки эстетическая и декоративная (А. А. Филинский, Е. В. Михайлова, О. А. Ворожцова, Н. А. Фатеева, Г. Г. Слышкин, Ю. Ю. Саксонова).

Основными отличительными чертами газетного дискурса являются: краткость выражения мысли, сочетание экспрессивности и логической аргументации, креолизованность текста, обращение к актуальным вопросам и проблемам современности, неоднородность аудитории по расовому, национальному, социальному, гендерному признаку, и, конечно, идеологически и политически четко ориентированная функция воздействия на читателя, которая не в последнюю очередь реализуется посредством апелляции к прецедентным феноменам.

Рассмотрим функции прецедентных феноменов, которыми, на наш взгляд, они наиболее ярко характеризуются в газетном дискурсе.

- Людическая функция. Использование прецедентных имен, текстов, высказываний и ситуаций в газетном дискурсе часто имеет характер языковой игры. Игровой момент является неотъемлемым компонентом речи, так как для носителя языка важна не только выражаемая мысль, но и способ ее выражения. В бытовом дискурсе языковая игра способствует снижению напряженности общения, в то время как в газетном дискурсе она привлекает внимание к форме текста. Людическое использование прецедентных феноменов обогащает текст и посредством шутливой тональности задает загадку читателю, на которую он предположительно должен дать ответ [3, с. 45]. Одним из основных видов языковой игры является квазичитация или трансформационное прецедентное высказывание, которое чаще всего встречается в заголовках газет.

- Парольная функция. Одним из фундаментальных понятий в рамках теории межкультурной коммуникации можно назвать концепт «свой/чужой». Каждое лингвокультурное сообщество вырабатывает свою систему идентифицирующих признаков, которые позволяют отличать «своих» от «чужих». И прецедентные феномены как признаки идентификации играют здесь не последнюю роль. Существование уникального корпуса прецедентных текстов для каждого лингвокультурного сообщества

служит маркером наличия у членов данного сообщества групповой идентичности. Знание или незнания какого-либо корпуса прецедентных текстов мгновенно указывает на принадлежность индивида к той или иной группе. Апелляция к паролльному потенциалу инварианта восприятия прецедентных феноменов характерна, прежде всего, для манипулятивных дискурсов: политического, рекламного, газетного [5, с. 106–107].

- Прагматическая функция. Иными словами, это функция воздействия на адресата. Прецедентные феномены обладают огромным прагматическим потенциалом, поэтому они способствуют формированию картины мира, ценностей и символов, значимых для той или иной культуры. Современные средства массовой информации предоставляют простор для манипулятивной деятельности, посредством апелляции к прецедентным текстам. СМИ воздействуют на наше сознание, корректируют ценностные установки, регулируют модель поведения. Наш выбор продукта, журнала, бренда, телевизионного канала или политического кандидата контролируется и подвергается манипулятивному воздействию не в последнюю очередь благодаря грамотной апелляции к концептам прецедентных феноменов.

- Моделирующая функция – формирование системы представлений об окружающем мире. Прецедентные феномены – неотъемлемый компонент национальной языковой картины мира. Поэтому они принимают непосредственное участие в создании уникального образа, какой бы то ни было культуры.

- Эстетическая функция. Присутствие прецедентности в тексте увеличивает его эстетическую значимость. Прецедентные феномены привлекают внимание адресата и воспринимаются как эстетически значимые. Данные феномены (прецедентные имена) нередко трактуются как разновидность метафоры, в связи с этим их восприятие схоже с восприятием метафоры, которая служит как основное стилистическое средство эстетического воздействия.

- Эвфемистическая функция – замена запрещенных или нежелательных выражений с целью выражения информации в неагрессивной форме [3, с. 46]. Данная функция прецедентных феноменов широко раскрывается в газетном дискурсе ввиду наличия цензуры.

В заключение следует отметить, что все рассмотренные функции прецедентных феноменов взаимосвязаны и реализуются в комплексе. Однако в зависимости от дискурса те или иные функции выходят на передний план. Поэтому так важно изучать особенности функционирования прецедентных феноменов не только в рамках текста, но и за его пределами, рассматривая соотношение данного текста с дискурсом, в котором он реализован.

Библиографический список

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Издательство «ЛКИ», 2010. – 264 с.
2. Клушина Н. И. Имя собственное на газетной полосе // Русская речь. – 2002. – № 1.
3. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. – Екатеринбург. : УрГПУ, 2007. – 207 с.
4. Немирова Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // Известия УрГПУ. Лингвистика. – 2003. – № 11. – С. 146–154.
5. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М. : «Academia», 2000. – 141 с.
6. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца 20 века). – СПб, 2002. – 383 с.
7. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – М. : «КомКнига», 2007. – 280 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЕ

Е. С. Середина
И. М. Кацитадзе

*Студентка,
кандидат филологических наук, доцент,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The given article is devoted to creating basic female images in contemporary German-language prose. Authors pursue the aim to show a comprehensive image of a modern woman: careful mother, business woman and romantic person. These images find their reflection on pages of women's novels by contemporary German female writers.

Keywords: contemporary female prose; subject-matter of female prose; modern literary female image; female style of writing.

Говоря о женской прозе, мы думаем не только о половой принадлежности автора того или иного произведения, но и предполагаем, что женская проза – это литература, написанная женщиной, о женщине и для женщины. Тем самым можно задать «определенный эмоциональный, культурно-социальный и даже стилевой формат произведения». «Женский стиль» письма, особенно при создании образа главной героини произведения, весьма четко отличается от мужского [2, с. 24–26].

Заметим, что феминные образы, созданные писателями-мужчинами, зачастую кажутся спорными или вовсе неполноценными. Образы их героинь видятся нам односторонними и плоскими, ведь очень часто один женский образ мужчина-автор наделяет только одним качеством. Иными словами,

женщина может быть или прекрасной, добродетельной, воспитанной, либо она подлая, с изъянами во внешности, коварная, корыстолюбивая и даже развратная. Наглядным примером подобного описания может служить роман немецкого писателя Л. Фейхтвангера «Безобразная Герцогиня Маргарита Маульташ», где женский образ не является спорным. Образ женщины либо четко положительный, либо резко отрицательный. Больше внимание автор уделяет раскрытию образов мужских персонажей на фоне исторических и геополитических особенностей развития западных стран.

Европейская женская проза, в частности, немецкая, имеет свою особенную традицию, хотя и не уходит корнями глубоко в века. Немецкая литература носит преимущественно «мужской характер», и женщина фигурирует в ней, скорее, как предмет воспевания (образ прекрасной дамы в рыцарской лирике), изучения и анализа в литературе нового времени. Штэфан Цвейг, к примеру, в своих новеллах проводит обширный анализ женской природы, изображая сомневающуюся и страдающую душу героини:

«—Я обещала вам и самой себе, — начала она не без волнения, рассказать все с полной откровенностью. И теперь я прошу вас отнестись ко мне с полным доверием и не искать в моих поступках скрытых побуждений, которых я ныне, быть может, и не стыдилась бы, но которых тогда и в помине не было» [3, с. 364].

Большая вовлеченность женщины в культуру и политику привела не только к возможности работать, высказывать мнение, голосовать, иметь право контролировать собственное здоровье, но и к появлению и распространению женской литературы. Поскольку предметом нашего исследования является современная немецкая женская проза, обратимся к творчеству таких современных писательниц, как Ильдико фон Кюрти и Эльфрида Элинек, чьи произведения направлены не только на цель развлечения, но и предоставляют читателю возможность глубоко постичь, проанализировать сущность женской природы.

Женский образ, создаваемый современными писательницами, является весьма неоднозначным. Очевидной положительной стороной можно считать тот факт, что автор-женщина описывает образ более детально, чем автор-мужчина. Авторы предоставляют читателю возможность выбора совершенно разных женских образов. Героини их романов не однобоки, и в то же время, не «перегружены» набором всех существующих женских качеств в одном образе. Так, в романе «Тариф на лунный свет», Ильдико фон Кюрти создает образы трех основных современных женщин: 1) Заботливая мать и любящая жена, вынужденная забыть о собственных амбициях и интересах; 2) деловая женщина, не желающая слышать о муже и ребенке, сосредоточенная исключительно на себе и на своей успешной карьере; 3) романтическая особа, одновременно образованная и успешная, не оставляющая надежду совместить домашний очаг с самореализацией, и конечно, жаждущая найти любовь всей своей жизни.

Эльфрида Элинек, в свою очередь, представляет своему читателю эмоционально и физически раскрепощенных женщин, свободных от пред-
рассудков и пуританской морали общества (роман «Любовницы»).

Современная женская проза имеет, на наш взгляд, слабость абсолю-
тизировать все качества женщины, тем самым отдаляя читателя от класси-
ческого представления о том, какой женщина должна быть.

При чтении современных немецких женских романов создается впе-
чатление, что авторы пытаются восполнить века притеснения женщин.
Очевидно, что в главном женском образе все протестует против того, ка-
кой общество хочет видеть женщину. Писательницы наполняют образ ге-
роини рядом совершенно, на их взгляд, забавных недостатков и особенно-
стей. К примеру, героини романов совершенно бездарны и беспомощны в
быту, они не умеют готовить, способны жить в хаосе:

*«Хаос — мой постоянный спутник. Так что комната Даниэля Хоф-
мана скоро стала гораздо уютней. Чтобы комфортно себя ощущать мне
нужно всего несколько мелких вещей под рукой. Пепельница. Сигареты.
Зажигалка. Бокал вина....»* [1, с. 99].

Перед нами предстают женщины, не сильно-то утруждающие себя
заботами о своей внешности и физической форме, способные привести се-
бя в порядок только перед действительно важным событием (свидание,
светский раут):

*«И все же я теряю драгоценные минуты, поскольку вынуждена
дважды полностью разгримировываться. Та же история — с тушью для
ресниц. Она, по большей части, склеивает ресницы комками, так что они
выглядят как ножки страдающего артритом паука-птицееда»* [1, с. 94].

Женским образам очень часто приписываются такие мужские каче-
ства, как резкая манера вождения автомобиля, крутость нрава. Вырисовы-
вая женский образ, писательницы зачастую присваивают героиням муж-
ской род занятий: управление рестораном, крупным бизнесом, компьютер-
ное программирование или творчество. Женщина-автор почти никогда не
представляет свою героиню врачом, учителем, поваром, переводчиком,
журналистом, что принято считать более женскими профессиями. Сове-
ременный литературный женский образ носит оттенки феминизма и даже не-
которого мужененавистничества. Ведь мужские образы в женских романах
нелепы, комичны и поверхностны:

*«—Этот тип, то есть тип человека, он не такой, как ты. Понима-
ешь? Он скорее такой... ну, в общем, ... типичный мужчина.*

*—Понимаю. Эгоцентрическое ничтожество, карьерист с нулевой
способностью к сопереживанию, привыкший, что за ним толпами увива-
ются женщины?»* [1, с. 58].

Наделяя женский образ такими неоднозначными качествами, писа-
тельницы пытаются, на наш взгляд, показать своему читателю женщину,
способную противостоять всему обществу с его устаревшими моральными

понятиями, перечеркнуть столетия традиций женского воспитания и образования. Представительницы прекрасной половины человечества больше не предстают перед нами как матери, жены, хранительницы домашнего очага. Авторы навязывают нам образ супер-женщины, которая «выше» всего перечисленного, и тем самым разрушают постулаты о природно-исторической роли женщин:

«С другой стороны, мне тридцать три года и я на современный лад эмансипирована. Это значит: хоть я и не знаю, как подключать декодер к телевизору, но в состоянии оплатить работу телемастера. Это значит: на занятиях по самообороне я освоила прием «стальной зажим», домой могу возвращаться одна. Это значит: я способна самостоятельно поджарить филе... И это прямо подводит меня к мысли, которую я как-то вычитала в одной умной книге и с тех пор часто цитирую: «Вот уже по меньшей мере сто лет, как в мире отсутствует мотивация для того, чтобы быть мужчиной»» [1, с. 27].

Таким образом, мы приходим к выводу, что современный литературный женский образ, является не только гипертрофированным и, в какой-то степени гротескным, но, и очевидно, противоречащим основным морально-этическим устоям общества.

Библиографический список

1. Ильдико фон Кюрти. Тариф на лунный свет. – Спб. : Изд-во «Амфора», 2009. – 378 с.
2. Колесниченко Н. Ю. Немецкий традиционный любовный роман // Мова і культура. – К. : Вид.дім Дмитра Бураго, 2005.– Вип.8. – Т. XI/2. – С. 182–188.
3. Штэфан Цвейг. Двадцать четыре часа из жизни женщины. – М. : Изд-во «Эксмо», 2011.– 637 с.

IX. STUDY OF LITERATURE

THE ROLE OF LITERARY TRADITIONS IN FOWLES' MYTHOLOGICAL NOVEL

E. Godovannaya

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Y. Salomatina Student,
South Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Summary. The article observes the existing links between literary traditions of using myths and John Fowles' mythological novel «The Magus». A special attention is paid to the influence of James Joyce and Thomas Mann. The research shows both similarities and differences of their and Fowles' works.

Keywords: mythologism; tradition; universality; allusion; antique.

The mystification, reconstructed in a Post-modernist esthetics, obtains the meaning of a cultural characteristic of the second half of the XX century, and, becoming actual today, gets into the sphere of literary practice. Mystification in the novel «The Magus» is an explication of antique motives and myths.

Taking into account a limited volume of this work, our purpose is to reveal only common features of Fowles' mythologism, therefore for the analysis we chose the novel «The Magus» as the main work by the writer of this direction, which is mostly rich in mythological allusions.

In the novel «The Magus», Fowles uses well-known poetic methods of a mythological novel of the XX century, established by Joyce, because it was he who gave a basic formula of a modernist mythologization. Following Joyce, Fowles builds parallels to classical myths, mixes various mythological traditions (Greek, Roman, Egyptian, Syrian, Indian and even Biblical), attracts literary, especially Shakespearean, and historical allusions («You won't make a step so as not to bump into an allusion» [2, p. 364] – notices Nicholas») that once again underlines psychological and metaphysical universality which is symbolized by mythical and other parallels. Though characters both in «Ulysses» and in «The Magus» are rather accurately outlined, they are obviously given as «options» of a certain human essence, various forces operating in the soul of a person. In images of Blum and Urfe, despite their extreme dissimilarity, there are features of «everyman», «the average person», and the carrier of universal psychology [4, p. 36].

But the use of Joyce's methods of mythologization does not mean the repetition of Joyce's world outlook, basics of this mythologization. This fully refers

to Fowles. He is distinguished by an absolutely different, especially individual world and aesthetic outlook.

Though Fowles and Joyce both raise the issues that are in many respects similar and, so-called, «eternal», «metaphysical» (about the essence and the meaning of life, etc.), the writers give them absolutely different solutions. The pessimistic view of Joyce on history and the future of mankind is resisted by Fowles' humanistic optimism, and Joyce's escape from the history to the myth – Fowles' attempts to reconcile a myth to history, to reveal the role of myth in the organizations of historical experience, the desire to remain faithful to the traditions and at the same time to lay a way to the future. Unlike Joyce, Fowles does not reject a classical form of the realistic novel, his transition from the social plan to symbolic is more limited, immersion in extra historical depths of subconsciousness does not cancel his objective historical plan. The historical level is also important for Fowles, as well as a universal one. Joyce's myth is the means of structuring and ordering of chaotic artistic and vital material, Fowles' value of mythology in the organization of the novel is strongly limited.

In the article «The Magus» by John Fowles» Malkolm Bradbury writes that «The Magus» investigates the role, that myths play in our life» [3, p. 29]. Fowles in the novel humanizes the myth, opposes it to a bourgeois formation of myths, «illusory essence of attractions of bourgeois pseudo-culture» [1, p. 8].

The mythologization of Fowles' poetics, as well as Joyce's, is not a spontaneous, intuitive return to mythopoetical thinking, but one of the intellectual aspects, even a «philosophical» novel, and relies on a deep book acquaintance with extensive literature on mythology, religion, philosophy. Thus, in the interpretations of ancient myths, both writers rely on a scientific tradition.

The main action in the novel «The Magus» takes place in Greece, on the island Phraxos, that itself causes mythological associations both of the reader and of the hero. First of all, they are connected with literary, cultural memory of each educated European. On the island Nicholas repeatedly has a feeling that he «appeared in myth space»: he feels «himself as Skiron living between heaven and earth, Theseus approaching Crete, Oedipus claiming egoism» [2, p. 163]. This feeling, according to the hero, is no other than «the knowledge, attained from corporal experience, is how at the same time to be both young and ancient. This feeling can't be expressed. It had nothing rational, only a mystical shiver from staying here and now, in the world where anything can occur» [2, p. 163].

These associations are caused by not only the fact of staying on ancient «pagan earth» [2, p. 146], but also by the circumstance that everything in Greece is penetrated by spirit of antiquity, its legends and myths: statues of the Olympic gods, the remained ancient temples bearing their names, memorable places connected with legends. For example, in Conchis' estate there were many antique pieces, such as Priapus and Poseidon's statues.

The process of Nicholas Urfe's «education» is distinctly associated with an initiation ceremony. Ideas of an initiation ceremony are quite «naturally»

used as mythological modelling of «the novel of education», as historically initiations were the most ancient form of «education», training a young man for participation in economic and religious life of adult members of a tribe. The initiation complex can be found not only in many myths, but also in a number of fantastic and epic plots, and also in medieval tales of chivalry, for example «Percyvalle», telling how the gawk Percyvalle passed the defined ordeal and became the keeper of sacred Graal. This story, as we know, was processed in the last drama of Wagner. Initiation motives are distinctly traced in both «Ulysses» by Joyce and, especially, in «The Magic Mountain» by Thomas Mann.

In «The Magus» appears the scheme of mythological wandering, and wandering- search in a myth (which the «Odyssey» is) usually assumes visiting a kingdom of the dead and symbolics of dedication. Mythical parallels clear up the scheme of a metaplot in the novel: withdrawal from the house – temptations and trials – return. Blum comes back only reconciled, and Urfe, as well as Hans Castorp, – enriched, attaining the original maturity.

Thus, the plot of «The Magus» is a plot of re-education of the hero, his ritualized «initiation» in secrets of life. Getting to the magic theatre arranged for him by a mysterious «magician» Conchis and his assistants, Nicholas passes through some cleaning and educational performances, coming to the end with a symbolic trial of him. Like Odyssey, coming across many dangerous adventures on the way home, Urfe gets to a set of unimaginable situations. Exactly, according to the prediction in the above-stated fragment from Ezra Pound, he painfully deciphers the sense of reality, and when he seemed to achieve it, it appears that opening the essence, understanding of the incident is false. However, alongside with his mythological prototype, Nicholas with honor passes through the tests and is restored to real life updated, matured, having lost all illusions. This is the «happy ending» of the modern «Odyssey».

Thus we see that Fowles actively uses a mythological context to deepen the semantic and artistic figurativeness. He captures the entire range of manifestations of the Greek culture (the geographical features which left a mark on the Greek mentality, specifics of morals and ethics, explication of antique mythology, etc.). Describing the nature as the spiritualized, living substance, the English writer carries on the tradition of antique poets. The author of «The Magus» attaches a special significance to the category of light. This category is treated by him in an antique manner: the light is the essence of beauty and truth. It is possible to claim that John Fowles is the creator of the modern myth about Greece, thus using material of classical myths. Using in the novel «The Magus» the antinomy «England-Greece», the writer emphasizes a problem of a myth-functioning, its place and value in the novel.

Библиографический список

1. Conradi P. John Fowles. – L.; N. : Methuen, 1982. – 352p.

2. Fowles J. The Magus. – L., 1997. – 671 p.
3. Malcolm Bradbury (1973): «The Novelist as Impresario: John Fowles and His Magus.» In: M. Bradbury: Possibilities. Essays on the State on the Novel. – London: Oxford University Press. – 259 p.
4. The Theory of the Novel / Ed. by J. Galperin. – New York, 1974. – 408 p.

ON THE LINGUISTIC WAYS OF CONCEPT «ENVY» REPRESENTATION IN THE FICTIONAL DISCOURSE BY S. KINSELLA AND S. BROWN

A. I. Dzyubenko

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
student,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

V. S. Velikorodnyaya

Summary. The article deals with the semantic peculiarities and the specifics of the linguistic ways of representation one of the basic concepts in the fictional discourse – the concept «envy». The analysis is carried out on the paragon of the female authors of the present – Sophie Kinsella and Sandra Brown.

Keywords: concept, fictional discourse, «communicative suicide».

The emotion and concept chosen as the object of our research is represented, as the majority of the socio- and physiologists think, as the energy that constitutes the core of human's life as a social being. Any human is always implicitly envious of those surrounding him/her, and the level of envy is determined by the level of intimacy in the relationships with an object of the potential envy.

H. Schoek believes, some kind of inclination for envy is an integral part of physiological and sociological human functioning in the society, whilst the lack of envy can result in sociological problems of an individual or, considering the society in general, disintegration of the whole social system. The study of the concept of envy, its impact on the society are of utmost actuality due to the fact that the emotion objectified in the language as the core of this concept constitutes the basis of main motivations inducing the communicant to act.

The concept of envy is frequently considered in immediate correlation with the concept of jealousy, however, it should be noted that in spite of congeniality in the range of lexical means for verbalization of these concepts in the modern English language, these phenomena vary in their conceptual cores. Jealousy differs from envy according to the dominance of malice and passion in the first one, a jealous person isn't capable of restraining him/herself. Jealousy originates from the fear of losing something belonging to you, whilst envy is a consequence of the sense of inferiority, i.e. the one who envies is aware that something he/she cares about gets the upper hand on him/her, and he/she rejoices if

the object of envy is of no use to its owner. Unlike that one under envy who definitely realizes what the reason and the object of his\her envy is, a jealous person doubts the existence of real and worthy rival as well as his\her intentions. Moreover in the case of jealousy the immediate collision of at least three persons takes place (a jealous person, usurper and a person having been enticed), while in case of envy there are only two participants. Therefore, envy and jealousy are fundamentally different experiences, behavioral types and concepts, as well as their functioning in various communicative environs.

Envy represents social-physiological construct, social aspect of which is justified on the grounds of its being the energy targeted at another representative of the given language community, which can be realized in language objectively or left un verbalized, i.e. without an addressee the one who envies wouldn't be capable of envying. However, in this case he would rather remain aloof from any relationships with the object of envy, than liaise with him\her. This holds true in all the cases with the exception of those when the he wants the object of envy to identify him/her as the source of envy. In this case we may claim the phenomenon of «communicative suicide» of the speaker. The idea of this phenomenon is that the usage of the construction «I envy you» in the Russian discourse imparts the utterance an extremely negative shade and leads to the emotional detachment, at times even distraction or isolation of the speaker. However, considering the English discourse the utterance «I envy you» carries less negative emotional colouring in respect of the interlocutor and may even have positive connotation. For Russian-speaking people envy is largely associated with black, purple and yellow, moreover, the phenomenon of so called white envy is widespread as an attempt to transmit positive emotional message. However, as we can notice, «white envy» is just an opposition to the main semantic color of the concept of envy itself, which excludes the possibility of its usage in the discourse with positive connotation. In the English language envy has green shade («green with envy», «green-eyed monster»), which apart from envy and jealousy is associated with nature, renewal, refreshing, recovery, blossom, hope that on the cognitive-emotional level allows the participators of the English discourse to perceive the expression with 'envious' meaning with positive connotation.

We cannot but pinpoint the tendency in the modern English fiction to introduce the lexemes «jealousy» and «envy» as synonyms, which can be explained by the fact that it's easier to confess of jealousy than of envy, as envy is a socially reprehended, mean and undignified feeling, while jealousy implies that a person struggles for what belongs to him\her by the right. In particular contextual situations such synonymic substitution may lead to nominative amphibology.

However, there are cases of such an interpretation of a concept under analysis when envy is represented as a sort of spurring element, something positive, enforcing development. In these instances envy is understood as rivalry or contest [3, p. 35].

The phenomenon of envy is given consideration in the works of outstanding psychologists and psychoanalysts like S. Freud, K. Abraham, G. Rosenfeld, M. Klein, O. Kernberg etc. In the classical psychoanalysis envy is examined in the framework of aggressive human inclinations. S. Freud doesn't regard envy as self-consistent, demanding explanation phenomenon. According to him understanding experience of envy is natural for a person, so there is no need to dig for its reasons. For him envy serves as real base for many affirmations, which are encouraged in the society [1, p. 8]. Envy, according to the reasonable opinion of M. S. Martitsina, is frequently accompanied by reproach, mockery, rude demand, accusation, which are oriented on both rational and emotional and/or volitional influence of the speaker on the addressee [2, p. 5].

Our study in the domain of female fictional discourse in the works by S. Kinsella and S. Brown has shown, that in some cases envy may be followed by retrospective addressee' reference to the past events in the life of the addresser of the text, which inevitably causes involvement of the first into individual «Self» of the author, in this case rivalry and dudgeon emerge. In such contexts the usage of modal verbs and perfect infinitive forms is widespread: *«My water jug is empty. And I need some kind of snack. To keep my energy levels up.»* – *«You could have brought your jug into the kitchen,» I suggest mildly. «Or made your own snack?»* – *«Look, I don't have time to be making snacks, OK?» snaps Melissa. «I'm under a great deal of time pressure right now. I have piles of work, I have exam deadlines...you have no idea what my life is like.»* – *I'm silent for a moment, trying to get my resentment under control.* – *«I'll bring you out a sandwich,» I say at last* [5, p. 196] Apparently, Samantha barely managed to hold her tears back, because it's difficult for her to put up with the thought that she has to perform duties of a maidservant after years of working as prosperous employee for one of the subdivisions of blue-chip company. The situation is made strong particularly by the fact that she can't cope with defeat of her personal and professional hopes: her competitor (Melissa) is about to become a partner for Carter Spink – a company where Samantha was an employee before she had made the fatal flaw and now Samantha's attempts to win over her competitor and stir up sympathy became an exceptional trigger of envy and indignation on the part of the addresser of the text – represented by Samantha.

Irony is another means to represent envy: *He releases my hand and puts both hands round my waist. Now he's slowly pulling me toward him. I close my eyes.* – *«For goodness sake!» comes an unmistakable voice. «Aren't you going to kiss her?»* – *I jump backward. Nathaniel looks equally shocked; his arms have dropped to his sides. I turn round—and to my utter horror, trish is leaning out of an upstairs window holding a cigarette* [5, p. 164] Trish's irony leads to humiliation of the addressee, arises resentment in him/her together with vexation and discontent.

In another example in Sandra Brown's work «Envy» it becomes evident as envy originally concerning only two men – former friends, turns into the de-

sire to take revenge and bereave something belonging to another, and extrapolate on the other close people: *«It's not for sale.» «What do you mean?» «Look, I've got a southern accent, but I'm still speaking English. Which part didn't you understand?» His voice was geographically distinctive. Usually she found the soft r's and slow drawl of southern regions engaging. But his manner was abrasive and disagreeable. If she hadn't seen real potential in his writing, recognized an untapped talent, she would have ended the conversation long before now. Patiently she asked, «If you didn't want your book published, why did you submit the prologue to a book publisher?» «Because I suffered a mental lapse» [4, p. 37]. The writer Parker makes Maris come to him by manipulation so he could take revenge on his former friend Noah, whose wife was Maris. Parker is certain about the success of his plan and allows himself some biting words in relation to Maris, however, they aren't acquainted enough to give rise to such feelings as dislike and loath, apparently, Parker projects his negative attitude towards Noah through his wife Maris.*

The verbalizing of insistence grading in the degree of intensity is also one of ways for objectivisation of the concept 'envy': *«And what about you?» says Nathaniel. «Before you came here? What's your background?» – «Oh... you don't want to know.» I give him a brush-off smile. «Very boring.» – «I don't believe that for a minute.» His tone is light but persistent. «Did you have a career?» – I walk for a few paces without responding, trying to think what to say. I can feel Nathaniel's eyes on me, but I twist my head away from his scrutiny. – «You don't want to talk about it,» he says at last. – «It's... it's hard.» Nathaniel exhales sharply. «You've had a bad time of it?» Oh, God, he still thinks I'm an abused wife. – «No! It's not that. It's just... a long story.» Nathaniel doesn't look put off. «We've got all evening» [5, p. 157]. Nathaniel demands explanation from Samantha about her past, about relationships, that are difficult for her to discuss. Without knowing that these relationships were Samantha's work as a lawyer, Nathaniel suspects that Samantha may have kept some feelings to another man. Nathaniel's non-verbal reaction «exhales sharply» points out his concern about the reasons of the situation created and propriety of the expression of insistence of high intensity degree.*

Other highly intensive means for the analyzed concept's representation are the constructions with the semantics of rude demand and accusation. They are «oblique indicators of speakers' negative attitude to the addressee or situation created and therefore, perform as markers of the context in which envy or jealousy are expressed» [2, p. 13]. Frequently envy is followed by indirect accusation: *«I'm not happy with the current situation,» I say, attempting a calm, civilized voice. «I'd like to discuss it, please.» – «What situation?» She wrinkles her brow. «With Melissa. And her... her constant needs. I'm being taken away from my regular duties. The housekeeping will suffer if I have to keep attending to her.» [5, p. 197].*

Accusations in this context are represented as declarative sentences with expressed predicate of guilt, with lexical intensifier «her...her constant needs», that helps to identify «the accused» in the given context.

Less degree of intensity within the concept 'envy' representation is noted in the constructions with the semantics of indirect insult, concealed by allusions, referring to the phenomena of sociocultural nature or famous public figures: «*I've had three more requests to appear on TV and one to do a «tasteful» photo shoot for the Sun in a French maid's uniform. Trish has given an exclusive interview to the Mail. Callers to a radio phone-in that Melissa insisted on listening to have described me as «an antifeminist moron,» a «Martha Stewart wannabe,» and «a parasite on the taxpayers who paid for my education.» I was so furious I almost phoned up myself*» [5, p. 162].

To express envy in the modern English discourse the female authors also resort to variety of repetitions, litotes, metonymies and understatements on account of their high degree of expressiveness: «*Samantha.*» *Arnold's friendly, assured voice booms down the line. «My dear girl. You've got yourself in a pickle, haven't you?»* [5, p. 60]. Arnold not only appeals to transpositional usage of emphatic question, but also ironically-patronizing address «My dear girl» relating to Samantha can be noticed. Moreover, life-work, with which Samantha had been living whole her life, sacrificing her personal happiness, and which met with shattering failure due to Arnold's fault, for the latter turned out to be just a minor problem – «a pickle». Irony and understatement encompassed in the expression help the reader to discern deep envy to Samantha's success and satisfaction about her tragic failure in career.

As the research of modern female fictional discourse has shown, the variety of modern linguistic means used for the concept of 'envy' representation also include emphatically and sometimes even aggressively and vulgarly sounding slangisms, vulgarisms and expletives: *Bloody Trish. Bloody Melissa. If she's waiting for a sandwich, she can just wait* [5, p. 293]; *I kissed you because I'm a rotten son of a bitch and your mouth looked so goddamn kissable. Simply put, I kissed you because I wanted to. It's something I admit and you damn well know. But there is one question that's driving me crazy* [4, p. 156].

Библиографический список

1. Ильин Е. П. Психология зависти, враждебности, тщеславия. – СПб.: Питер, 2014.
2. Мартыцина М.С. Средства выражения речевых актов зависти и ревности в современном английском языке: Автореф. дисс. ... кандидат филол. н. – Белгород, 2013.
3. Шёк Г. Зависть. Теория социального поведения. – М., 2010. URL: <http://www.pseudology.org/Psychology/SchekZavist.pdf>.
4. Brown S. Envy. – New York : Warner Books, 2002.
5. Kinsella S. The Undomestic Goddess. – London : Black Swan, 2006.

АЗИМШОҲ ХИЁЛ БУХОРИЙ ҲАЁТИ ВА ИЖОДИГА БИР НАЗАР

S. Y. Karabayev

Ўқитувчи,
Тошкент давлат шарқшунослик
институтини, Тошкент, Ўзбекистон

Summary. This article is devoted to life and work of one Pushtu scientist named Azimshah Khiyal Bukhari, which wrote a number of stories, novels and poems. There is given some information about his works.

Keywords: Pushtu literature; scientist; Pushtu lingvist and poet.

XX аср пушту адабиётида тилнинг жамиятдаги ўрни ва уни ривожлантиришга алоҳида аҳамият берган ёзувчилардан бири Хиёл Бухорийдир. Унинг тўлиқ исми Азимшоҳ Хиёл Бухорий бўлиб, афғон олими Ҳамиш Халилнинг берган маълумотига кўра, 1912 йилда машхур саидлар оиласида Саид Акбаршоҳ Бухорий хонадонидида таваллуд топди [1] Лекин рус олими Г. Ф. Гирс унинг таваллудини 1917 йил деб кўрсатади [2, б. 88] Унинг аждодлари Маҳмуд Ғазнавий билан бирга бу ҳудудга келишган ва ислом динини кенг ёйиш мақсадида бу ерларда ўрнашиб қолишган. Пашто Академиясида матбуот бўлими бошлиғи сифатида фаолият юритган Хиёл Бухорий нафақат ёзувчи, балки машхур олим ҳам эди. Унинг *د پښتو صرف او نحو* «пушту тили грамматикаси» китоби ҳозиргача Покистон ҳудудидаги пуштунлар орасида дарслик сифатида қўлланилади. Бундан ташқари пушту тилига бағишланган *د پښتو لغات* «пушту тили луғати», *د پښتو محاورې او متلونه* «пушту тили сўзлашгичи ва мақоллари» асарлари мавжуд. Хиёл Бухорий бадиий асарлар яратишда ҳам моҳир ижодкор эканлигини кўрсата олган ёзувчидир. Унинг *د اباسين تر څنډو* «Абосин бўйида» ва *مينه او فرض* – «севги ва фарз(бурч)» номли асарлари халқ орасида жуда машхур. У Саид Жамолиддин Афғоний ҳаёт йўли ва ижодига бағишлаб *مضامين د جمال الدين افغانی* «Жамолиддин Афғоний асарлар моҳияти» номли асар ёзди. Унинг алоҳида шеърӣ тўплами чоп этилмаган бўлса ҳам, ғазалнависликда моҳир шоир сифатида тан олинади. Унинг қуйидаги байти юксак бадиий савия эгаси эканлигидан далолат беради:

د خوراک نه می طمع ښه ده ځکه خویش په سپرلی نه یم

[1] *د جزان په وچو ډاگو کښي امید د بهار غوړم*

Таржима: «Овақатдан кўра унинг таъми яхшидир, шунинг учун баҳорни ҳушламайман

Кузнинг куруқ саҳросида баҳорнинг умидини хоҳлайман».

Юқоридаги шеърдан келиб чиқиб, Хиёл Бухорийни романтизмга мойил шахс сифатида тасаввур қилиш мумкин. Лекин шоир баъзи шеърларида ўз туйғуларини романтика орқали ифодаласа, баъзиларида унинг реалист сифатида кўриш мумкин.

У пушту адабиётида тилнинг жамиятдаги ўрни ва уни ривожлантиришга алоҳида аҳамият берган ёзувчи ва олимдир. Хиёл Бухорий замонавий илмий методлар асосида пушту тилига доир илмий асарлар ва дарсликлар яратди. Шу билан бирга пушту тилининг илмий услубини шакллантирган ижодкор сифатида ҳам танилди.

Библиографик рўйхат

1. همیش جلیل ، پښتانه لیکوال ، پښتور - ۱۳۶۵ هـ ش
2. Гирс Г. Ф. Литература непокорённого народа. – Москва, 1966.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР З. ПРИЛЕПИНА И Э. ХЕМИНГУЭЯ. О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РОМАНА «САНЬКЯ» З. ПРИЛЕПИНА И ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. ХЕМИНГУЭЯ

О. П. Матиенко

*Старший преподаватель,
Омский юридический колледж,
г. Омск, Россия*

Summary. This article is devoted to two famous writers: Z. Prilepin and E. Hemingway. Their stylistic peculiarities of language and styles in the novel «Sankya» of Z. Prilepin and two novels «The old man and the sea», «A Farewell to arms» of E. Hemingway. Their feature world in our modern life.

Keywords: stylistic peculiarities of language and style; E. Hemingway; Z. Prilepin; Sasha; war; love; nature; life.

Художественный мир писателей – это переосмысление того, что хорошо они знали по собственному жизненному опыту. Раскрывая внутренний мир своих героев, З. Прилепин и Э. Хемингуэй опирались на художественные достижения реализма XIX столетия – в первую очередь, сделанные Л. Толстым и Ф. Достоевским.

Захар Прилепин – участник войны в Чечне, а Э. Хемингуэй участвовал в Первой мировой войне. Именно этот опыт сформировал основы мироощущения писателей. Духовная самозащита личности и ее фундаментальных ценностей – человеческого достоинства, честности, благородства, любви, дружбы, гуманного отношения к другим – это и есть художественный мир писателей.

Изучая язык и стиль художественных произведений З. Прилепина и Э. Хемингуэя мы понимаем глубже общественную жизнь страны в период создания произведения, изучаем культуру и язык эпохи XX и XXI веков.

Стилистический анализ играет важную роль в изучении особенностей творчества, художественного слова писателей, способствует

развитию устной и письменной речи, глубокому проникновению в творческий метод авторов, в своеобразие их индивидуального мастерства.

Роман «Санька» – это начало нулевых, ватага молодых романтиков, ломающих мир об колено. Они живут в дурное, несправедливое, нечестное время – и не хотят с этим мириться. Они живут быстро и готовы умереть молодыми, готовы погибнуть за свою мечту и правду. Шумные митинги, драки, захваты администраций – и покой полузаброшенных деревень, где доживают свои дни последние старики и где пытаются найти приют главный герой, Санька, – разительно не похожи; но и наивная революция, и умирающий мир русской деревни одинаково обречены. смешение стилей помогают глубже понять духовный мир героев.

Особенностями стиля языка Захара Прилепина в романе «Санька» является то, что в одном произведении автор соединяет различные по стилю эпизоды. Жесткие натуралистические сцены романа сменяются сентиментальными, лирическими. Прилепин восхитительно управляет языком и стилем в романе, и ему удается передать всю разность настроений и характеров героев; именно поэтому роман получается таким правдивым. Герой А. К. Безлетов, коллега отца Саши, который единственный согласился помочь Саше в самый трудный момент его жизни в похоронах отца именно в деревне; суровой, холодной, жестокой зимой, по бездорожью он в то же время идеологический противник Саши, владеет очень грамотным литературным языком, а Саша и его друзья-соратники, в языке которых есть грубые слова, но их речь более образная, яркая и живая. Безлетов – «механизм», воплощенная идея, но не живой персонаж. Мы видим, что автору романа не симпатичен этот персонаж и чувствуется ирония автора, что ярко выражено через речь, язык:

«Саша, все зависит от вас самих. Если вы затеете столь ожидаемый вами кровавый хаос, распад только ускорится. Не вызывайте бесов. Вызывайте ангелов», – Безлетов мягко улыбнулся патетичности своего высказывания, тем самым размыв привкус патетики.

«Настоящие события происходят в мире духа, Саша. Истинный русский человек – это носитель взыскующего духа, нищий духом», – Безлетов нарочито часто повторял слово «дух», каждый раз усиливая повторение голосом, – человек, взыскующий правды. *«Россия должна уйти в ментальное измерение....–заклучил он. «Так будет лучше.»* [1, с. 75].

После беседы с Безлетовым резким контрастом звучит речь Сашиного друга героя Негатива: *«Мне все равно, – ответил Негатив. – Я не пойму только, на вера ты нас сюда привел?»* [1, с. 75] «Высокие» слова Безлетова развинчиваются и теряют свою значимость, они как будто не вписываются в окружающую действительность.

Привлекают в романе и лирические сцены, где автор создает образные сравнения и отступления, когда рисует тоскливую картину безнадежности деревни.

Деревня исчезала и отмирала – это чувствовалось во всем. Она отчалила изрытой, черствой, темной льдиной и тихо плыла. Заброшенные, вросшие в землю сараи, стоявшие вдоль дороги, чернели отсыревшими боками, прогнившими досками. На крышах сараев росла трава и даже кривились хилые деревца, прижившиеся, но не нашедшие куда пустить корни – под их слабыми корешками располагались холодные, опустевшие помещения, куда, к разбитым крынкам и продырявленным бочкам, заползали ужи, которых никто уже не тревожил. Кусты разрослись и ползли на дорогу. [1, с. 36]

Все сравнения, которые использует автор, в силу своей наглядности и образности создают мрачное, тяжелое ощущение вымирания природы. Особенно ярко мы это можем видеть в эпизоде, когда Саша идет на пляж, где он проводил счастливое детство.

«Вода оказалась холодной и склизкой, словно кисель. Подводной глины было неприятно касаться – осклизлая, как стариковская десна, и ужасно холодная.» [1, с. 54]. И даже после того, как Саша с яростью выдрал все сорняки на пляже, писатель отмечает: «Пляж не стал ясным и чистым, как в детстве. Пляж будто бы переболел какой-то заразой, оспой – и лежал неприветливый, весь в метании и щербинах». [1, с. 55]

Горестная картина с похоронами, которую писатель тоже показывает нам холодной зимой. *«Зимняя дорога всегда более тосклива, чем летняя. Вид белого, до горизонта поля, был тягостен. Эта даль и пустота – лишь с линией телеграфных столбов у дороги – засасывала. –Безлюдье...– шептал Саша тихо. – На безлюдье льды...Снеги и льды...» [1, с. 94]*

В романе мы видим метафоричность и образность языка. Во многих эпизодах, которые связаны с революционной деятельностью героев и ее последствиями, присутствует тщательная, последовательная фиксация происходящих событий, без языковых тонкостей. Автор использует иногда очень интересные, оригинальные образы, которые значительно усиливают восприятие происходящего и обнаруживают яркую индивидуальность автора и его героя. Например:

«Саша приехал в свой город, двери электрички захлопнулись за ним, словно он был аппендикс и его отрезали.» [1, с. 29]

«Саша смолчал. Уселся на кресло в углу комнаты, иногда исподлобья глядя на Яну, гоняющую телевизионные каналы, каждый из которых напоминал внезапно разорвавшийся полиэтиленовый пакет с мусором-ежик, и посыпалось прямо на тебя что-то обильное, разноцветное и несвежее. [1, с. 118]

«Неожиданно и быстро, всего за несколько минут – Саша даже не успел докурить, – прошел дождь, тихий, мягко проишуривший, веселый и нежный, будто четырехлетний мальчик проехал мимо на велосипеде. [1, с. 152]

Человек – это огромная, шумящая пустота, где сквозняки и безумные расстояния между каждым атомом. Это и есть космос.[1, с. 174]

Вдоль дорогостоящи деревья, похожие на аккуратные веники. Возле бордюров снег лежал неспешно, неведь откуда появившийся словно мусор. И очень много фонарей. Иногда они выгибали тонкие шеи, иногда – стояли на тонкой черной ноге, а еще висели, как кадки, над дверями [1, с. 221].

На улице мелко и быстро прошел пушистый снег, незаметно прилег на брусчатку [1, с. 221].

Снег напоминал кардиограмму умирающего – ровные линии иногда резко ломались, а потом снова тянулись жестко и тихо, до самого асфальта [1, с. 228].

Саша чувствовал себя так, будто из него извлекли все органы, отварили и снова вложили – переваренные, подрагивающие мелко [1, с. 244].

Фары ковыряли ночь, как пьяный скальпель [1, с. 330].

В этих фрагментах романа ярко прослеживается и метафоры, и олицетворение, и сравнение. Автор не ограничивается одним стилем – он старается придать своему произведению откровенность и предельную правдивость, которые не могут вписаться в рамки какого-то одного стилистического пласта, а осуществляется только путем синтеза различных приемов художественного изображения, что З. Прилепин и демонстрирует в своем произведении.

Роман «Санька» имеет общественно-политическую значимость, автор не отказывается от литературных изысканий – он экспериментирует с языком, ищет оригинальные художественные образы, подтверждая тем самым, что его роман не политический манифест, а самостоятельное, яркое художественное произведение.

Стилистический анализ произведений Э. Хемингуэя показывает, что его стиль характеризуется наличием множества образных средств: эпитетов, сравнений, метафор, олицетворения, лексических повторов, основанных на природных явлениях, что созвучно с произведениями З. Прилепина.

Роман «Прощай, оружие!» изобилует описаниями природы. Автор выражает свою позицию, свой гнев, протест против этого страшного явления (война) именно через силы природы. Природные явления, например дождь предупреждает о грядущем несчастье.

The was fighting for that mountain too, but it was not successful, and in the fall when the rains came the leaves all fell from the chestnut trees and the branches were bare and the trunks black with rain. The vineyards were thin and bare – branched too and all the country wet and brown and dead with the autumn.

There were mists over the river and clouds on the mountains and the troops were muddy and wet in their capes.

At the start of the winter came the permanent rain and with the rain came the cholera. But it was checked and in the end only seven thousand died of it in the army.

Э. Хемингуэй мастерски показывает: умирает природа, и солдаты умирают от страшной болезни, теряют одно за другим поражение. У Захара Прилепина мы это же видим в романе «Патологии», чеченская война, где парни погибают один за другим.

Характерной особенностью стиля писателя, является наличие множества эпитетов (*bare, black, thin, wet, muddy, dead*) и метафор (*the rains came, branches were bare, all the country wet and brown and dead, came the permanent rain, came the cholera*), которые автор употребляет для более яркого выражения произведений, характеристики душевного состояния героев.

«Колючие кустарники», «грязь», «дождь», «свинцовое небо» – за этим следует побег, стрельба, стремительное ранение, кровь, гибель одного из главных героев романа. Э. Хемингуэй заканчивает свой роман смертью главной героини Кэтрин, а за окном ночь, темнота, холод и непрекращающийся дождь как будто и природа плачет по всему тому, что происходит в жизни.

Для того, чтобы показать убедительнее ненужность войны, горечь утрат, поражений тяжесть военной жизни писатель прибегает к описанию умирающей природы. Он пользуется многими тропами: метафоры, олицетворения и эпитеты.

Философский роман Э. Хемингуэя «Старик и море», в котором писатель прекрасно показал, изобразил единство природы и человека, их солидарность. Роман говорит о героическом и обреченном противостоянии силам природы, о человеке, который одинок в мире, где ему остается рассчитывать только на собственное упорство, сталкиваясь с извечной несправедливостью судьбы, я вижу связь героев З. Прилепина «Санькя» и главного героя романа «Старик и море». Они оба одиноки, оба боятся за справедливость, выживание и даже со своей судьбой.

The clouds over the land now rose like mountains and the coast was only a long green line with Grey-blue hills behind it/ The water was a dark blue now, so dark that it was almost purple.

As he looked down into it he saw the red sifting of the plankton in the dark water and the strange light the sun made now [3, p. 29].

Эпитеты: (*long, green, Grey-blue, dark blue, dark, purple, strange*) в данном фрагменте указывают, помогают понять состояние души главного героя, его умение видеть красоту окружающего мира – это описание вселяет, уверяет, помогает почувствовать уверенность героя в своем деле.

Примечательно, что Э. Хемингуэю свойственно употреблять лексический повтор при описании природы.

Usually when he smelled the land breeze he woke up and dressed to go and wake the boy. But tonight the smell of the land breeze came very early...[3, p. 22].

That night there was a storm and I woke to *the rain* lashing the window – panes. *The rain* was so strong and I saw the water on the floor from the window [2, p. 232].

Многочисленные повторы (*the land breeze, rain*) подтверждают стремление автора проникнуть в глубь природных явлений и связать их с настроением героев. Повтор выражения «*the land breeze*» в романе «Старик и море» указывают на душевное спокойное состояние старика и мальчика, а повтор слова «*rain*» в романе «Прощай оружие» наоборот, подчеркивает, предупреждает о грядущем несчастье, о трагедии.

Эрнест Хемингуэй получил за роман «Старик и море» в 1954 году Нобелевскую премию по литературе.

Стилистический анализ произведений З. Прилепина и Э. Хемингуэя с точки зрения описания природных явлений показал, что использование метафор, олицетворений, сравнений, эпитетов, лексических повторов придают описываемым явлениям красочность, яркость, выразительность, эмоциональность и в тоже время и реальность изображаемых событий, ярче, глубже выразить идейно-тематическое содержание произведений.

Библиографический список

1. Прилепин З. Санька. – М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 349 с.
2. Hemingway E. A farewell to arms. – Moscow : Progress Publishers, 1976. – 286 p.
3. Hemingway E. The old man and the sea. – Moscow : Progress Publishers, 1975. – 94 p.

X. COMMUNICATION MANAGEMENT

THE DESIGN OF STORAGES OF EXPERT ESTIMATES IN THE DATABASES OF THE DECISION SUPPORT SYSTEMS IN HUMAN RESOURCE MANAGEMENT

Y. E. Prokushev

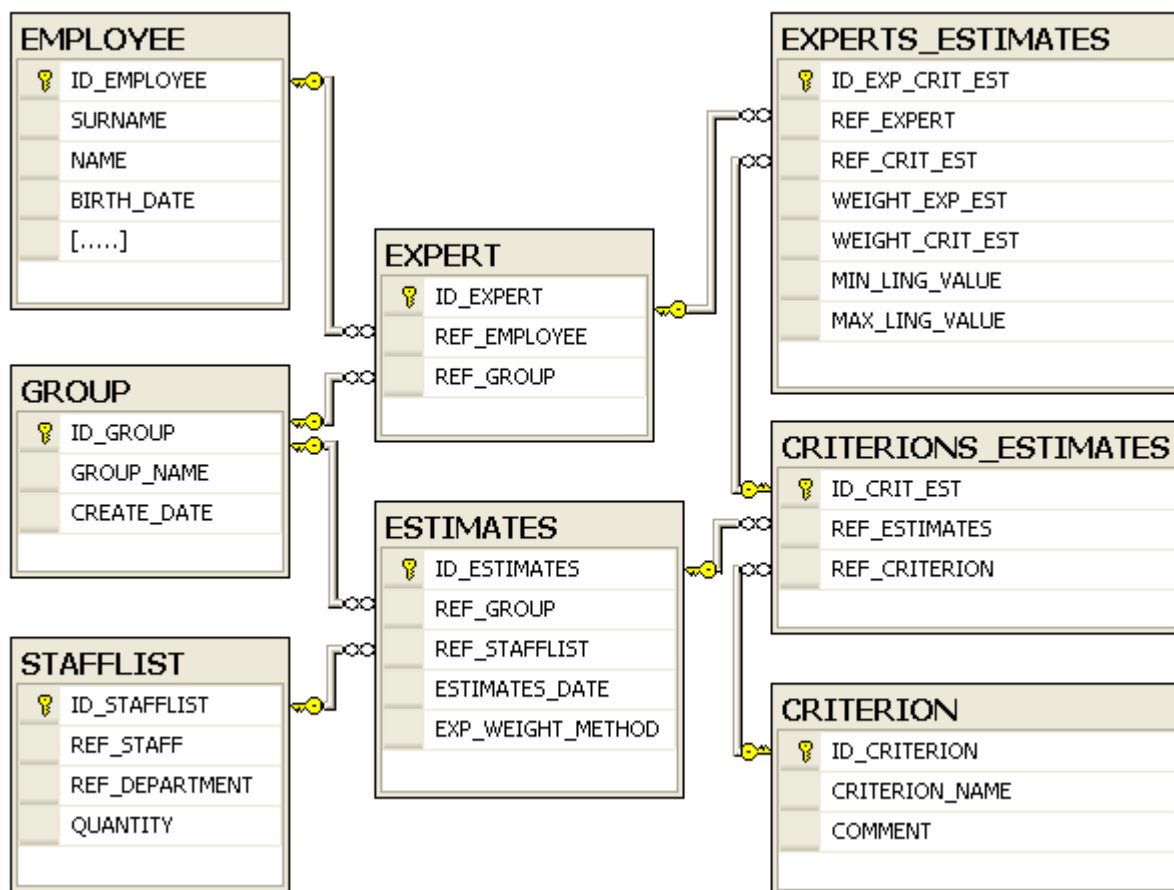
*Candidate of Economic Sciences,
assistant professor,
Belgorod University of cooperation,
economic and law, Belgorod, Russia*

Summary. This article is devoted to design of databases for the decision support systems used in human resource management. The sequence of processing of expert estimates when forming criteria of personnel appraisal is described. Features of design of tables for storage of expert estimates are considered.

Keywords: programming of databases; decision support systems; human resource management.

The decision support systems (DSS) now are one of the most demanded types of the applied software for the specialists of HR departments. Implementation of DSS allows using of innovative methods of human resource management. However innovations in this sphere are impossible without researches in the field of program engineering [2, p. 53–56]. DSS in social and economic systems use expert estimates, linguistic variables, methods of an assessment of multicriteria alternatives.

This mathematical apparatus provides the analysis of considerable volume of information which can't be executed without use of databases. That is why their development is one of the most important stages of creation of DSS. In this article features of design of a subarea of the database intended for storage of expert estimates are considered. One of possible ways of its realization is given in picture 1.

Picture 1. **Organization of storage of information on expert estimates**

We will consider in more detail structure of the tables entering this subarea of a database for the system of support of decision-making in the field of human resource management.

The assessment of any position in the organization is carried out by the group of experts. The information about these groups is stored in the table GROUP. At addition of a record about expert group in a database its name and date of creation are entered.

For data storage about people who can act as experts the table EMPLOYEE is used. Participation of the employees of the organization or the invited specialists in expert group is noted in the table EXPERT. Staff of the organization or third-party consultants can participate in different expert groups.

For formation of requirements to the staff positions experts have to possess information about staff list of the organization. They receive these data from the table STAFFLIST (picture 1). The table ESTIMATES is intended for the accounting of the staff positions for which requirements to their assessment were formulated.

The table CRITERION is used for storage of all potential criteria which can be used for an assessment. The list of criteria chosen for an assessment of the staff positions is specified in the table CRITERIONS_ESTIMATES. Set of parameters

in which the staff position assessment will be carried out, is coordinated previously by the experts of the group. The list of criteria of an assessment created by different groups of experts for the same position can differ from each other.

After a choice of the list of criteria it is necessary to define the relative weight of experts. It shows the influence of each expert on opinion of the whole group when determining importance of criteria of an assessment of a position.

One of possible methods of definition of relative weights of experts is their testing. The results of testing define the weights of experts which register in the table EXPERTS_ESTIMATES.

The weights of the experts can be calculated by two different methods. The first method consists in assignment to the expert the same weight within all procedure of an assessment of requirements to a staff position. In this case the field `weight_exp_est` has to be in the table EXPERT. According to the second method experts receive different weights at an assessment of criteria. The field `weight_exp_est` has to be in the table EXPERTS_ESTIMATES (picture 1). The result of experts estimate in the second case is more exact as weights of experts will show their distinction in knowledge of various features of subject domain.

Experts can specify parameters of the criteria characterizing a position only after addition of information about their weights. At first experts ranges the importance of criteria of an assessment. The weight of criteria are added to the field `weight_crit_est` (picture 1) of the table EXPERTS_ESTIMATES. Then experts determine ranges of admissible values for criteria of an assessment (the fields `min_ling_value` and `max_ling_value` of the table EXPERTS_ESTIMATES).

For various staff positions by the same criterion of an assessment ranges of admissible values and their relative weights can differ. Further ranges of admissible values by criteria can be used for an exception of the candidates which aren't conforming to the established requirements. The weight of importance of criteria will allow to execute search of the best candidates in the conditions of a multi criteria of an assessment of alternatives. The final stage of formation of requirements to a position is definition of the general opinion of the group of experts on all criteria of an assessment.

Addition of tables will be one of solutions of a problem of storage of the final conclusions of groups of experts. However in this case the structure of a database will become much more difficult. We offer other way.

Its essence that for storage of total value we will add to each experts group the special member under the name of "Total". The estimates appropriated to the expert of "Total" are considered as collective opinion of expert group and will be used at selection or an assessment of employees [1, p. 95–99; 3, p. 46]. Thus it will be possible to avoid addition of new tables for storage of the aggregated data on groups of experts.

We would like to note in the conclusion that the way of the organization of storage of estimates of experts presented in this article can be used for data-bases of DSS which work in other fields of activity of the people.

Bibliography

1. MacLennan J., Tang Z., Crivat B. Data Mining with Microsoft SQL Server 2008. – Wiley Publishing, 2009. – 676 p.
2. McKnight W. Information Management: Strategies for Gaining a Competitive Advantage with Data. – Morgan Kaufmann, – 2013. – 214 p.
3. Tumanov V. E. Design of storages of data for systems of business analytics. – Moscow : Internet university of information technologies, – 2010. – 615 p

**ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ
РАЗРАБОТОК ПЕДАГОГОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ
«ПЕДИННОВАЦИИ»**

1. Общее положение.
 - 1.1. Организатором конкурса является Научно-издательский центр «Социосфера».
 - 1.2. Конкурс проводится в дистанционной форме через сеть Интернет. Официальный сайт конкурса <http://sociosphere.com>.
 - 1.3. Конкурс проводится на русском языке.
 - 1.4. Стоимость участия одной конкурсной работы составляет 300 рублей.
2. Цель и задачи конкурса.
 - 2.1. Цель конкурса – способствование еще более широкому применению инновационных педагогических технологий в сфере общего образования, направленных на наиболее эффективное усвоение учебной программы общеобразовательной школы.
 - 2.2. Задачи конкурса.
 - 2.2.1. Выявление и поощрение талантливых учителей.
 - 2.2.2. Поддержание мотивации педагогов к активному внедрению инновационных технологий в образовательный процесс.
 - 2.2.3. Выявление, распространение и популяризация лучших методических разработок в сфере общего образования.
 - 2.2.4. Способствование повышению уровня профессиональной культуры и компетентности педагогов.
 - 2.2.5. Обмен педагогическим опытом между учителями разных регионов России в области внедрения инновационных педтехнологий в образовательный процесс.
3. Участники конкурса.
 - 3.1. Участниками конкурса могут стать педагоги:
 - 3.1.1. Общеобразовательных организаций (школ, гимназий, лицеев).
 - 3.1.2. Профессиональных образовательных учреждений.
 - 3.2. Возраст участников не ограничивается, педагогический стаж не учитывается.
 - 3.3. Участие в конкурсе индивидуальное или коллективное. Количество авторов совместной разработки не более 3-х.
 - 3.4. Количество конкурсных работ одного автора не более 3-х разработок пединноваций.
 - 3.5. Конкурс проводится среди педагогов Российской Федерации.
4. Сроки проведения конкурса.
 - 4.1. Конкурс проводится в 1 этап: с 15 апреля по 15 августа 2015 года.
5. Предмет и содержание конкурса.
 - 5.1. Предметом конкурса является подготовленная участником конкурсная работа, которая предоставляется по электронной почте sociosphere@yandex.ru.
 - 5.2. Конкурсная работа состоит из 2-х взаимосвязанных частей:
 - 5.2.1. Учебно-методическая разработка, оформленная в соответствии с требованиями к оформлению (п.9).
 - 5.2.2. Сопроводительная записка.
 - 5.3. Учебно-методическая разработка должна относиться к одному из следующих видов:

- 5.3.1. Технологическая карта и конспект учебного занятия, составленные на основе инновационных методик преподавания.
- 5.3.2. Комплекс авторских интерактивных педтехнологий для внеклассных и воспитательных мероприятий.
- 5.3.3. Разработка контрольно-оценочных критериев и средств.
- 6. Порядок участия в конкурсе.
 - 6.1. В период с 15 апреля по 15 августа участники должны прислать материалы организаторам конкурса по электронной почте sociosphere@yandex.ru.
 - 6.2. Материалы представляются одним файлом, который содержит непосредственно учебно-методическую разработку и сопроводительную записку и должен быть озаглавлен «УМР 2015-ФИО», например, «УМР 2015-Иванова Е. П.». При необходимости файлы с приложениями именуются, соответственно «УМР 2015-ФИО-приложение 1» и т.д.
 - 6.3. Конкурсная работа должна отвечать всем требованиям настоящего Положения. В случае несоответствия им, она может быть отклонена без рассмотрения.
 - 6.4. В период с 15 августа по 31 августа экспертная комиссия Конкурса проводит оценку конкурсных работ.
 - 6.5. Итоги будут объявлены 1 сентября 2015 года.
- 7. Экспертная комиссия конкурса.
 - 7.1. Экспертная комиссия Конкурса формируется из специалистов среднего и высшего образования, имеющих высокий профессиональный уровень и достаточный опыт в экспертных оценках учебно-методических разработок.
 - 7.2. Персональный список экспертной комиссии утверждается организаторами конкурса и публикуется на официальном сайте <http://sociosphere.com>.
- 8. Требования к структуре учебно-методических разработок.
 - 8.1. Конкурсная работа должна содержать следующую информацию:
 - 8.1.1. Название работы.
 - 8.1.2. Название учебной дисциплины (обязательно для конспектов занятий и контрольно-оценочных материалов).
 - 8.1.3. Возраст учащихся (класс).
 - 8.1.4. Цель и задачи разработки.
 - 8.1.5. Ожидаемый результат и требования к умениям и компетенциям.
 - 8.1.6. Педагогические интерактивные методы.
 - 8.1.7. Педагогические технологии.
 - 8.1.8. Список используемой литературы и источников, оформленный по ГОСТ 2008. <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>
 - 8.2. Сопроводительная записка должна включать сведения об авторах (на каждого автора оформляется отдельная сопроводительная записка):
 - 8.2.1. Фамилия, имя и отчество.
 - 8.2.2. Год рождения.
 - 8.2.3. Ученая степень, звания (если есть).
 - 8.2.4. Имеющаяся квалификационная категория.
 - 8.2.5. Место работы, должность.
 - 8.2.6. Достижения, награды.
 - 8.2.7. Домашний адрес (с указанием почтового индекса).
 - 8.2.8. Мобильный телефон.
 - 8.2.9. E-mail.
- 9. Требования к оформлению учебно-методической разработки.
 - 9.1. Конкурсная работа оформляется в Word-файле (doc, docx).

- 9.2. На титульном листе должна содержаться информация об организации, которую представляет автор, название разработки, ФИО автора, город и год.
- 9.3. Приложения могут представлять собой аудио-, видеоматериалы, графические изображения, презентации и компьютерные программы.
- 10. Требования к объему конкурсной работы.
 - 10.1. Объем учебно-методической разработки не должен превышать 30 страниц с учётом текстовых и графических приложений.
 - 10.2. Формат страницы А4 (210х297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.
- 11. Процедура оценки конкурсных работ.
 - 11.1. Предметом оценки является учебно-методическая разработка (п. 8.).
 - 11.2. Каждая конкурсная работа оценивается по 100-бальной шкале.
 - 11.3. Баллы конкурсной работы выставляются исходя из результатов оценки экспертов.
 - 11.4. Критерии выставления оценок:
 - 11.4.1. Наличие инновационного подхода к методической разработке.
 - 11.4.2. Соответствие работы заявленным целям и задачам.
 - 11.4.3. Научно-педагогическая и дидактическая содержательность.
 - 11.4.4. Логическая последовательность положений методической разработки.
 - 11.4.5. Оригинальность предлагаемых авторских интерактивных педагогических методов и средств.
 - 11.4.6. Доступность стиля изложения учебного материала.
 - 11.4.7. Творческий подход.
 - 11.4.8. Презентабельность и иллюстративность.
 - 11.4.9. Возможность повторения другими педагогами.
 - 11.4.10. Качество оформления.
 - 11.5. Итоговая оценка конкурсной работы формируется как средняя арифметическая оценок экспертов.
- 12. Участники и победители конкурса.
 - 12.1. Все конкурсные работы будут размещены на сайте и доступны для обсуждения посетителями сайта.
 - 12.2. Участники конкурса получают дипломы участников, лауреатов или победителей конкурса.
 - 12.3. Победители, набравшее наибольшее количество баллов, получают дипломы за 1-е, 2-е и 3-е место, а также возможность бесплатной публикации учебно-методической разработки (до 5 страниц) в журнале «Социосфера».
- 13. Заключительные положения.
 - 13.1. Участие в Конкурсе означает согласие и принятие условий настоящего Положения.
 - 13.2. Ответственность за соблюдение авторских прав работ, присланных на Конкурс, несут участники, приславшие данные работы.
 - 13.3. Присылая свою работу на Конкурс, авторы автоматически дают свое согласие на размещение ее в сети Интернет, а также публикацию информации о своем участии или победе на сайте Конкурса и в научных изданиях НИЦ «Социосфера».

**План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии,
Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году**

15–16 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»**
(К-04.15.15)

18–19 апреля 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Преемственность уровней образования: содержание, управление, мониторинг»**
(К-04.18.15)

20–21 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук»**
(К-04.20.15)

22–23 апреля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социально-культурные институты в современном мире»**
(К-04.22.15)

25–26 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»**
(К-04.25.15)

28–29 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия»**
(К-04.28.15)

2–3 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»**
(К-05.02.15)

5–6 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»**
(К-05.05.15)

7–8 мая 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления»**
(К-05.07.15)

10–11 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»**

(К-05.10.15)

13–14 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы»**

(К-05.13.15)

15–16 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»**

(К-05.15.15)

20–21 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Текст. Производство. Читатель»**

(К-05.20.15)

22–23 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»**

(К-05.22.15)

25–26 мая 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»**

(К-05.25.15)

1–2 июня 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»**

(К-06.01.15)

10–11 сентября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»**

(К-09.10.15)

15–16 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»**

(К-09.15.15)

20–21 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы»**

(К-09.20.15)

25–26 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения»**
(К-09.25.15)

28–29 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации»**
(К-09.28.15)

1–2 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»**
(К-10.01.15)

5–6 октября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»**
(К-10.05.15)

10–11 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы связей с общественностью»**
(К-10.10.15)

12–13 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития»**
(К-10.12.15)

13–14 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях»**
(К-10.13.15)

15–16 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия»**
(К-10.15.15)

20–21 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования»**
(К-10.20.15)

25–26 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»**
(К-10.25.15)

1–2 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия**»

(К-11.01.15)

3–4 ноября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования**»

(К-11.03.15)

5–6 ноября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы**»

(К-11.05.15)

15–16 ноября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Проблемы развития личности: многообразие подходов**»

(К-11.15.15)

20–21 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования**»

(К-11.20.15)

25–26 ноября 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция «**История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему**»

(К-11.25.15)

1–2 декабря 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция «**Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях**»

(К-12.01.15)

3–14 декабря 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития экономики и управления**»

(К-12.03.15)

5–6 декабря 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук**»

(К-12.05.15)

**Plan of the international conferences organized by Universities
of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria Kazakhstan,
Uzbekistan and the Czech Republic on the basis
of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2015**

April, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Informative and communicative space and a person**»
(K-04.15.15)

April, 18–19, 2015.

II international scientific conference «**Continuity of education levels: contents, management, monitoring**»
(K-04.18.15)

April, 20–21, 2015.

International scientific conference «**Human health as an issue of medical and social sciences and humanities**»
(K-04.20.15)

April, 22–23, 2015.

III international scientific conference «**Social and cultural institutions in the modern world**»
(K-04.22.15)

April, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge**»
(K-04.25.15)

April, 28–29, 2015.

International scientific conference «**Culture, civilization and society: a paradigm of research and trends in interaction**»
(K-04.28.15)

May, 2–3, 2015.

III international scientific conference «**Modern technologies in system of additional and professional education**»
(K-05.02.15)

May, 5–6, 2015.

VI international scientific conference «**The theory and practice of gender researches in world science**»
(K-05.05.15)

May, 7–8, 2015.

international scientific conference «**Sociosphere in the modern world: current problems and aspects of humanitarian comprehension**»
(K-05.07.15)

May, 10–11, 2015.

III international scientific conference «**Risks and safety in rapidly changing world**»
(K-05.10.15)

May, 13–14, 2015.

II international scientific conference «**The culture of tolerance in a context of globalization: methodology of research, reality and prospect**»
(K-05.13.15)

May, 15–16, 2015.

VI international scientific conference «**Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction**»
(K-05.15.15)

May, 20–21, 2015.

III international scientific conference «**Text. Literary work. Reader**»
(K-05.20.15)

May, 22–23, 2015.

II international scientific conference «**Advertizing in the modern world: history, theory and practice**»
(K-05.22.15)

May, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society**»
(K-05.25.15)

June, 1–2, 2015.

IV international scientific conference «**Social and economic problems of modern society**»
(K-06.01.15)

September, 10–11, 2015.

VI international scientific conference «**Problems of modern education**»
(K-09.10.15)

September, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**New approaches in economy and management**»
(K-09.15.15)

September, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects**»
(K-09.20.15)

September, 25–26, 2015.

III international scientific conference «**Problems of formation of a professional: theoretical analysis principles and practical solutions**»
(K-09. 25.15)

September, 28–29, 2015.

III international scientific conference «**Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization**»

(K-09.28.15)

October, 1–2, 2015.

V international scientific conference «**Foreign language in the system of secondary and higher education**»

(K-10.01.15)

October, 5–6, 2015

VI international scientific conference «**Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches**»

(K-10.05.15)

October, 10–11, 2015.

II international scientific conference «**Current issues of public relations**»

(K-10.10.15)

October, 12–13, 2015.

International scientific conference «**Computerisation of higher education: current situation and development prospects**»

(K-10.12.15)

October, 13–14, 2015.

III international scientific conference «**Purposes, tasks and values of education in modern conditions**»

(K-10.13.15)

October, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction**»

(K-10.15.15)

October, 20–21, 2015.

International scientific conference «**Modern developmental psychology: main trends and prospects of research**»

(K-10.20.15)

October, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions**»

(K-10.25.15)

November, 1–2, 2015.

V international scientific conference «**Religion – science – society: problems and prospects of interaction**»

(K-11.01.15)

November, 3–4, 2015.

II international scientific conference «**Professionalism of a teacher in the information society: problems of formation and improvement**»

(K-11.03.15)

November, 5–6, 2015.

III international scientific conference «**Current issues of social researches and social work**»

(K-11.05.15)

November, 15–16, 2015.

III international scientific conference «**Problems of development of a personality**»

(K-11.15.15)

November, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education**»

(K-11.20.15)

November, 25–26, 2015.

IV international scientific conference «**History, languages and cultures of the Slavic people: from origins to the future**»

(K-11.25.15)

December, 1–2, 2015.

VI international scientific conference «**Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches**»

(K-12.01.15)

December, 3–4, 2015.

III international scientific conference «**Problems and prospects of development of economy and management**»

(K-12.03.15)

December, 5–6, 2015.

II international scientific conference «**Safety of a person and society**»

(K-12.05.15)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотексто-

вые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosphere.com>, а также в реферативных базах Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, Directory of open access journals по адресу <http://www.doaj.org>, Open Academic Journal Index по адресу <http://oaji.net> и Research Bible по адресу <http://www.researchbib.com>, что обеспечивает нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент, Ефимова Диана Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Надежда Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, (Москва, Россия), Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Гончаров Вадим Николаевич, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия), Гринин Леонид Ефимович, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), Исламов Захиджан Махмудович, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), Минияров Валерий Максимович, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), Мохначева Марина Петровна, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сердобинцева Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), Танцошова Джудита, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), Христова Наталия Цветанова, PhD., профессор (история – София, Болгария), Хрусталькова Наталья Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), Цибак Любош, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал **«Paradigmata poznání»** (Парадигмы познания) публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Журнал «Paradigmata poznání» зарегистрирован Международным Центром ISSN (региональное отделение в г. Прага), ему присвоен номер ISSN 2336-2642. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера»

<http://sociosphera.com>, а также в реферативных базах Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, и Research Bible по адресу <http://www.researchbib.com>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна,
кандидат психологических наук, доцент,
заместитель главного редактора – **Кушаев Умиджон Рахимович,**
кандидат философских наук.

Редакционная коллегия: Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Бойцов Виктор, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), Вернигора Александр Николаевич, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), Замаровский Петер, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), Ивановска Божена, PhD. (социология – Варшава, Польша), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Крейчова Ленка, PhD. (психология – Прага, Чехия), Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Кэмп Марианне, PhD., доцент, (история – Вайоминг, США), Лидяк Ян, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сигмунд Томаш, PhD. (философия – Прага, Чехия), Сзуппе Мария, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), Срб Владимир, PhD., (политология – Колин, Чехия), Танцошова Джудита, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), Хаджкова Ванда, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

**Требования к оформлению материалов,
отправляемых в журналы «Социосфера» и «Paradigmata poznání»**

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravchnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название жирным шрифтом, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект

должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 4–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Имя файла, отправляемого по e-mail,

для журнала «Социосфера»

соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

для журнала «*Paradigmata poznání*» файл со статьей – **РР-Петров ИВ** или **РР-German P**, квитанция – **РР-Петров ИВ квитанция** или **РР-German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы.

Стоимость публикации в журналах составляет 250 рублей за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 250 рублей за один экземпляр.

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal are placed on the website of Science Publishing Center «Sociosphere» at <http://sociosphaera.com> and on databases of Electronic research library at <http://elibrary.ru>, Directory of Open Access Journals at <http://www.doaj.org>, Open Academic Journal Index at <http://oaji.net> and Research Bible at <http://www.researchbib.com>, that gives our authors the opportunity to raise their index of quotation.

The content of journal has following parts:

- Science
- In help to professors
- In help to teachers
- In help to doctoral candidates.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

Editor-in-Chief– Boris Doroshin,
candidate of historical sciences, assistant professor

Editorial board

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor (responsible for release), Michail A. Antipov, candidate of philosophical sciences, assistant professor,

Diana V. Efimova, candidate of psychological sciences, assistant professor, Nadezhda V. Saratovceva, candidate of pedagogical sciences, assistant professor.

The international editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria), Alla Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Asya S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia), Sergey N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia), Vadim N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia), Leonid E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia), Zahidzhan M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Natalia Ts. Khristova, Ph.D, professor (History – Sofia, Bulgaria), Viktor V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia), Valeriy M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia), Marina P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia), Murat O. Nasimov, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan), Miroslav Sapik, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Natalia A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia), Lubosh Cibak, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Czech science journal «**Paradigmata poznání**» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphaera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and and Research Bible at <http://www.researchbib.com>.

The content of journal has following parts:

1. Theory and analyses.
2. Empirical and applied studies.
3. Surveys, reviews and comments.
4. Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor

Deputy Editor-in-Chief – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy),

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Victor Boicov, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), Aleksandr N. Vernigora, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), Bozhena Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), Vanda Hajkova, DrPaed., associate professor (Education – Prague, Czech Republic), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Nursafa G. Khayrulina, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen,

Russia), Lenka Krejčová, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), Petr N. Kobets, doctor of law, professor (Moscow, Russia), Andrey V. Korotayev, doctor of history, professor (Moscow, Russia), Marianne Kamp, Ph.D, associate professor (History – Wyoming, USA), Jan Lidyak, Ph.D. professor (Political science – Colín, Czech Republic), Nikolay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), Miroslav Sapík, Ph.D. associate professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Tomáš Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), Mariya Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), Vladimír Srb, Ph.D. (Political Sciences – Colín, Czech Republic), Judita Tancoshová, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Peter Zamarovský, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications sent to the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphere@yandex.ru or sociosfera@seznam.cz. Each article should have a UDC. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2cm, left – 3cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume.

The name of the file

for the journal «Sociosphere» – family name and initials of the first author, for example:

German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **German P receipt.**

for the journal «Paradigmata poznání» – the file with an article – **PP-German P**, the payment confirmation – **PP-German P receipt.**

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

УДК 94(470)»17/18»

Культура г. Семиреченска в XIX веке

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права,

г. Семиреченск, N-ский край, Россия

Culture in Semirechensk in the XIX century

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law,

Semirechensk, N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется

актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York. : H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати?

Да/нет (оставить нужное)

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг **«Премииум»** включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered)

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered)

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items)..

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Tashkent Islamic University
Belarusian State University
Secondary school № 54, Moscow

ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Materials of the V international scientific conference
on March 25–26, 2015

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 30.03.2015. 60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 9,05.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz